

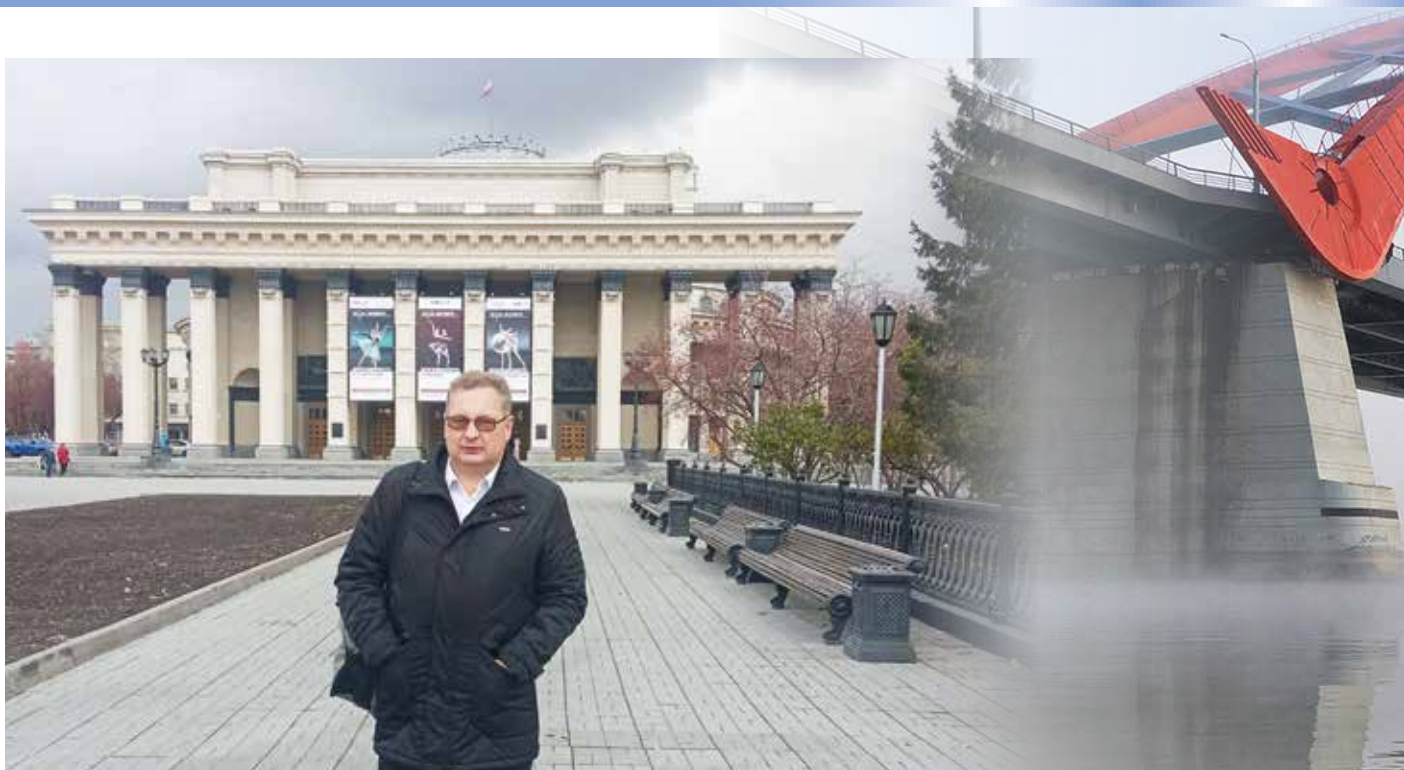
АЛЕКСАНДРЪ

ISSN 2542-0135

литературно-исторический журнал № 3 (54)

март, 2021

ДОРОГИЕ ЧИТАТЕЛИ!

Вашему вниманию представлен мартовский номер литературно-исторического журнала «Александръ», в который включены произведения членов Союза писателей России из Новосибирской области, что, как я считаю, крайне своевременно, т. к. 2021 год – юбилейный год присоединения Сибири к России. Это веская причина для того, чтобы обратить внимание не только на творчество, но и на материальную поддержку сибиряков.

Написанные в иронической форме произведения очень гармонично вписались в формат «Александра», особенно всё, что связано с именем Александра Сергеевича Пушкина. А присутствующий юмор раскрывает характер сибиряков – несомненно, так и должно быть, ведь только оптимист может укорениться, закрепиться и созидать в столь суровых климатических и природных условиях.

Особую благодарность хотелось бы выразить своему тёзке, руководителю Новосибирского отделения Союза писателей России Анатолию Шалину, на плечи которого легла ноша по сбору материалов для данного номера, да и в целом великий труд по организации работы писателей-сибиряков. Творческих свершений, друзья!

Анатолий ТРУБА,
директор – главный редактор

ДОРОГИЕ ДРУЗЬЯ!

Предваряя тексты наших новосибирских литераторов, собранные для этого сибирского номера журнала «Александръ», маленько расскажу о том, откуда и как пошла сибирская литература и, в частности, возникло Новосибирское отделение Союза писателей, и о наших проблемах сегодняшних и вчерашних.

Литература – сибирская не исключение – обычно возникает, когда появляются люди с позывом к творчеству (таких определённый процент в народе почти всегда присутствует) и есть для них возможность своим творчеством осчастливить массы слушателей или читателей. Поэтому, полагаю, народное творчество в Сибири было всегда – песни, былины, сказания, сказки, частушки исполнялись по сёлам сибирским испокон веков.

А вот с возникновением бумажных изданий – журналов, альманахов – уже стала развиваться с XIX века и современная сибирская литература. Так, с появлением в 1921 году журнала «Сибирские огни» сразу закрутились вокруг него несколько десятков авторов – стихотворцев, прозаиков, которые стали у колыбели зарождения новосибирской писательской организации.

Так Новосибирское отделение Союза писателей Российской Федерации и зародилось в марте 1926 года, когда на 1-м Всесибирском съезде писателей приняли решение организовать Сибирский союз писателей, позднее преобразованный в Новосибирское отделение Союза писателей России. Инициаторами создания организации были Владимир Зазубрин, Михаил Басов, Феокист Березовский и Емельян Ярославский.

Новосибирская писательская организация до 1991 года входила в Союз писателей СССР в качестве областного отделения СП РСФСР, объединяла в творческий союз писателей Новосибирска и Новосибирской области.

Так что нашему литературному образованию годов-то уже многовато. Были годы благополучные, тучные, когда появлялись талантливые поэты и прозаики, крупные публицисты, критики, правда, кое-кого из них довольно быстро сманивали в столицу. Бывали времена, когда литературные силы начинали скукоживаться. Всякое бывало.

Нынешние проблемы сибирской (новосибирской) литературы, думаю, мало чем отличаются от таких же проблем остальных провинциальных организаций. Перечислю:

1. Нет серьёзной государственной поддержки отечественной литературы, отсутствуют региональные программы книгоиздания.

2. Возможности публикации на бумажных носителях (литературные журналы, авторские книги) сужаются с каждым годом. Авторы теряют связь с читателями, а сама читательская масса тает. Невежество возрастает с каждым годом.

Ныне если и читают что, то в интернете или слушают аудиокниги.

3. О гонорах, о достойной оплате литературного труда, полагаю, уже и говорить не стоит, а посему многие талантливые ребята перестают писать, уходят в другие сферы деятельности. Так, из сотни членов нашей организации кормились литературным трудом человек десять, но в последние пару лет из них больше половины стали искать себе другие возможности для заработка.

4. Общий кризис культурный и экономический, конечно, сказывается и на развитии сибирской литературы. Организация стареет, молодых литераторов почти не появляется, за последние десятилетия наметилась серьёзная деградация.

Впрочем, это следствие деградации всего общества и культуры, и на общем фоне вроде бы и не сильно заметно, но, увы, если сравнивать с тем, что было лет сорок назад, видно, профессионализму у литераторов (особенно юных) сильно поубавилось.

5. Разорваны почти литературные связи между писательскими организациями. И общую картину

литературной жизни Сибири можно представить уже с трудом. Хотя частично это помогает сделать интернет, какую-то информацию, литературные новости там можно вылавливать.

6. За последние три десятка лет ещё и были ликвидированы сверху практически все государственные региональные и областные книжные издательства. Нынче издавать книгу могут себе позволить авторы либо очень состоятельные, либо заручившиеся серьёзной финансовой поддержкой знакомых спонсоров, обычно о талантливости самого автора в таких случаях речи не идёт: нашёл деньги на издание – уже гений. Увы, поток макулатуры бурлит и захлёстывает и в самом деле талантливые книги, как правило, издаваемые на скромные средства авторов и очень маленькими тиражами.

7. Из предыдущего пункта вытекает, что необходима серьёзная экспертная оценка литературных трудов, предлагаемых к изданию, а этого нет.

В Новосибирске в начале века удалось создать такой экспертный совет с небольшими средствами на издания, года два он просуществовал, на мой взгляд, успел сделать много полезного и по краеведческой, и по художественной литературе, но, увы, недолго мучилась старушка. Грянул очередной кризис, 2008 года, и мэрия культурной столицы Сибири тут же решила сэкономить, и те несчастные 300 или 400 тысяч рублей, что отпускались на издания, одобряемые городским экспертным советом, пустили, видимо, на другие нужды, а совет был ликвидирован.

Вот, если коротенько, такие проблемы в сибирской литературе. Думаю, не только в сибирской.

Чтобы не заканчивать на столь печальной ноте, добавлю. И всё равно существует сибирская литература, несмотря ни на какие глобальные «катаклизмы» и вопреки всему! Пишет народ, творит, и книги выходят, и солидные, и талантливые, и очень интересные – маленькими тиражами, но выходят.

И это радует, есть надежда, что и до возрождения русской, сибирской литературы и расцвета её кому-нибудь из нас и дожить удастся, если, конечно, опять же медицина не подведёт.

Анатолий ШАЛИН

В НОМЕРЕ:

ГОСТЬ НОМЕРА

Анатолий Шалин.

7 Большие перемены

11 Продукт эпохи

ПОЭЗИЯ

12 Юрий Ключников

РУССКОЕ СЛОВО

16 Татьяна Трофимова-Воронцова.
«Что за чудо – простые слова...»

ПОЭТИЧЕСКИЙ БЛОКНОТ

19 Юниль Булатов

ПРОЗА

Альберт Кайков.

23 Браконьеры

25 Грибы на даче

26 Дед Фишка

НОВОСИБИРСКИЙ КАЛЕЙДОСКОП

28 Александр Верин.
О Пушкин! – майский мой Близнец

36 Анатолий Побаченко

38 Геннадий Прашкевич

ФАНТАСТИКА

Алексей Ерошин.

43 Price

45 Эй, моряк...

РОМАНТИКА

47 Сергей Шелковников.
О морях с любовью!

ДУХОВНЫЕ ЗЁРНА

52 Татьяна Никитина.
Державный покров России.
Икона Божией Матери «Державная»

ЖИТЕЙСКОЕ

Николай Волокитин.

56 По заслугам

59 Алый январь

61 Вопреки всему

СТИХОТВОРНОЙ СТРОКОЙ

62 Александр Денисенко

67 Ольга Киевская

РОДНОЕ

70 Виктор Сайдаков.

Голоса над деревней

ЛИРИКА

74 Виктор Сайдаков

78 Влад Красноярский.
Белая Россия

СОВРЕМЕННОСТЬ

82 Иван Марковский.
Иван, Орлан и куриная слепота

ДРУЗЬЯ

89 В. В. Березовский.
Благодатное кольцо объединяет
народы

93 Лыжный поход

ШАГИ «АЛЕКСАНДРА»

94 Александр Сергеев.
Три новые книги

СЛАВЯНСКИЙ ФОРУМ ИСКУССТВ
ЗОЛОТОЙ ВЕК

Журнал издан при финансовой поддержке администрации Тамбовской области за счёт средств гранта в форме субсидии, предоставленного социально ориентированной некоммерческой организации.

Литературно-исторический журнал «Александръ» включён в список изданий, выходящих при содействии Союза писателей России.

Главный редактор – Анатолий Сергеевич ТРУБА,

секретарь Союза писателей России, доктор экономических наук, профессор.

Шеф-редактор – А. Н. СЁМИН (Екатеринбург), член Союза писателей России, академик РАН, заслуженный деятель науки РФ.

Редколлегия:

В. С. Аршанский (Мичуринск), почётный гражданин Тамбовской области, член СПР, заслуженный работник культуры;

Н. Ф. ИВАНОВ (Москва), председатель правления Союза писателей России;

Г. В. ИВАНОВ (Москва), поэт, первый секретарь Союза писателей России;

Т. Н. ВОРОНИНА (Екатеринбург), народная артистка России, артистка Свердловской государственной филармонии, создатель и руководитель «Театра Слова», член Союза писателей России;

В. И. ГАЗЕТОВ (Москва), член Союза журналистов России, декан факультета рекламы и связей с общественностью Института экономики и культуры, кандидат исторических наук, профессор, почётный работник высшего профессионального образования РФ;

В. Т. ДОРОЖКИНА (Тамбов), член Союза писателей России, почётный гражданин города Тамбова, заслуженный работник культуры РФ;

В. А. КАЗМИН (Луганск), председатель Луганской писательской организации им. В. И. Даля Союза писателей России;

Л. В. КОЛПАКОВ (Москва), секретарь Союза журналистов России, первый заместитель главного редактора «Литературной газеты», шеф-редактор отдела «Искусство»;

В. Г. КОРЗУН (Москва), лётчик-космонавт, Герой России, генерал-майор;

С. И. КОТЬКАЛО (Москва), сопредседатель Союза писателей России, главный редактор интернет-обозрения «Русское Воскресение», журнала «Новая книга России»;

И. М. КУЛИКОВ (Москва), доктор экономических наук, академик РАН, директор ВСТИСП;

Р. С. ЛЕОНОВ (Мичуринск), член Союза журналистов России, председатель информационно-издательского отдела Мичуринской епархии;

Ю. М. ПОЛЯКОВ (Москва), председатель редакционного совета «Литературной газеты», писатель, публицист, общественный деятель;

Г. Н. ПОПОВА (Мичуринск), член Гильдии театральных менеджеров России, директор Мичуринского драматического театра, заслуженный работник культуры РФ;

Никас САФРОНОВ (Москва), заслуженный художник РФ, академик Российской академии художеств, профессор, член Союза писателей России;

С. А. ТРАХИМЁНОК (Минск), доктор юридических наук, профессор, член Союза писателей России, член Союза писателей Беларуси;

В. И. ЧИСТЯКОВ (Тамбов), член Союза журналистов России;

А. Н. ЧУМИКОВ (Москва), генеральный директор агентства «Международный пресс-клуб», гл. н. с. ФНИСЦ РАН, доктор политических наук, профессор.

Редакция выступает в переплёт только с авторами, материалы которых приняты к публикации. Рукописи не рецензируются и не возвращаются. За достоверность фактов несут ответственность авторы статей. Их мнения могут не совпадать с точкой зрения редакции. Авторы присылаемых материалов обязаны сообщить редакции: домашний адрес с почтовым индексом; день, месяц, год своего рождения; паспортные данные (серия, номер, кем и когда выдан). Редакция убедительно просит авторов присылать электронную версию своих произведений с обязательной распечаткой текста. Рукописи без распечатки не принимаются. Параметры набора: 14-й кегль через 1,5 интервала, отчётливо читаемый.

ЖУРНАЛ «Александръ» № 3 (54), март 2021 г.

Зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-66728 от 8 августа 2016 г.

Учредитель и издатель, директор, главный редактор – А. С. Труба.

Дизайн, вёрстка – Елена Ермохина (Путятин).

Дата выхода – 01.03.2021 г.

Тираж 1000 экз.

Распространяется бесплатно. Безгонорарное издание.

Адрес редакции, адрес издателя: 119146, Москва, Комсомольский проспект, 13, Союз писателей России.

Телефон: 8-915-879-14-14 – директор, главный редактор.

Электронная почта: truby.anatoly@yandex.ru

Адрес сайта: www.alexlib.ru

Информация предназначена для лиц старше 16 лет.

Бумага мелованная. Гарнитура PF Agora Slab Pro.

Формат 60х90 1/8. Усл. печ. л. 12.

Изготовлено в полном соответствии с предоставленным макетом в АО «Издательский дом «Мичуринск», 393760, Тамбовская обл., г. Мичуринск, ул. Советская, 305. Тел.: 8 (47545) 5-21-15.

E-mail: izdomich@inbox.ru

ISSN 2542-0135

КОЛЫШИЕ ПЕРУЖЕНЫ

СКАЗОЧКА

*У нас в Тридевятиом царстве, как известно,
всё меняется, но остаётся неизменным.*

Из воспоминаний Бабы-Яги

Началось всё с того, что блюстители небесных сфер недосмотрели за состоянием хрустального свода. Появились трещины, и здоровенный кусок небесной штукатурки шлёпнулся в одно из болот государства. Поначалу-то граждане Тридевятого никаких изменений не обнаружили. Но вдруг через неделю примерно после означенного астрономического явления одна из кикимор того болота схватила затяжную простуду, сразу почему-то обвинила руководство в отсутствии заботы о жителях Тридевятого государства и в знак протеста организовала демонстрацию голых кикимор перед резиденцией Его Величества Кощея Бессмертного.

Надо отметить, что кикиморы и в нарядах не доставляли жителям Тридевятого никакого эстетического удовольствия, а уж в голом виде, сами понимаете, не каждый такое зрелище выдержит... Вот Его Величество и не выдержал...

Поморщился и велел выпороть участниц демонстрации прямо на площади перед дворцом, так сказать, в назидание другим участникам подобных безобразий.

Выпороть-то выпороли. Заслуженный почётный палач Тридевятого тряхнул стариной – постарался. И сколько ж тогда визгу и писку было, и сколько шуму поднялось! Аж из соседнего Тридесятого государства их глава, а точнее Змей Горыныч Трёхголовый, ноту протеста прислал. Обвинил Его Величество Кощея в тоталитаризме и нарушении прав болотных жителей. Дескать, да как вы могли?! Как посмели! Без суда и следствия, без адвокатов и прокуроров устроить показательную порку! Междуболотная демократическая общественность протестует! Завтра же после обеда санкции введём, и вам мало не покажется!..

Кощей-то хоть и бессмертный был, и не одну тысячу лет уже разменял на белом свете, но и слов-то таких не слыхивал, и адвокатов никаких отродясь не видывал, а за прокуроров-то сам всегда привык работать в две смены. Затрясся он, бедный, и с криком: «Это что ж такое деется!» – стал с палкой гонять по дворцу своих министров, приговаривая: «Я вам устрою демократию! Я вам покажу общекикиморовские ценности! А ну признавайтесь, кто настучал Трёхголовому Горынычу о показательной порке? Кто у меня тут пятая колонна?!»

Министры, конечно, попрятались... У Его Бессмертия рука-то тяжёлая. Все затаились и стали выжидать, когда старикан успокоится и всё затихнет. Однако вражеские агенты не дремали. Вскоре прискакал гонец с известием, что одна пятидесятая часть Тридевятого царства суверенитета затребовала, опять бушуют кикиморы и водяные Большого Западного болота. У них, дескать, месторождение болотного газа. Они самодостаточны и не собираются больше терпеть тиранию Кощея. У Его Бессмертия от этих известий чуть сто сорок восьмой инфаркт не приключился, хорошо, придворный лекарь вовремя ему валерьянки в бокал накатил.

И пошёл грохот по всему Тридевятому... Задули из трещины в небесном своде ветры перемен.

Кощей призадумался, помрачнел и после некоторых размышлений приказал созвать внеочередное расширенное заседание Государственного совета.

Съехались, конечно, со всего Тридевятого депутаты: лешие, домовые, кикиморы, водяные, озёрные, русалки, вурдалаки, оборотни в погонах, конечно же. И такой гвалт устроили, что Кощею совсем заглохло.

– Стоп! – кричит. – Не орите все хором! Не на спевках! Давай по порядку. Докладывай ты! – ткнул Кощей пальцем в сторону одного из самых упитанных вурдалаков. – Чем недовольны?

И наступила тишина. Вурдалак откашлялся, промокнул лысинку платочком и просипел:

– Ваше Бессмертие, так жить нельзя!

– Что? – у Кощея даже в горле запершило. – Как это нельзя? Столько столетий жили

спокойно, не тужили – и нате вам: так жить нельзя! А как, по-твоему, можно?

– Ваше Бессмертие, и я о том же. Мысль эту вам, Ваше Величество, высказать пытаюсь. Да где же она? Только что тут была...

– Кто где?

– Да мысль, мысль, – вурдалак облизнулся. – Только что в голове вертелась – и как слизнул кто-то.

Кощей сплюнул:

– Тьфу! Что с дурака возьмёшь? Ему бы только облизываться! Вы чего мне в государстве балаган устраиваете? «Так жить нельзя!» Это что за разговоры?

– Вспомнил! Вспомнил! Ваше Бессмертие! – захлопал в ладошки вурдалак. – Глобализация!

– Какой ты там лизацией занимаешься, это меня мало волнует, – насупился Кощей. – Лижи кого хочешь, но чтобы на законном основании!

– А ещё, – подсказала вурдалаку одна из кикимор, – демократизация! Гласность!

– А тебе я слова не давал! – рявкнул Кощей. – Молчать, когда старшие беседу ведут! Пораспустились в своих болотах, совсем страх потеряли!

– Ваше Бессмертие, – пролепетал вурдалак, – она правильно подсказала. Отстаём, отстаём!.. В Тридесятом государстве уже столетия два как демократизацию вводят. И гласность у них давно. И несогласных с этими нововведениями там давно уже нет, всех повывели! А что у нас?

– А что у нас? – возмутился Кощей. – У нас порядок! Благолепие! Тишина! Лес дремучий! Природа! Нам заморские злодеи не указ!

– Как же не указ? Как же не указ? Что это вы такое говорите, Ваше Бессмертие! Сам Змей Горыныч набольший, что о тринадцати головах, в своей заморской Демократической Империи ещё когда гласность ввёл и разделение властей организовал! У него каждая голова своей властью пользуется. Одна – законодательной, другая – исполнительной, третья – судебной. Четвёртая голова за внутреннюю политику отвечает, пятая – за внешнюю. Шестая рекламой и кинематографом заведует. Седьмая подрывную деятельность курирует. Восьмая науками ведает. Девятая – литературой и искусствами

разными. Чем десятая голова занимается, точно сказать не могу, кажется, геополитикой. Тринадцатую голову они в президенты выбрали на ближайшие четыре года. Во как в демократическом-то передовом государствии!

– Хм! Интересно вещаешь! – прошамкал Кощей. – А чем одиннадцатая и двенадцатая головы Горыныча ведают, об этом почему не докладываешь?

– Врать не буду, Ваше Бессмертие! Не знаю, слухи разные ходят, но точных данных нет. Очень уж деятельность этих голов у них засекречена!

– Тоже мне секрет! – поморщился Кощей. – Одиннадцатая голова Змея Горыныча, по моим сведениям, заговоры против нашего Тридевятого царства составляет и террористов к нам направляет, а двенадцатая – подкупом и вербовкой таких мерзавцев, как ты, занимается. Вот кто у меня в пятой колонне! А я ещё сомневался! В холодную его, – кивнул Кощей стражникам. – И на безбелковую диету посадить!

Два дюжих стражника мигом ухватили вурдалака и поволокли куда-то в подвалы дворца.

– А вы чего затихли? Я вас для чего собрал? – набросился Кощей на оставшихся в зале.

– Ваше Бессмертие... – заканючили лешие с водяными. – Что-то надо предпринять. Совсем нас обложили со всех сторон. Так жить нельзя... Что-то надо предпринять! Горынычи супротив нас санкции готовят.

– Знаю, для того и собирал вас, балбесов, чтобы посоветоваться. Ну, кто дельный совет даст, кто у нас самый умный?

– Вы, Ваше Величество! – дружно рявкнули все собравшиеся.

– Это я и без вас знаю, – погрозил пальчиком Кощей. – Где воевода? Почему нет на месте? И Бабу-Ягу не вижу, единственная мудрая женщина на всё царство и та где-то шлындает.

– Да здесь я, здесь! – вылезла Баба-Яга откуда-то из тёмного угла. – Чего звал-то?

– Посоветоваться бы надо. Сама видишь, что творится...

– Вижу. Воевода твой к Змею Горынычу сбёг со всеми вашими военными секретными

разработками, тот ему звание генералиссимуса пообещал, должность тайного советника и откат в полмиллиарда золотых, неденоминированных. Коррупция, будь она неладна! Я тебе, старому дураку, когда ещё говорила: кадры в эпоху глобализации решают всё. С ними работать надо, воспитывать в них сознательность, взращивать преданность нашему Тридевятому царству и интеллект ихний развивать надо. С дураками-то, сам знаешь, не до хорошего! А ты всё руками махал да за Василисой Премудрой гонялся. Это в твои-то годы? Вот и намудрил...

– Ой, Баба-Яга, смерть моя пришла! Ты меня своими известиями без ножа зарезала. И меч-кладенец не понадобился! Ой, плохо мне, лекарь, воды, валерьянки и ведро самогону.

– погоди, дурень, самогон потом пить будем! Ты первым делом – указы давай подписывай!

– Какие ещё указы?

– Надо же выправлять ситуацию. Вот я уже заготовила, подписывай!

– Что это?

– Новая демократическая конституция нашего Тридевятого царства. Вводим отныне гласность, выборность сверху донизу. Разделение властей...

– Да как же это? Я же не Змей Горыныч. У меня голова одна, а не тринадцать, как её разделять-то буду?

– Не переживай. Где одна, там и тринадцать поместятся. У нас ещё не все разработки спёрли. О клонировании слышал?

– И видом не видывал, и слыхом не слыхивал.

– Ещё услышишь, штука полезная. Мы с тобой ещё нанофикацию проведём, дегазацию соседних королевств и инновации твоим чиновникам вкалывать будем. Что поделаешь – не повезло нам с тобой, дожили до эпохи глобальных перемен.

Тут Кощей совсем скис, затрясся весь:

– За что нам это? Так всё тихо было, покойно, и вот на тебе – выборы, гласность...

– И ещё нужна госбезопасность, не забывай и о ней. Подписывай! Закон о выборах сама разрабатывала, всё учтено, к управлению

Тридевятым будут допускаться самые проверенные и бестолковые кадры. Пошумят чуток – и спокойствие в Тридевятом я вам гарантирую.

Кощей, конечно, запереживал, но деться некуда, подписал все декреты и новую конституцию подмахнул и уехал с тоски на рыбалку. А потом прошли выборы и перевыборы, подсчитали голоса – и оказалось, что сознательные граждане Тридевятого всё правильно поняли. Покричали, пошумели и избрали вновь во главе государства на следующие четыреста лет опять того же Кощея, но под номером II и под другим псевдонимом, а в помощь ему назначили ещё десяток его клонов, это чтобы выполнить передовое требование о соблюдении разделения властей. С Большим Западным болотом, конечно, больше всего возни было – самодостаточные, что с них возьмёшь? Пришлось дипломатам Кощеевым во главе с Бабой-Ягой потрудиться на совесть. Выдали, конечно, по первости кикиморам суверенитету – кушай не хочу. Профинансировали сразу две партии: и болотников, и антиболотников. Наградили всю руководящую элиту Западного болота орденами «За заслуги перед Западным болотом» I степени и медалями «Боевой самодостаточной кикиморе». И хотя Змей Горыныч и объявил на весь свет Большое Западное болото зоной своих жизненных интересов, это ему не помогло. Его Бессмертие довольно резко заявил, что Горынычу давно самому пора на зону, и, дескать, все интересы

Тринадцатиголового должны быть там, а не на Западном болоте Тридевятого царства. А чтобы самодостаточность на Западном болоте была всегда в норме, на всякий случай Баба-Яга приказала поставить шлюзы на все речки и ручейки, что питали Большое Западное болото, и сразу как-то все кикиморы попритихли и на болоте всё умолкло.

Всё почти уладили в Тридевятом, утихли ветры перемен. Пошумело, погромело Тридевятое и успокоилось. И опять воцарились порядок, мир и благолетие на долгие времена.

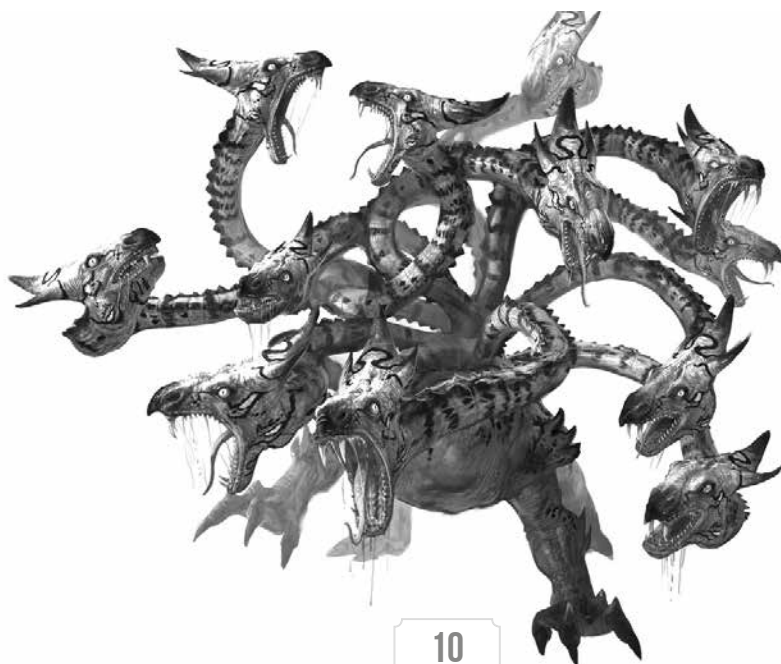
Нет, не зря Баба-Яга когда-то в далёкой юности звалась Василисой Премудрой, и не зря за ней тогда ещё вполне юный Иван-царевич (Кощеем его позднее провозгласили) ухлёстывал. М-да...

А уж после инаугурации Кощея в качестве вновь избранного президента Тридевятого государства Ивана-царевича совсем хорошо стало, а перед этим они с Бабой-Ягой – Василисой Премудрой – прошли курс омоложения молодильными яблоками и стволовыми клетками... И такая симпатичная парочка во главе Тридевятого оказалась, что остальным государствам только завидовать осталось.

Вот и сказке конец.

Так и остался Змей Горыныч Тринадцатиголовый при своём пиковом интересе.

И правильно, нефиг со своими санкциями и жизненными интересами лезть, куда не просили.

ПРОДУКТ ЭПОХИ

ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ СКАЗОЧКА

Синтезировали господа химики нечто непонятное (то – не знаю что...). Стоят, обсуждают, охают, а оно, это самое нечто, начинает вдруг расти, разбухать, раздвигаться...

И воняет, воняет гадостно...

Принюхались товарищи химики и носы зажали.

Одного профессора наконец осенило:

– Братцы, мы же с вами искусственное дерьмо придумали. Смотрите, само растёт, разбухает... Это оно с атмосферой взаимодействует – и как на дрожжах...

– Мало нам говна своего, человеческого, ещё и искусственное придумали, – почесал загривок один из лаборантов. – Если оно так быстро будет увеличиваться по массе, мы через десяток лет всю планету загадим. Не продохнуть будет!

– Молчи, Вася, ты ещё не понимаешь ничего в науке, – возразил шустренький кандидат наук Синюковкин. – Нам Нобелевская премия светит как минимум. Это же решение проблемы органических удобрений... Новый уровень сельского хозяйства.

– Уважаемый коллега прав, – поддержал Синюковкина с. н. с. Петрушкин. – В дерьме вся сила. И если посмотреть на проблему философски, в планетарном, так сказать, масштабе, то все мы из него вышли, все вскормлены, встроены чем?

– Ладно, не будем о качестве продуктов, – поморщился профессор Пентиямов. – И насчёт всех не стоит так уж глобально обобщать, однако, если взглянуть опять же на сливки нашего современного общества... Кто там наверху в основном плавает? А? Пословицы народные – это кладёшь... Я предлагаю – отбросить сомнения и этот нездоровый консерватизм и дать дорогу новейшему высокоэффективнейшему продукту нашей эпохи – не надо бояться громких слов. Я уверен, результаты анализов это подтвердят:

«Наше отечественное, доморощенное дерьмо – самое дерьмовое по всем параметрам и мировым стандартам». Тут-то мы и утрём носы всем этим великим державам! Уж чем-чем, скажут их хилые представители, а дерьмом они богаты! А мы его, родимое, на экспорт!

Собравшиеся у автоклавов опытного цеха бурно зааплодировали оратору.

И новейший искусственный продукт нашей эпохи был запущен в широкое воспроизводство. И загудело, и пошло оно по трубам...

Года через три директор института, работавшего столь ценный технологически чистый продукт, получил Нобелевку, а ещё лет через десять планету и в самом деле загадили по уши.

Не продохнуть!

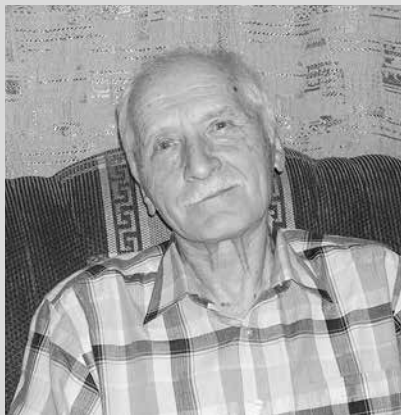
Анатолий ШАЛИН

Анатолий Борисович Шалин родился 28 декабря 1952 года в г. Новосибирске. Окончил Новосибирский государственный университет по специальности «Неорганическая химия» в 1975 году. Работал до 1982 года в научно-исследовательских институтах: НИАТ и Институте неорганической химии (ИНХ СО АН СССР).

С 1982 года работал в Западно-Сибирском книжном издательстве редактором художественной литературы. С 1999 года – ответственным секретарём журнала «Сибирская горница». В апреле 2000 года избран председателем правления Новосибирского отделения Союза писателей России.

Главный редактор литературного журнала «Новосибирск».

Печататься начал с 1978 года. Рассказы и повести публиковались в журналах, газетах, коллективных сборниках. В 1984 году в Западно-Сибирском книжном издательстве вышла первая книга фантастических рассказов «Редкая профессия». С того времени издано одиннадцать авторских сборников. В 1989 году принят в Союз писателей СССР (России). С 2000 года возглавляет Новосибирское отделение Союза писателей России.

Юрий КЛЮЧНИКОВ

Юрий Михайлович Ключников – известный русский поэт, эссеист, философ, переводчик, автор 23 книг стихов, прозы и публицистики, академик Петровской академии наук, член Союза писателей России и Союза журналистов России. Лауреат III Славянского литературного форума фестиваля «Золотой Витязь». Родился 24 декабря 1930 года в рабочей семье, в городе Лебедин (Левобережная Украина), где жил до начала Великой Отечественной войны. В 1941 году вместе с родителями был эвакуирован, вначале в Саратовскую область, а в 1942 году – в Кузбасс. С 1942 года и до сегодняшних дней живёт в Сибири.

Окончил филологический факультет Томского университета. Работал учителем литературы, директором школы, журналистом в газете, радиокорреспондентом, а также главным редактором Новосибирского областного радио, Западно-Сибирской студии кинохроники, редактором издательства «Наука» СО РАН. В 1979 году был обвинён в идеализме и богоискательстве и после трёхлетних партийных разбирательств уволен с работы, затем шесть лет трудился грузчиком на хлебозаводе. В годы перестройки издавал книги по духовной культуре Востока, Запада и России. Публиковался в центральных литературных журналах и изданиях.

Поэзия и публицистика Юрия Ключникова была высоко оценена такими известными литераторами разных направлений, как В. Астафьев, В. Солоухин, В. Кожин, Ю. Селезнёв, В. Сидоров, Е. Евтушенко и др.

Во время войны Юрий Ключников в 13-летнем возрасте несколько месяцев трудился в качестве ученика токаря на заводе «Красный Октябрь» в шахтёрском городе Ленинск-Кузнецкий. Путешественник. Совершил ряд экспедиций в высокогорные районы Алтая, Индии, Непала, поднимался на высоту более 4000 метров.

ЛЕГЕНДА

Пока сметают грозы пыль
И ночь роняет звёзды с неба,
Не прекращает эта боль
Жить, как таинственная небыль.
Сто восемьдесят лет тому
Царю российскому дорога
Надела на плечо суму
И увела из Таганрога.
Ушёл бродягой по Руси –
Иисусе, Господи, спаси!
Пропал из виду царский след,
Монарший гроб спустили в склеп.
Зажглась легенда, как свеча,
Про старца Фёдор Кузьмича.
Его под батогами видели,
А также в Саровской обители.
В худых лаптишках и босой,
Он брёл куда-то под грозой,
Глядел на дальнюю звезду,
Шептал в беспамятстве:
– Дойду,
О светлом дне твоём моля,
Многострадальная земля.
Но средь твоих великих бед
Моих обид и жалоб нет.
Дойду – куда?..

Пушкинский цикл

ДВА ВЕКА С ПУШКИНЫМ

Говорят, что две тыщи девятый
Нам всё переменит,
Что поднимет Россию с колен,
Только чуть подожди.
Улыбается Пушкин,
Два века он наш современник,
Он не верит тому,
Что пророчат волхвы и вожди.
Улыбается Пушкин,
Он знает, что счастье, как пряник
Или куклу ребёнку,
Никто не положит в наш дом,

Что пока мы сердца
 Не очистим от всяческой дряни,
 Будем вечно ходить
 Под своим или Божьим судом.
 Улыбается Пушкин,
 Химер не оставив для рабства
 И свободу воспев
 В первозданной её чистоте,
 Ту, к которой мы можем
 Лишь в духе и в тайне прорваться,
 Потому что иной
 Не бывает свободы нигде.
 Улыбается Пушкин
 Гармонии освобожденья,
 Даже боги летят
 На её ослепительный свет,
 Потому что она,
 Как всемирный закон тяготенья,
 Управляет Вселенной,
 И значит, пределов ей нет.

ВАКХИЧЕСКАЯ ПЕСНЯ

Я пью за Пушкина
 В июньской дачной келье.
 Созвучья прежние на ум приходят мне:
 Что за весельем следует похмелье,
 А истина по-прежнему в вине.
 Я пью за Пушкина, за снисхождение к черни,
 Столетиями всё той же, то есть к нам.
 За вечное рассветное свечение,
 Оно, скользит, увы, по сторонам...
 Я пью за Пушкина, чтоб не свихнулся Германн
 От дамы пиковой и денежных страстей,
 Чтобы Онегин оставался верным
 Татьяне, и России, и Звезде...
 Я пью за Пушкина в канун кончины Света
 (Точнее, тьмы), за смытые грехи,
 За то, что верим, как в Христа, в поэта
 И, как молитвы, чтим его стихи!

ДЕНЬ ПОЭТА

Итак, Россия, вспомним наши святцы,
 Что жив Поэт всей нежити назло.
 Ему отныне двести и тринадцать.
 Забудем это чёртово число.
 Забудем независимость отпраздновать
 Через неделю. Так теперь велят...
 Нальём вина за все мечты прекрасные,
 За устремлённый в будущее взгляд
 И за Него. Он в памяти пока что,
 Как чудный ангел, что неповторим:
 Сегодня, как и встарь, духовной жаждой
 В подлунном мире мало кто томим.
 Всех в этой жажде пламенной упёртых
 Мы издавна привыкли стричь под ноль.
 «Они любить умеют только мёртвых».
 Прости меня, Поэт, за эту боль.
 Прости за то, что я в твой день рожденья
 Ушёл в неподобающую грусть.
 Бокал налит. Так выпьем за терпенье –
 Его ещё не растеряла Русь!

СТАРОМУ ДРУГУ-ПОЭТУ

Тебя чарует нежная росинка,
 Ты славишь мир любви и тишины,
 Ты вторишь Достоевскому: слезинка
 Дороже нам кровавых рек войны.
 Не хочется, да и не нужно спорить,
 Но если сверить с вечностью часы,
 То светлая михайловская Сороть –
 Подруга чернореченской грозы.
 Загадки жизни – не мораль из басни,
 Судьба певца – не сладкий благовест.
 Он и конец приемлет, словно праздник,
 Идёт без приглашения на крест.
 Всё освящает подлинная лира,
 Всё осветляет русская роса:
 И гром войны, и тихий шелест мира,
 Когда их посылают Небеса.

* * *

МИХАЙЛОВСКОЕ

Налево – синий глаз балкона,
Направо – дверь в дневной содом,
Передо мной моя икона –
Чугунный Пушкин над столом.
Литьё из той ещё эпохи,
Тридцатых... Чёрный барельеф.
Тогда в стране иные боги
Царили, прежних одолев.
А наши даже не родились...
О Боже, сколько перемен!
Но мы-то, сколько ни рядились,
Мы те же, не встаём с колен.
Чугунный барельеф поэта
Зовёт к свободе тайной вдаль.
Кому нужна свобода эта?
Зачем нужна она?
А жаль!..

ЗАВЕТЫ ПУШКИНА

*Стихи к выступлению на городском
юбилейном собрании*

Мы собрались, чтоб «наше всё» прославить,
Его двухсотдесятую зарю.
К заветам пушкинским что я могу добавить?
Я лишь заветы эти повторю.
Поэт, не поддавайся модной страсти,
Особенно храни себя от той,
Что разжигают нынешние власти,
Иконой сделав идол золотой.
Не пробуй с ними шашкою бороться,
Твоя забота – ясный свет в ночи.
Суд Божий без поэтов разберётся,
Кого рубить, кого куда влачить.
Не домогайся «букеров» и «анти»,
Не лезь в чужой ошейник, как щенок,
Когда ему на шею вяжут бантик,
Потом крепят туда же поводок.
Ну что ещё? Поверь в звезду-победу,
Пока ещё не зримую нигде.
Но не зови к ней и не проповедуй.
У каждого свои пути к звезде.

На склоне лет и я пришёл
К судьбе Божественную метку,
Понеже наконец свершил
Свой хадж в михайловскую Мекку.
Всё наяву, но как во сне:
Луга, дубровы, зелень просек.
Здесь до сих пор не выпал снег,
По-пушкински ликует осень.
Живой под елью вижу гриб,
Брожу задумчиво глазами
В мохнатых ветках старых лип.
Ловлю сосновые
Касанья.
Слежу, как ручейки бегут
Среди травы в привычной неге.
О Боже, как свободно тут,
В краю непуганых элегий!
Того гляди, из тьмы времён
На лодке Он всплывёт в Кучане,
А рядом Гейченко Семён
Пройдёт по берегу в тумане.
Навеки оба обрели
Свою здесь тайную свободу,
Два ангела родной земли
В святом служении народу.
Безмолвно ждут, когда, Россия,
И ты стряхнёшь с души засилье
Орды, что тянет нас во тьму,
К пути вернёшься своему!

САВКИНА ГОРКА

Внизу причудливая Сороть,
Вверху чудные облака.
Просторы эти опозорить
Пыталась не одна рука.
Мамаем здесь прошёл Баторий,
Броней – фашистская чума.
И мы, чужим вандалам вторя,
Сжигали барские дома.
Всё было, всё ушло в туманы,
В ручьёв течение, в свист ветров.
И снова сосны первозданны,
И вновь над горкою Покров.
И всё, что было в мире этом,

А также будущая мгла
 Нам заповеданы поэтом
 Строкой:
 «Печаль моя светла».

ФАНТАЗИИ НА ТЕМУ ПУШКИНСКОГО СТИХОТВОРЕНИЯ «ИЗ ПИНДЕМОНТИ»

*Не дорого ценю я громкие права,
 От коих не одна кружится голова.*
 А. С. Пушкин

Тоскую по зарытой в грунт речушке
 Неглинке, по зелёным берегам,
 Где некогда бродил подросток Пушкин,
 В ту пору не причисленный к богам.
 Тогда нас всех вела по жизни бодрость,
 В глазах не рубль светился, но звезда...
 Дуэли останавливали подлость,
 Где не держала царская узда.
 Мечтаю запахнуть медвежьей полостью
 Да тройкой в путь под песню ямщика
 Или, когда плетёт интриги сволочь,
 Нажать на спуск дуэльного курка!
 Но не помогут грёзы о бомонде,
 В цене теперь иной аристократ...
 Не стану продолжать «Из Пиндемонта»
 Поэтом перечисленных утрат.
 Не стану поминать потоки крови,
 Цензурный плен, синодик несвобод...
 Ничто не беспокоит сердце, кроме
 Украденных ничтожеством высот.
 От Сахалина и до Петербурга
 Угрюм сегодня дух родных полей.
 Уставился в них хмурый сивка-бурка,
 Понять не может новых королей...
 Пусть скачет или пашет наш Пегас,
 Плетётся даже слабой рысью,
 Мне бы
 Не потерять из виду наше небо
 И чтобы пушкинский светильник не погас.

ДВЕ ИКОНЫ

*Для власти, для ливреи
 Не гнуть ни помыслов, ни совести, ни шеи.*
 А. С. Пушкин

Век мой долгий словно в одночасье
 Промелькнул в глазах картинкой сна.
 Знал ли в нём когда-нибудь я счастье?
 Думаю, что чувствовал и знал.
 Никогда не пользоваться ласками
 Ни былых, ни нынешних вельмож.
 Разве что они меня затаскивали,
 Вызывали на крутой правёж.
 Очень уж старались эти недруги
 Душу расстрелять из всех стволов,
 Записать её насильно в рекруты
 Для охраны собственных столов.
 Как скрипело в их речах железо
 И какое пламя взгляд метал!
 С прежней жестью внутрь уже не лезут,
 Манит их теперь иной металл.
 Ставят для него свои ловушки,
 Даже иногда в тени икон...
 У меня их две – Христос и Пушкин.
 Бог и долг, свобода и закон.

* * *

Ты вынырнул на свет порой морозной
 Не из утробы материнской, нет –
 Ты опустился вниз из пыли звёздной,
 С гнездовой самой светлой из планет.
 Из золотых берёзовых постелей,
 Из пушкинских благословенных строк.
 Но также ты возник из тьмы расстрельной
 Тридцатых, это тоже твой исток.
 Сегодня он расписан по неделям,
 Твой марш-бросок последний на покой.
 Счёт потеряв надеждам и потерям,
 Надеюсь, ты не столь самонадеян,
 Чтобы сказать, а кто же ты такой.

«Что за чудо – простые слова...»

...Кто на каком языке думает, тот тому
народу принадлежит. Я думаю по-русски.

В. И. Даль

Начиная с античной древности поэтов прославляли, и до нашей поры дошли их имена.

Ведь умение зарифмовать самые приятные и долгожданные слова, идущие от сердца, в стихи – это особый талант, которым обладают не все.

Авксентий Цагарели устами героя своей пьесы «Ханума» ещё в 1882 году сказал: «Хороший пастух – поэт, хороший кузнец – поэт, хороший сапожник тоже поэт. А плохой сапожник – одно слово – сапожник».

С помощью стихов можно многое сказать, в них всегда сокрыта тайна.

Пушкин же, как никто другой, очень близок нам и понятен. Он – «эхо русского народа»! И этим всё сказано:

...Любовь и тайная Свобода
Внушали сердцу гимн простой,
И неподкупный голос мой
Был эхо русского народа.

И не только Пушкин, но многие поэты не оставались и до сих пор не остаются равнодушными и к судьбам своего народа, Родины, и к родному краю...

Наш современник, новосибирский поэт Александр Кухно, писал:

...Всем на свете экзотическим селеньям
предпочитаю, всем столицам мира –
город мой!..

Вот где патриотизм, и это ли не «эхо русского народа»?!

И в следующем стихотворении Александр Кухно пишет:

...Я – эхо дальнее, не боле,
всех материнских бед и мук...

Эхо Матери, Эхо Родины, Эхо русского народа!

Два Александра – Пушкин и Кухно, – жившие в разные эпохи, а до чего похожи!

Пушкинская поэзия нам близка и потому, что она написана простым русским языком. На его стихах, сказках, прозе мы выросли, и ещё не одно поколение будет восхищаться простотой и ясностью его слова!

Некоторые поэты писали и до сих пор пишут «непонятным языком», и как бы ты внимательно ни читал, вряд ли что поймёшь.

Александр Твардовский вспоминал, как лет в тринадцать он показал стихи одному молодому учителю: *«Ничуть не шутя, он сказал, что так теперь писать не годится: всё у меня до слова понятно, а нужно, чтобы ни с какого конца нельзя было понять, что и про что в стихах написано, – таковы современные литературные требования. Какое-то время я добивался в стихах непонятности. Это долго не удавалось, и я пережил тогда, пожалуй, первое по времени горькое сомнение в своих способностях».*

В своё время Твардовского упрекали в простоте его слова, в неприятии им всякой искусственной усложнённости.

У Эренбурга об этом хорошо сказано: *«Немного смутного искусства за лёгкой дымкой дождя...»*

В стихах Твардовского и не хватало этого «смутного искусства».

Не случайно Твардовскому принадлежит афористическая формула:

*Вот стихи – а всё понятно,
Всё на русском языке.*

Пастернак стыдился своих ранних стихов, не однажды переделывал их и пришёл в итоге к пушкинско-есенинской простоте. В своём любимом стихотворении «Февраль» несколько раз менял последние строчки...

Есенин тоже экспериментировал со словом (в период 1915–1918 гг.). Но свою «школу» прошёл быстро. Он говорил своему другу А. К. Воронскому: *«Знаем мы все эти штуки. Они думают, что формальные приёмы и ухищрения нам не известны, не меньше их понима-*

ем и в своё время обучились достаточно всему этому. Писать надобно как можно проще. Это труднее!»

Наш поэт и философ Юрий Михайлович Ключников ставит себе такую же задачу, чтобы сделать стих максимально ясным и прозрачным. Вслед за Пастернаком – тяга к «неслыханной простоте и лаконизму».

Елизавета Стюарт обладала редким даром возвращать слову его первоизданную суть, его свежесть, его исконный смысл, она не боялась обычных слов:

*Я не боюсь обыкновенных слов,
Пусть даже речь о необыкновенном:
Я не боюсь назвать любовь нетленной,
Сказать, что век наш – грозен и суров.*

И в следующем стихотворении она говорит о том же:

*...Что за чудо – простые слова:
«Помогу», «поддержу», «пожалую».
Этим даром не всякий владеет –
Доброта не во всяком жива...*

И всё-таки простота и ясность, я думаю, главное в творчестве.

И ещё мне кажется, что каждое стихотворение имеет душу свою, ежели душа не чувствуется, то оно проходит мимо, исчезает бесследно...

А Николай Рубцов писал, что всегда плодотворно для поэта – сострадание:

*...Но если нет
Ни радости, ни горя,
Тогда не мни,
Что звонко запоёшь,
Любая тема –
Поля или моря,
И тема гор –
Всё это будет ложь!*

Почти все поэты испытали это чувство: скорее, скорее чистый лист и... выплеснул всё, что скопилось в душе, получил облегчение...

Вот тогда и читатель почувствует, поймёт, и воспримет эту вещь, и переживёт вместе с автором всё, что тот хотел сказать...

Вероника Тушнова прекрасно отразила это состояние в своих строчках:

*...Пусть он думал и любил иначе
и в столетиях мы не повстречались...
Если я от этих строчек плачу,
значит, мне они предназначались.*

И следующие её строчки из стихотворения: «Счастливо и необъяснимо...»:

*...Я говорю с тобой стихами,
остановиться не могу.
Они как слёзы, как дыхание,
и, значит, я ни в чём не лгу...
Всё, что стихами, – только правда,
стихи как ветер, как прибой,
стихи – высокая награда
за всё, что отнято тобой!*

Лучше о таких чувствах и не скажешь!

Николай Рыленков, 110 лет со дня рождения которого мы отметили, считал, что поэтическое ремесло – это подвиг.

Его стихотворные акварели отражают нескончаемое богатство народной души.

«Его пейзажи, – писал литературный критик Евгений Осетров, – так же бесчисленны, как морские виды у Айвазовского. Недаром раньше поэзию называли движущейся «словесной живописью».

Поэты Смоленска: Исаковский, Твардовский, Рыленков – словно дополняют друг друга в художественном познании различных сторон жизни.

«Осенние октавы» Рыленкова неразрывно связаны с ландшафтом и пейзажами его родного края и написаны простым, как у Пушкина, Твардовского, русским языком:

*Есть чудеса свои повсюду,
Но отчий край навек один.
Как без тебя я счастлив буду,
Краса осенняя рябин?*

Осень – любимая пора многих поэтов, и Николай Рыленков в своих строчках признаётся в любви к этому периоду года:

*Мне по сердцу ясность
Пейзажа осеннего,
Как пушкинский стих
И как проза Тургенева...*

И любовь автора к родному краю, к любимой осенней поре прослеживается от стихотворения к стихотворению:

*На виду все тропки полевые,
Лес морозцем первым опалён.
Осень и поэзия в России
Неразлучны с пушкинских времён!*

Вот он, наш родной великий и могучий русский язык, и мы должны позаботиться, чтобы сохранить его от всякого рода искажения, от всего чужеродного.

Ещё Тургенев говорил: «...Русский язык так богат и гибок, что нам нечего брать у тех, кто беднее нас».

И опять же приведу строчки Николая Рыленкова:

*Не бойся показаться старомодным,
Зовя полянь полынью, мёдом мёд.
Стремление быть простым и благородным
Не по велению моды в нас живёт!*

И Пушкин завещал нам беречь русскую культуру и язык, которым он выражал дух нашего народа.

**Татьяна
ТРОФИМОВА-
ВОРОНЦОВА,**
заместитель
главного редактора
журнала «Сибирский
Парнас»

ЧЕРЁМУХА ЦВЕЛА

Пахло старым вокзалом. По парам
Молодёжь под гармонь разбрелась,
И черёмуха облаком пара
Вдоль ручья по оврагу паслась.

Разве можно в три года быть дома?
Мы с товарищем подняли флаг
Под цветущим черёмушным сводом
На реке шириною чуть в шаг.

Паровоз на высокой дороге –
С шумом выстрелил пар под откос.
В белом облаке плыл я в тревоге,
Рядом лаял невидимый пёс.

Шёл сквозь тучу всё круче по краю,
Вдруг увидел: над бездной иду.
Под ногами дома и сараи,
Испугался: сейчас упаду.

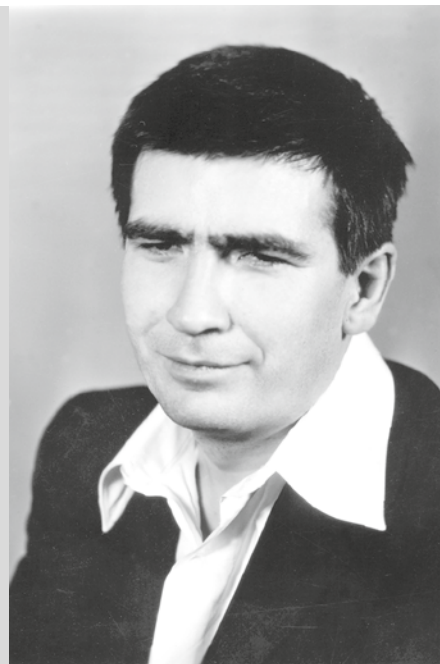
Но цветущей черёмухи ветки
В поднебесье держали меня.
Шёл по веткам я, словно по сеткам,
Так без усталости шёл я три дня!

Так, гуляя, дошёл до Китая,
Там в матроску одели, и вот,
Из окна самолёты кидая,
Я увидел: отец мой идёт.

Вырастал он – чем ближе, тем выше.
Средь цветущих черёмух ко мне
На коне подъезжал он и с крыши
Нагибался – чей мальчик в окне?

Ох, не сразу вернули киргизы!
За меня предлагали табун.
О своей неудавшейся жизни
Под черёмухой плакал горбун.

Над цветущей железной дорогой
Хлопал крыльями пойманный флаг...

Юниль БУЛАТОВ

Юниль Хаджихметович Булатов родился 2 июля 1945 года в райцентре Казаченское Красноярского края. Окончил Новосибирский институт связи (1972). Поэт, прозаик. Член Союза писателей России. Автор книги стихотворений «Весна в монастырском саду» (Новосибирск, 1995), участвовал в коллективном сборнике «Гнездо поэтов» (Новосибирск, 1989). Романы: «Дом, пахнущий хлебом» («Сибирские огни», № 5–6, 1996), «Танцульки» («Новосибирск», № 2, 2003). Публикации стихов в периодике.

КОЛЬЧУГА ИЗ ДЕТСКИХ МОНЕТ

Мне раньше картошки хватало,
Но нынче богатства хочу.
Вот домик, где деньги. Устало
В разбитые двери стучу.
Открыли... О боже, где деньги?!
В два ряда головки детей.
Одна за другой, как ступеньки,
Ведущие вниз к нищете.
Опять с многодетным страданьем –
Всё реже зовут богачи! –
Столкнуло меня Испытанье.
Где сейф их и есть ли ключи?

Ребята задрали мордашки.
Ну что с них, о Господи, взять?!
Папаша в нечистой рубашке.
Знать, любит и петь, и плясать!
А вот телевизор – весь в саже,
Висит паутина в углах,
Лет десять таких нет в продаже –
Всё сгнило и всё на соплях.
Механики здесь побывали,
И каждый – ох, мастер какой!
Больной аппарат добивали,
Как видно, дрожащей рукой.
Окутанный клубами пыли,
Под лампочкой еле живой
Концы я искал, что забыли
Найти «мастера с головой».
И вот с благодарным «спасибо»
За то, что я спас аппарат,
Иду через рельсы Транссиба,
Тяжёлый неся дипломат.
За насыпью в спящем районе
Темно. В животе холодок.
Какие-то тени на склоне,
Я прячу в рукав молоток.
Да, раньше хватало картошки,
А ныне я деньги люблю.

Из медяшек из детской ладошки
Себе я кольчугу сошью.

КАПИТАН ЗЫРЯНОВ

Эти деревья в чеченском саду –
Как новогодняя ёлка в аду.
Красные тряпки, кишки до макушек.
Детские головы вместо игрушек.

Сад освещал догорающий танк,
Возле которого пил капитан
Спирт, словно воду, и ехала крыша –
Роту погибшую видел и слышал.

В небе очнулся, и стало видней
В иллюминаторах море огней.
Звёзды сверкают? Огни городские?
Ангелы носят ли? Черти ль какие?..

Как в самолёте, парил он в гробу,
Время чинил он и правил судьбу
Роты своей, что летела по следу,
Как и при жизни, доверившись «деду».

Вот эскадрилья гробов над Москвой
Мёртвой петлёю – да вниз головой.
Прах рассыпали, бомбили костями
Город, набитый под крышу деньгами.

«МАДОННА» С МЛАДЕНЦЕМ

В тридцать лет совсем старуха,
Голос сдавленно сипит.
От вина лицо распухло,
И пустая грудь висит.

Сын, зачатый на пирушке,
С букварём в портфель кладёт
Складничок – свою игрушку.
Сын растёт, и нож растёт.

ЗИМНИЙ ПЕЙЗАЖ

Снега закручены спиралью,
Как запись голоса пурги.
Петляет насыпь магистрали
Средь гор и дремлющей тайги.
Пейзаж не хочет просыпаться
От летаргического сна.
Не добудиться. Не дозваться.
Судьбе покорность. Тишина.
Под светом, не дающим тени,
Анестезирует мороз.
Но, чу! Какое-то движение...
Гудя, проходит тепловоз.
Состав рабочий – шпалы, рельсы.
Для постороннего ума
Нет романтизма в этом рейсе –
Здесь белый ад, а не зима.
Кому, казалось бы, охота
Здесь, где таких вот дней не счесть,
Жить чуть ли не одним: «Работа!..»
Но, может, в этом жизнь и есть?!

ВПЕРВЫЕ

Глаза открыв, она очнулась
От бреда лёгкого... Рукой
Его нечаянно коснулась:
В груди зажгло – о, стыд какой!

По книгам выросла. Хотела
Любви, но только для души,
Души, оторванной от тела,
Как звёздный свет, как миражи...

Она зажгла на ощупь спичку
И, замерев от страха вся,
Смотрела с чувством необычным
На маску спящего лица.

Она от холода дрожала,
Лежала б лучше, но сильнее
Был страх повторного и жалость
К себе самой – что будет с ней?

Как дальше жить? И, вся в тревоге,
Надела, что впотьмах нашла,
И по ночной чужой дороге
Безлюдной улицей пошла.

По снегу свежему спешила –
Вот-вот он кинется за ней!
И в то же время мысль смешила –
Проспал свою любовь, злодей!

Любовь свою! Как стыдно, боже!
Прикрыла варежкой рот.
Потом задумалась – похоже,
Настал у жизни поворот...

МНОГО ЛЕТ СПУСТЯ

Проснулся он, почуяв рядом
Фигуру тёмную в пальто.
Привстал, окинул сонным взглядом,
Спросил с тревогой: «Это кто?»

Безмолвно губы шевелились,
Потом пришли из темноты
Глаза... И тотчас появились
Лица знакомого черты!

Пахнуло воздухом весенним:
Впервые он за много лет
Поверил в зримое спасенье –
В конце туннеля вспыхнул свет!

Снимая зимнюю одежду,
Вокруг неё кружился он
И грел замёрзшую надежду:
«Ты не растаешь, милый сон?»

Вдыхая запахи родные,
Дыша ей на ухо: «Люблю!»,
Он гладил волосы льняные...
– Сейчас я печку растоплю!

Она к нему прижалась, пряча
В его объятиях свой страх:
– Да ты и сам, как печь, горячий,
И нездоровый блеск в глазах...

– Ну, ладно, всё! Пока есть силы, –
Она встряхнула головой, –
Я увезу тебя, мой милый,
К себе домой... пока живой!

ПО УЛИЦЕ ТИХОЙ

По улице тихой, туда и обратно,
Ходили, и только что выпавший снег
Скрипел и искрился, и было отрадно,
Что рядом хороший идёт человек.

Она задавала о жизни вопросы.
Слегка назидательно он отвечал.
Надолго задумавшись, мял папиросы,
Советуясь с сердцем, но опыт молчал.

И он подавал ей с весёлым искусством
Лицо, на котором всё можно прочесть:
Высокие мысли, глубокие чувства,
Мужские достоинства – коих не счесть...

Она улыбалась и странно смотрела.
Чертила, нагнувшись, на чистом снегу
Какие-то знаки – кружочки и стрелы...
Снежками бросала в него на бегу!

По лунным сугробам – ей нравилось лазить! –
Бежала и падала в ямы без дна.
Тревожно-счастливый, боящийся сглазить,
Бежал он по следу – но где же она?!

МУЗЫКА ИСТИНЫ

За боль потерь, за ожиданье,
Меняя тон и цвет,
Ко мне из центра мирозданья
Летел звенящий свет.

Вливалась музыка волнами
Сквозь витражи души,
И оживали в тёмном храме
Вселенной миражи.

И мне явилось откровенье:
В природе смерти нет.
Есть только перевоплощенье
В живой звучащий свет.

И этот свет чужих страданий
Вливался в жизнь мою,
И боль чужих воспоминаний
Я слышал, как свою.

* * *

И книга в шкафу не пылится,
И празднично смотрится стол,
Но женщина плачет, и злится,
И моет без памяти пол.
И что её точит сомнением,
Всю жизнь уводя в маету?
И люди-то к ней с уваженьем,
И дом на хорошем счету.
Высокая, умная... Что же
Покоя и радости нет?
Вот так и завянет, похоже,
Как вянет отборный букет!
Задумавшись, смотрит дорогу,
Ночные огни за окном...
А демон стоит за порогом
И пахнет дешёвым вином.

ПРИЗРАК ЛЮБВИ

Фонарь гуляет, ветер злится,
Проходят домом сквозняки:
То скрипнет дверь, то половица,
То слышу лёгкие шаги.

Вдруг тень мелькнёт на фоне света.
Он спросит тихо: «Это ты?»
Но вместо смеха и ответа
Лишь лёгкий вздох из темноты.

Из темноты, из сновиденья
Её лицо к нему плывёт
И сквозь эфирное гуденье
Его по имени зовёт.

И колдовством неясной речи
Метнётся ветер из окна.
Он гладит волосы и плечи,
И тает под рукой она.

А утром прибрано повсюду
Его унылое жильё.
На кухне чистая посуда
И стопкой свежее бельё.

БРАКОНЬЕРЫ

Петька ранней осенью приехал на дачу с А. Б. Крутовым. Петькой фамильярно называл его Александр Борисович. Тот не обижался на такое панибратское отношение к своей персоне, хотя имел полное право, так как происходил из рода Пит Эстон фон Роде, широко известного во всей Прибалтике. Его далёких предков в младенческом возрасте вывезли в Россию, они постепенно обрусели, и вот теперь их потомка называют Петькой.

Дача находилась на окраине деревни Шелковичихи. Невдалеке, по глубокому логу, протекала речка Берёзовка, берега которой поросли тальниками, на высоких склонах лога росли редкие, толстые, сучковатые и изогнутые берёзы. Жители деревни, выпиливая лес на дрова, не тронули эти берёзы из-за их кривизны. Вдоль лога раскинулись совхозные поля с многочисленными берёзовыми колками. В этих местах всегда водились зайцы, и Александр Борисович с Петькой часто на них охотились. Сегодня, вместо того чтобы идти на охоту, Александр Борисович взял лопату и отправился в огород копать землю под грядки для будущего урожая. Петьке копка огорода была ни к чему, он надеялся, что они отпра-

вятся на охоту, но Крутов, не сказав ему ни слова, копает себе огород и копает вместо того, чтобы спешить в близлежащий лес. Петька понял, что Александр Борисович сегодня в лес не пойдёт, ему же надоела городская суeta и не терпелось отправиться на охоту. Посмотрев на спину Александра Борисовича, покачивающуюся в такт движения лопаты в его руках, Петька отправился по деревенской улице разыскивать своего Друга, который был частым спутником в его охотах. Душа природного охотника истосковалась по лесу, по его волнующим душу запахам. Петька не любил город с его узкими улицами, высокими домами, со множеством людей,двигающихся во все стороны, как муравьи около муравейника. Его влекли к себе просторы полей, густые заросли леса. Это была его стихия, здесь была своя жизнь, разыгрывались драмы и трагедии. Зов далёких предков всегда тянул его в лес, он был счастлив, когда находил след зайца, и мог часами преследовать зверя.

Двигаясь по пыльной деревенской улице, он внимательно рассматривал всё, что происходило на дороге и во дворах жителей. Посредине дороги куры разгребали лошадиный навоз и

склёвывали непереважившиеся зёрна. Петька обошёл кур стороной, чтобы не мешать их занятию. На солнечной стороне улицы, у ворот, лежали и грелись в лучах осеннего солнца ленивые деревенские собаки.

Петька зашёл в знакомый двор, дом был на замке, в воздухе стоял запах свежего сена, сваленного около изгороди, в стороне виднелась большая куча наколотых берёзовых дров, ещё не сложенных в поленницу. Он обошёл все уголки двора, заглянул в сарай, даже в конуру, Друга нигде не было.

Его приятель, как многие бомжи, питался на помойках и свалке. Петька отправился на свалку, где дачники расположенных вблизи кооперативов сваливали бытовые и пищевые отходы. Петька хорошо знал это место, ему часто приходилось проходить мимо, направляясь на охоту. Свалку часто навещали лисы, здесь можно было найти голову селёдки, кусок чёрствого хлеба и другой вполне пригодной еды.

Своего Друга он заметил издали и окликнул его. Друг перестал копать в отходах, повернул голову в его сторону, обрадовался встрече и пошёл к приятелю с предчувствием предстоящей охоты и пиршества.

Они поприветствовали друг друга манерами, принятыми в их обществе, и направились в лог, по которому протекала речка Берёзовка. Продвигаясь по склонам лога, вверх по течению, осматривали каждый пенёк, каждую поваленную берёзу, стараясь поднять зайца. Петька не оставлял без внимания ни одного куста, ни одной густой заросли тальника. Его опыт подсказывал, что заяц мог залечь на днёвку в таких местах. Через несколько километров они поднялись из лога на бывшее совхозное поле, заросшее молодыми берёзками. Невдалеке, среди молодого березняка, возвышался, как гигант над пигмеями, колок вековых берёз. Петька направился к колку, Друг последовал за ним. На кромке колка они обнаружили тропу, натопанную зайцами. Друг остановился на тропе, а Петька углубился в колок. Теперь он знал, что заяц где-то поблизости, ему надо его найти и вы-

гнать на Друга. Продвигаясь вглубь колка, он внимательно обходил и осматривал все подозрительные места, где мог прятаться заяц. Зверёк выскочил из прошлогодней пожелтевшей травы. От неожиданности Петька подал радостный голос. Это был сигнал для Друга, что гон начался.

Друг прилёг на тропе и стал ждать, когда заяц набежит на него. Голос Петьки то удалялся, то приближался. Заяц ходил по кругу в середине колка и не хотел выходить на кромку, где притаился Друг. После непродолжительной паузы Петька азартно подал голос, напоминающий слова: «Тут, тут, тут, ах, ах, ах».

Заяц мчался по тропе огромными прыжками, едва касаясь ногами земли, создавалось впечатление, что серый комок летит над землёй. Друг плотнее прижался к тропе, все его мускулы напряглись, он приготовился к броску на безобидного зверька. Прыжок был рассчитан очень точно. Когда заяц оказался в воздухе около него, он мгновенно подпрыгнул и схватил жертву за горло. Они оба упали около тропы. В неравной борьбе победу одержал Друг. Вскоре к месту сражения подоспел Петька. Они первым делом выели все внутренности зверька, вместе с кишками и кусками шкуры, затем принялись за переднюю часть зайца. Насытившись, прилегли отдохнуть, поглядывая на остатки мяса. На деревьях уже сидели две вороны в ожидании остатков трапезы.

Домой Петька вернулся в потёмках, положил заднюю часть зайца на крыльцо и улёгся около двери, свернувшись калачиком. На шум вышел из дома Крутов. Оценив обстановку, он стал отчитывать гончака:

– Как тебе не стыдно? Охотничий сезон ещё не начался, а ты добыл зайца, это же браконьерство. Когда ты перестанешь дружить с этой безродной дворняжкой? Ты же эстонская гончая, мне стыдно за тебя, придётся держать тебя на привязи...

Петька лежал с раздутым животом, почёсывал задней лапой за правым ухом и внимательно слушал своего хозяина.

ГРИБЫ НА ДАЧЕ

Яркое солнце заливало лучами холмистую местность вдоль Гусинобродского тракта. После недавних обильных дождей растительность ожила. Трава на лугах спешила вырасти к сенокосу, листья берёз, омытые дождём от дорожной пыли, радостно сияли изумрудными блёстками.

Я возвращался на дачу с рыбалки на Оби. Настроение было подавленным: с удочки сорвался огромный язь. Всю дорогу анализировал причины схода язя.

На удочку попалась крупная рыба. Несколько раз подводил её к лодке и вновь отпускал на глубину. Натянутая леска звенела, скользила между пальцами, обжигая их. Борьба продолжалась долго. Подтянув в очередной раз язя к лодке и опустив в воду сачок, я нечаянно задел сачком за хвост. Сильным рывком язь оторвал тонкий поводок и скрылся в глубине.

После двенадцати часов рыба перестала клевать, но я продолжал ожидать поклёвки: хотелось взять реванш. Не зря же говорится, что рыбак надеждою живёт. И вот теперь опаздывал на дачу...

Моё настроение ещё сильнее испортилось, когда посмотрел на часы и вспомнил, что жена просила приехать раньше и прополоть морковные грядки. Видите ли, ей трудно наклоняться, а мне, старше её на семь месяцев, она считает – легко.

Проезжал мимо села Гусиный Брод, и мои глаза расширились от удивления и восторга. Вдоль дороги стояли и сидели местные жители. Перед ними стояли ведра с грибами. «Пошёл белый гриб», – мелькнула мысль, и я поддал газу автомашине.

Альберт КАЙКОВ

Альберт Сергеевич Кайков родился в 1932 году в г. Аша Челябинской области в семье служащих. Перед Отечественной войной семья переехала на постоянное место жительства к Чёрному морю, в Анапу. Началась война, отец ушёл на фронт, мать с тремя детьми и бабушкой оказались на оккупированной территории. Алик был старшим из детей. Семья жила впроголодь. Все помыслы были направлены на добычу пропитания. В это время он пристрастился к рыбалке и охоте из рогатки на воробьёв и голубей. В дальнейшем рыбалка и охота стали увлечением на всю жизнь и темой для стихов и прозы. В 1948 году семья переехала в Новосибирск. После окончания школы в 1951 году уехал во Владивосток и поступил учиться в Высшее военно-морское училище им. С. О. Макарова, окончив которое служил на кораблях Камчатской флотилии.

После окончания службы получил второе высшее образование в Новосибирском инженерно-строительном институте. Работал на стройках Новосибирска и заполярного города Игарки.

Литературным творчеством увлёкся, выйдя на пенсию. Опубликовал шесть стихотворных сборников и шестнадцать книг прозы. Среди них: «Потерянное детство», «На заполярной широте», «В Туруханской тайге», «О друзьях с улыбкой», «Чёрная пурга», «В угодьях хантов», «Наши студенты в Америке» и другие.

Участствует в литературных конкурсах. Награждён медалями Кирилла и Мефодия, Надсона, Пушкина и Грина.

Член Союза писателей России, член Петровской академии наук и искусств.

Проживает в Новосибирске.

Приехав на дачу, я тотчас снарядился по грибы: положил в багажник ведро, корзину и только собрался улизнуть в лес, как появилась жена и сразу с упрёком:

– Я же просила тебя приехать раньше, а сейчас уже шесть часов, когда ты успеешь прополоть морковь?

– Морковь подождёт, белый гриб пошёл.

– Пускай гриб идёт сам по себе, а к нам завтра приходят гости, мне будет перед ними стыдно за свои грядки.

– Гостей много, весь твой клуб ветеранов, вот их и организуем полоть грядки.

– Тебе всё бы шуточки шутить.

– Никаких шуток, завтра грядки будут прополоты, а сейчас надо ехать за грибами. Сегодня пятница, надо успеть в свои коронные места, а то будет поздно.

Жена, конечно, расстроилась, но разве меня удержишь силой, когда «гриб пошёл!»

На дачу вернулся в темноте, грибов привёз полный багажник. Десятка два вырвал с корнями, чтобы посадить на дачном участке. Он примыкает к лесу, и во дворе растут сосны и берёзы. Первым делом посадил грибы под деревьями.

Грибам жена обрадовалась, про морковь не вспоминала. До поздней ночи мы занимались заготовкой грибов – отваривали и жарили.

Утром, как обычно, жена поднялась раньше меня и направилась через лесной участок в «кабинет задумчивости». Вдоль тропинки под деревьями всюду росли белые грибы. Она остановилась от удивления, даже забыла, куда и зачем шла, повернула назад и побежала меня будить.

– Алик, вставай! – услышал я сквозь сон.

– Дай ещё немного поспать.

– Вставай! Я тебе что-то покажу, – тормозила меня.

Пришлось подняться и следовать за ней. Она привела меня к посаженным мною грибам и с гордостью произнесла:

– Смотри, сколько у нас во дворе выросло грибов, а ты за ними ездишь бог знает куда.

– Надо же! Вот здорово! – удивлялся я.

Во второй половине дня у нас собрались члены клуба ветеранов НИИЖТа. Все удивлялись грибам на участке и фотографировались около них. Никто не обратил внимания на грядки с морковкой.

С тех пор прошло много лет, я упорно молчал, чтобы не разочаровывать жену и её друзей.

ДЕД ФИШКА

Бригада гидронамыва после смены сидела за столом в тени вагончика-кухни в ожидании ужина. Люди отмахивались от надоедливых комаров, к которым хотя и привыкли за долгие годы работы в Васюганских болотах, но садиться на лицо не допускали. Стояла середина северного лета. Солнце нещадно палило, как на курортах Средиземноморья. За последний месяц не было ни одного дождя.

Повариха Елена Владимировна стучала посудой на кухне. Мужчины обменивались мнениями по предстоящей работе, подшучивали друг над другом.

– Что-то Валентин задерживается к ужину, – прошамкал Фишка беззубым ртом.

– Ты когдаставишь зубы? – спросил Володя Багер, корчась от боли.

– Как только выйду на пенсию, уеду к себе в деревню и вставлю золотые зубы.

– Золотые вставлять не советую, – сказал Андрей, – времена сейчас такие, что выбьют и сдадут в металлолом.

– Кто меня тронет, дня не проживёт.

– Это конечно, мы знаем, какой ты Илья Муромец.

– Вся братва знает, что у меня в кармане вошь на аркане и блоха на цепи.

На лицах всех присутствующих появились улыбки.

Дед Фишка был низкого роста, щуплый

и вёрткий старикашка. Работал машинистом земснаряда. До пенсии ему оставалось чуть больше года. В молодости то ли имел отсидку, то ли был связан с жульём. Об этом он не рассказывал, но любил вставлять жаргонные выражения, чтобы, как ему казалось, поднять свой авторитет. Он всегда на смену привозил много пачек чая и в ночную смену, чтобы не уснуть, заваривал в кружке целую пачку чая и чифирил. Над ним вечно подшучивали. Несколько раз в чифир наливали касторки, но она на него не произвела действия.

– Володя, ты зачем зубами скрипишь? – спросил Фишка.

– Радикулит замучил.

– Вылечу, массаж сделаю и как рукой снимет.

В это время к столу подошёл Валентин, снял рюкзак и вынул из него кусок челюсти доисторического животного с тремя зубами диаметром около десяти сантиметров, почерневшими от времени.

– Ты зачем принёс эту пакость? – спросил Володя и поморщился.

– Это для Фишки. Пусть зубы вставит.

Все дружно засмеялись.

– Хватит ржать, – произнёс Фишка. Обращаясь к Володе, предложил: – Пойдём в вагончик, радикулит лечить.

«Надо попробовать, – подумал Володя, – а вдруг вылечит», – и последовал за Фишкой.

В вагончике Фишка сказал:

– Раздевайся доната и ложись на кровать.

– Зачем доната?

– Так надо!

Дед сначала несколько раз погладил спину ладонями. Затем большими пальцами стал разминать позвонки и массировать спину.

– У тебя есть какой-нибудь крем? – спросил Фишка.

– Нет.

На столе стояло средство от гнуса. Фишка помазал им спину и стал растирать. Володя почувствовал жжение спины, но терпел. Лекарь, наливая деметилфтолат на ладонь, нечаянно плеснул жидкость между ягодиц пациента. Володя, как ужаленный, с криком соскочил с кровати. Фишка мгновенно юркнул в дверь. Володя с криком «Убью!» схватил ружьё и выскочил следом. Лекарь и больной бегали вокруг вагончика. Рабочие, сидящие за столом, покачивались от смеха. Повариха чуть не выронила из рук бачок с едой, глядя на голого Володю. На очередном круге Володю схватили и отобрали ружьё. Валентин переломил двустволку – ружьё было незаряженное.

– Ты что творишь? – спросил Володю.

Вместо ответа тот стал делать наклоны туловища в разные стороны, затем произнёс:

– Вроде бы отпустило.

Фишка, выглядывая из-за угла вагончика, прошамкал:

– Я же говорил, что вылечу.

Александр ВЕРИН

Александр Анатольевич Верин родился 27 мая 1949 года в Омске – почти ровно в 150-ю годовщину со дня рождения Александра Сергеевича Пушкина. Поэтому поэт считает себя особо ответственным за продолжение пушкинского классического стихосложения, развивая в наше время великие начала русской поэзии.

А. Верин – член Союза писателей России, руководитель Новосибирского отделения Союза литераторов, автор девяти книг стихов и прозы, исторических исследований о неизвестных страницах освоения Сибири русскими (включая два полновесных двухтомника).

Сайт Новосибирской государственной научной библиотеки о творчестве А. А. Верина:
<http://kraeved.ngonb.ru/node/5824#T3>

* * *

О Пушкин! – майский мой Близнец
В печальном звёздном гороскопе!
Меня твой осенил венец,
Но не сберёг меня твой опыт! –

Поэты с властью не живут!
А коль живут – так не поэты!
Власть исправлять – напрасный труд,
Как исправлять пути планетам!

Но ты был первым, кто не зря
Пел дерзко о людской свободе;

О Пушкин! – майский мой Близнец

Отвергший милости царя,
За то и признанный в народе!

Потомственный аристократ
С горячей африканской кровью,
О Пушкин! – всех нас во сто крат
Народней ты своей любовью!

Тебя недаром в январе,
Рыдая на дощатый ящик,
Везли не те, кто при дворе,
А мужичончишка ледащий!

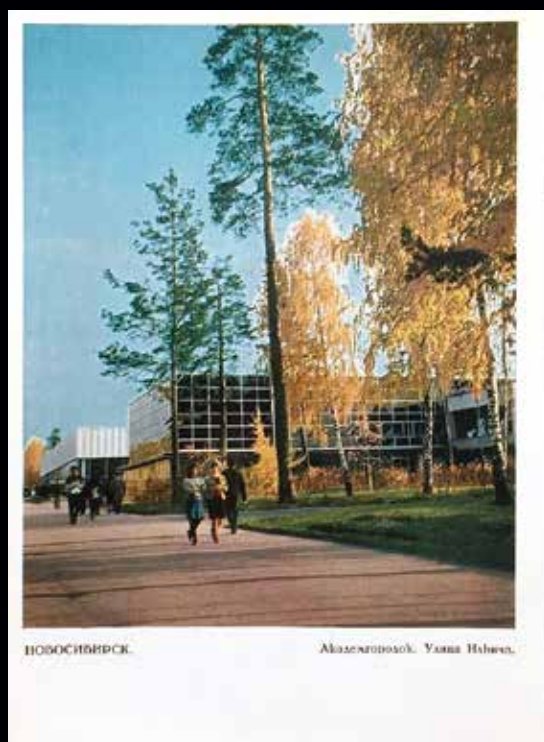
Но вновь под позолоту дат,
Под трескотню вельмож елейных
Тебя представить норовят
Благополучно-юбилейным!

О Пушкин! – смелый русский мавр,
Своё ты не закончил дело!
Восстань опять, когда без прав
Россия снова омертвела!

Пусть вновь звенит твой ярый стих –
Не замутнённый, не забытый! –
И соплеменников моих
Вновь собирает он на битву!

Жги равнодушие сердец
Глаголом страстным и высоким!
О Пушкин! – вольности певец,
Не медный истукан, а сокол! –

Из коллекции А.Н. Сёмина

Лети! Пари! Твори же вновь –
Живой, живей иных живущих, –
И жизнь, и слёзы, и любовь
Воспой над скорбной нашей куцей!

О Пушкин! Мчи через лета
Пера стремительного росчерк!
Тобой Россия залита,
Как солнцем болдинская роща!

17 января 2001 г.

НЕЗАКОНЧЕННОЕ ПУШКИНСКОЕ

Два чувства дивно близки нам –
В них обретает сердце пищу –
Любовь к родному пепелищу,
Любовь к отеческим гробам.

Животворящая святыня!
Земля была б без них мертва,
Как без источника* пустыня
И как алтарь без божества.

* С 1830 года в этом незаконченном стихотворении Александра Сергеевича в седьмой строке вместо выделенных курсивом слов стоит пропуск («Как ... пустыня») – Пушкин не завершил поиска сравнения. Меня давно волновала загадка этого недописанного. Что могло бы здесь быть? Ключ находится в следующей строке: «как алтарь без божества». Следовательно, выше должно быть то, без чего пустыня мертва. Вспоминая пустыню в стихотворении «Анчар», можно подобрать по размеру: «без оазиса». Но нет, слишком неполно и вычурно, хотя очевидно, что Пушкин искал торжественное сравнение. К тому же слово «оазис» вошло в русский язык позднее.

Пустыня мертва без воды. Без колодца, без родника, а если точно по размеру – без источника!

Возьму на себя смелость поставить это вместо теперешнего многоточия. Уверен, мой

великий тёзка, отложивший доделку стиха на потом, был бы удовлетворён. Хотя кто-нибудь заявит: «Ну вот, взялся с Пушкиным тягаться!» Да нет – не тягаюсь, просто опираюсь на прецедент: среди потомков Алексея Владимировича Мусина-Пушкина (это родственник поэта) сохранился рассказ о том, что Пушкин однажды поцеловал его в лоб в благодарность за удачно подобранную рифму, которая ему долго не давалась.

Как видите, наш гений был вполне нормальным человеком – испытывал затруднения с рифмами, и даже – о, ужас для ревнителей его величия! – у него были случаи того, что в литературоведении называется авторской глупотой, когда не замечается искажение логики («Вот испанка молодая оперлася на балкон», когда правильно «о перила балкона»). И даже авторские недоработки у него были – читайте замечания Марины Цветаевой к фрагменту пушкинского «Пира во время чумы» («Искусство при свете совести»).

Попыток дописать Пушкина было много. Кто-то заменяет «землю» на «душу», заодно уродуя третью и четвертую строки. Кто-то вставляет в публикации отвергнутое самим поэтом четверостишие: «На них основано от века, / По воле Бога Самого, / Самостоянье человека, / Залог величия его», – но ведь совершенно очевидна причина, по которой Александр Сергеевич от него отказался, хотя там есть новое для его лексикона, оригинальное слово «самостоянье». Отказался, поскольку «Два чувства дивно близки нам» – это обращение сугубо к человеку, к его сущности, нравственности, духовности. А вот «По воле Бога Самого» – это уже из другой оперы, это уже не зависящая от человеческого выбора установка свыше, вроде «Плодитесь и размножайтесь».

В общем, если читатели согласятся с моими доводами, значит, стихотворение, часто цитируемое, стало законченным. Нет – попробуйте дописать сами.

ДАР БЕСЦЕЛЬНЫЙ, ДАР СЛУЧАЙНЫЙ

*Дар напрасный, дар случайный,
Жизнь, зачем ты мне дана?*
Александр Пушкин,
6 июня (26 мая) 1828 г.

Жизнь подошла к концу – зашла в тупик
И, как компьютер старенький, зависла.
В ней больше вкуса нет и даже смысла,
Хоть ты ещё пока что не старик.

И стало ясно – это образец
Бессмысленной и неудачной жизни,
Когда её ты отдаёшь отчизне,
Надеясь на отзывчивость сердец.

Но что отчизна? – сборище людей,
В нём каждый занят только лишь собою.
И кто в толпе, а кто-то над толпою,
Но всякий одинок, по сути, в ней.

Всё остальное – это лишь фасад,
Скрывающий придуманную сущность.
И к старости ты ощутишь ненужность
Всего, чем был обманываться рад.

Державность! Православие! Народ!
Патриотизм! И равенство! И братство!
Ну да – один украл себе богатства,
Другой же в скорбной нищете живёт.

Неправильно поставленная цель –
И жизнь в итоге вся пошла насмарку.
А ты горел душою в ней так жарко,
Что выгорел и сел теперь на мель.

Ты жизнь прожил, как заурядный лох,
Во имя общечеловечьей цели.
И жди теперь – авось хоть Бог оценит
Труды твои. Но есть ли в мире Бог?

ЯНВАРЬ НА ЧЁРНОЙ РЕЧКЕ

Снег алмазным сияньем расцвечен,
От мороза дрожит синева –
Он набросил деревьям на плечи
Иней пышный, как кружева.

Это поле пустынно, но только
Мнится мне, что прорежется крик
И промчит на горячей тройке
Средь сугробов румяный ямщик.

И осыплется снег на опушке
Оттого, что возница кричит.
И в кибитке весёлый Пушкин
Мимо Чёрной речки промчит.

И не будет ни пули, ни точки
На раскрытом белом листе.
Он же сам себе напроорочил
Смерть совсем на другой версте!

Завтра вновь заметут метели,
И на Чёрной – в который век! –
Вновь раздастся эхо дуэли
И опять обагрится снег...

АХМАТОВА

Римский профиль и кожа матова –
Я люблюсь тобой не дыша –
Ах, Ахматова! Ах, Ахматова –
Озарённая Богом душа!

Над родимыми перелесками
Незакатно солнцу сиять –
Не забытое царскосельское
Возвратилось с музой опять!

Что здесь сердцу искать покоя,
Коли рвётся к перу рука?! –
Вслед за пушкинскою строкою
Льёт ахматовская строка!

Но за дар животворный этот,
Что колеблет и небо, и твердь,

Сторожит всех больших поэтов
До бесстыдства подлая смерть!

Не спастись от её косы нам!
Вот и выпало в горькой судьбе:
Мужу – пуля, темница – сыну
И разбитое сердце тебе!

Как же пелось под этим грузом?!
Как смогла ты душу носить?!
Ах, Ахматова, вечная муза
Всех скорбящих женщин Руси!

Столько силы в тебе осталось,
Что сама испугалась смерти!
Ты с достоинством встретила старость,
Не сумевшая постареть!

И с достоинством ты уходила
От любимых новых сирот,
«Будто там впереди не могила,
А таинственной лестницы взлёт»*.

* * *

И в самом деле ты святая,
Моя расхристанная Русь,
Когда в тебе жива Цветаевой
Самоубийственная грусть!

Твоим поэтам нет спасенья:
Их души вечно на излом.
И потому тоска Есенина
Тугим затянута узлом.

О Русь! Твоей придворной стаей
Затравлен не один поэт,
И первым Пушкин, честь спасая,
Пошёл на смерть под пистолет!

И лишь в гробах благословятся
Те, кто тобою жил, скорбя.
И, не записанные в святцах,
Они стихом хранят тебя.

* * *

Век глобализма – век не для поэтов!
Поэзия не стоит ни гроша,
Когда пошли разменной монетой
И ум, и честь, и совесть, и душа!

Ничтожества, что мнят себя элитой,
Одна лишь гложет пламенная страсть –
Дорваться бы до полного корыта,
Украсть, нажраться и войти во власть.

Смешно и грустно наблюдать за ними:
Мудрят, хитрят, да только видно ложь!
Но более себя ведь не поднимешь
И больше пуза всё же не сожрёшь.

Каким бы ни был их удел блестящим,
Но срок придёт, и кончится парад –
Ведь и они сыграют в долгий ящик,
Чтоб сгнить в земле, как их «электорат».

А там уж Бог на чистых и нечистых
Поделит всех заслуженно вполне.
Так что он скажет жуликам-министрам
И разной политической шпане?

Ответ известен загодя. И всё же
Хочу я разгадать иной секрет:
Зачем, скажи мне откровенно, Боже,
Ты в этот век меня явил на свет?

Не отвечай, я понял – крест мой это!
И не сочти сомнения за стон.
Да, этот мир смертелен для поэтов,
Но без поэтов вовсе сгинет он!

Он весь из зла и гнили будет, если
Не станет в нём поэзия дышать.
А потому, поэты, больше песен,
Чтоб уцелела хоть одна душа!

* Ахматовские строки.

* * *

Умирали поэты до срока –
Смерть вручала им славы венец.
И за них-то и лью я строки,
Словно пули, в печатный свинец!

Неизвестный, я знаю дело –
У барьера за них стою.
Вот уже пятьдесят пролетело
За уставшую душу мою.

Нет страшнее судьбы-пистолета!
Но попробуй, судьба, скоси! –
Я остался русским поэтом
Обезрусевшей вдруг Руси!

Я держусь! Я обязан держаться!
Как броня мне – наш русский стих!
Ведь должна устоять держава
Златоустых предков моих!

Заряжаю – «За вас, мои души,
Убиенные наповал!»
Пистолет поднимает Пушкин
И ликует: «Попал! Попал!...»

* * *

Мне приснилась, что я в раю,
Что сидим вместе с Богом, свесив
Ноги с облака, и я пою
Для него о земле моей песни.

Про берёзовый светлый край,
Где закат над рекою тает.
И притихший счастливый рай
Этой песне моей внимает.

Рядом – Пушкин, Есенин и Блок,
Песне в такт тихо крыльями машут.
Тихо шепчет задумчивый Бог:
«Хорошо-то как, Господи, Саша!

Ах, Россия! Не было дня,
Чтоб не плакали там от бессилья!

Вы простите, поэты, меня
За моё испытанье России!

Всем-то эта земля хороша!
Я люблю её, стражду с нею!
Эх, Россия – земная душа!
Всех светлее она и... темнее!

Подождите, настанет срок,
Всё в России будет иначе!...» –
И замолк вдруг пресветлый Бог,
И притих он, тихонько плача.

Но струился любовный свет
От печального лика Мессии.
И от Божьей слезы поэт
Родился в этот миг в России!

ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ ПОЭТА

Над сонным зеркалом озёр
Полёт стрекоз ещё не слышен,
Но в полумраке видит взор,
Как первый луч скользнул по крыше.
Клоками ватными туман
Висит в упругой чаще веток –
Обворожительный обман
Непродолжительного лета! –
Он столь же краток, как восход
С неповторимым всплеском света,
Как гладь спокойных, спящих вод,
Ещё не тронутая ветром.
Но где-то эту тишину
Нарушил мальчик первым криком –
Тот, что на всю мою страну
Прославится потом по книгам.
Пока кричит, а не поёт
На свет родившийся с рассветом.
Но скоро мальчик подрастёт,
И станет он большим поэтом.
Ему наследовать певцам
Любовью, нежностью и грустью.
И это будет без конца –
Как солнечный восход над Русью!

* * *

Если праздников сделать списки нам,
Вспомнив новь и добавив старь,
Сплошь окажется красным российский
Дат торжественных календарь.

И духовные есть, и плотские –
Чтобы просто попить-поесть, –
Даже очень вполне идиотские,
К сожалению, тоже есть.

Круглый год можно смело праздновать –
Хоть под флагом ходи, хоть пляши.
В общем, много чего есть разного,
Только мало, чтоб для души!

Чтоб по классам иль по конфессиям,
По разрезу и цвету глаз,
Или проще того – по профессиям
Не делил этот праздник нас!

Чтобы вспомнить обычаи древние
Той земли, где мы все родились,
Чтоб по городу, по деревне ли
Наши славные песни лились!

Чтоб прониклись сознанием снова мы:
От кого родились и где,
Чтоб высоким и звучным словом
Озарились души людей!

День такой и такое веселье
Знаю я у родных деревень –
В Константинове праздник Есенина
И в Михайловском Пушкина день!

Есть в Шахматове праздник Блока,
Праздник в Сростках есть Шукшина –
Мест таких по России много –
Почитай, вся почти страна!

Вот чем должно нам всем гордиться,
Вот что все мы должны беречь –
Разметающую границы
Нашу общую, русскую речь!

Речь, в которой себя проявили
Все таланты российской земли,
Что народ свой и Русь любили
И прославить их в мире смогли!

А поэтов мы делим разве,
Если весь их народ поёт?!
Вот он – лучший и общий праздник
Всей России на круглый год!

Я надежды своей не скрою
В то, что, слово родное ценя,
Кто-то вспомнит майской порою
На родимой земле и меня!

Анатолий ПОБАЧЕНКО

Анатолий Николаевич Побаченко родился в 1944 году в деревне Казанцево Барабинского района Новосибирской области в семье крестьян. Окончил АГАО им. В. М. Шукшина (филфак, пединститут, Бийск), факультет журналистики (Новосибирск). Живёт в Новосибирске. Автор семи сборников стихов, многих статей, рецензий, 10 венков сонетов.

Главный редактор литературного журнала «Сибирский Парнас».

Член Союза писателей России, Союза журналистов России, Союза писателей XXI века.

* * *

Я позвонить тебе хочу
и говорить века,
по белому шнуру-лучу
взобраться к облакам.

На диске солнца наберу
счастливый номер твой
и только, может быть, к утру
поникну головой.

Наговорюсь на все года,
что будут впереди.
Нельзя оплату угадать
и просто – запретить.

Когда же время выйдет прочь,
с тобой прервётся связь,
я постараюсь превозмочь
земли холодной вязь.

Сквозь толщу одиноких лет
у Леты у реки
тебе скажу, что смерти нет,
есть длинные гудки.

* * *

Да не свет в нас, а блат.
Л. Губанов

Нами правит не судьба, а блат.
Лихо вьётся по дорогам мат.

Сизый дым из новеньких машин
затмевает слово от души.

Разве кто узнает нас, когда
вычистит история года?

Глубоко на сердце спрятан клад.
Да не свет ищите там, а блат.

* * *

Что ж не спит по ночам коростель?
Н. Рубцов

О чём ты плачешь, коростель,
о чём горюешь одиноко?
Вот разберу свою постель,
достану с полки томик Блока.

И углублюсь – в туман ночной,
в ковыльные седые космы,
всплакну над жалкою мошной,
над собственной жизнью постной.

«...Фонарь, аптека...» Мэтр хмельной
плетётся к дому тенью бледной...
Не коростель тому виной,
а мир скупой, нелепый, бренный.

Но свет слезой не испугать.
Есть Гамлет! Требуя отмщенья,
идёт он в русские луга
искать слезам исток свеченья.

Холодной шпагой отражать
удары ненависти лютой,
коварству честью угрожать
и не искать себе уюта...

Не плачь, родимый коростель,
лечись со мной строкою Блока.
Полна, густа ещё кудель
у парки медленной, жестокой.

* * *

Будет жажда и мне
превратиться в цветок полевой,
воздух рвать на куски
безымянным упругим крылом,
в корневища земли
попытаться уйти с головой,
опрокинув дожди
и мечты о земном, о былом.

Нескончаема – песнь
у планет, белых звёзд круговерть,
в беге бешеных лет
не теряется в терниях твердь.
Так и сердце моё
всё торопится к свету лететь,
и любви не страшна
Аполлона жестокая плеть.

* * *

Если б меня любили,
как эту картошку,
стал бы я
на её месте
таким вкусным,

рассыпчатым,
розовым?

Когда из земли выдернут,
корни оборвут,
срежут кожу,
сварят в кипятке
и радостно подадут на стол!

* * *

Не глаза твои, а малахит
дымными ресницами укрят.
Сосны корабельные стоят,
небо держат сотни лет подряд.
Вечер, удивительный такой,
движет время медленной рекой.
Обливаясь тенью от раки,т,
я целую чудо-малахит.

* * *

За всё люблю: за тонкий шелест листьев
в твоей одежде, скромной и сухой,
за беспричинность, нрав неистов,
за звук измученный, глухой.

За сумрак вечера, несхожесть линий,
за тёплое течение бедра,
за прядь, в которой затаился иней
и завиток гусяного пера.

* * *

То взлёт бровей,
то всплеск руками,
то мимолётный взгляд – до дна,
то вновь беседуешь с богами
и в ореоле не видна.
То брызнешь смехом искромётным,
то удивишься тишине,
возьмёшь за руку неприметно,
пробудишь доброе во мне.
И я молю, чтоб это длилось
до бесконечности земной,
твои глаза, как Божья милость,
всегда б светились надо мной.

Геннадий ПРАШКЕВИЧ

Родился на Енисее, рос в Кузбассе, живёт в новосибирском Академгородке.

Член Союза писателей России, Российского ПЕН-центра. Отзвук увиденного и услышанного живёт в его «Сендушных сказках», в романах «Секретный дьяк», «Носорукий», «Теория прогресса», «Кормчая книга», «Пёс Господень», «Гуманная педагогика», в книгах стихов и переводов. Автор биографий Жюль Верна, Герберта Уэллса, Джона Р. Толкина, Станислава Лема, Рэя Брэдбери, братьев Стругацких, русских поэтов и учёных XX века, исследований о русской фантастике.

ГУЛЁНА

Село обиженно ворчит:

– Гулёна...

А воздух к вечеру горчит,
как листья клёна.

А воздух к вечеру что тишь
тишайшей ночи.

Ты улыбаешься, не спишь,
не хочешь.

Твой голос тих,
твой голос чист,
твой волос светел.

И за окном твоим горнист
расправил плечи.

Он задышается, поёт,
а листья клёна
дыханьем осени несёт,
ведь ты –
гулёна.

Я знаю, чем я оплачу
наш август долгий,
когда дожди по сентябрю
вонзят иголки
в шары оранжевых рябин,
и в листья клёна,
и в шёпоты твоих рабынь:
– Гулёна...

Как тебе аукнется,
так ему откликнется.
Как тебе покажется,
так ему увидится.

Звёзды.
Ночь.
Сумятица.
Ветер.
Поздний час.

Горы не сдвигаются,
губы не стираются,
недостаток нежности
убивает нас.

Но что мне рассказать об этом?
И как мне рассказать об этом?

Что я за час перед рассветом
ушёл, тебя оставив дню?

Что опостытели советы,
которым снова изменю?

Что на траве колючий иней
скрипел, не тая, под ногой?

Что, повторяя твоё имя,
я проклинал ночной покой?

Что тени двигались, как воры,
как расхитители стихов,
и длились, длились разговоры
далёких звёзд и петухов?

Что метеор в ночи сорвался,
как камень, выброшенный прочь?

Я уходил...
Я возвращался...
Я снова погружался в ночь...

* * *

О, как ты боролась с большим моим ростом,
вставала на цыпочки, приподнималась,
и радугой нежных огней загоралась,
моля опуститься и сжаться звёзды.

Но что-то мешало, но что-то толкало,
какие-то грузы ложились на плечи,
слова не решались стать явною речью,
всё путалось, плыло, томило, алкало.

О, как ты пыталась бороться со снами,
как плакала, пела, текла с облаками,
и лунные блики, стеклянно позвякивая,
в листе многоликой сияли над нами.

И что было легче? В тебе себя спрятать?
Остаться собою? Приблизить мороз?
Иль всё же расти, чтобы падать и плакать?

Я падал и плакал.
И всё-таки рос.

ПРОВИНЦИЯ

В сапогах.
Смеясь и плача.
По канавам. Между луж.
Под гармошку. Перед брачной
Ночью. Ходит пьяный муж.

И пускается впрыскаду,
под ногами мрёт трава.
Лица – маски,
лица – всмятку,
аж кружится голова.

А жена в причёске ветра,
синий ситец на груди,
до отчаяния светлый
глаз косит.

Словно грабят, а невесту увели.
Пляшут бабы в луже мутной,
бьются рыбой на мели.

Как тимпан большая ванна,
ржа с неё летит.
Пот с лица стирая пьяный,
пьяный дед свистит.

Пляшут бабы.
С визгом – мимо.
Будет сладок
стон счастливых.

Тает свадьба, удаляясь
важно.

Я молчу и восхищаюсь:
страшно!

АВГУСТ

В удаляющемся свисте,
как ударил карабин,
воздух в шорохах и листьях
облетающих рябин.

Влажной лапой гонит тучи
ветер низко над рекой.
Я держу в руках, как случай,
свой нечаянный покой.

Я давно уже не чайл
так смеяться, так любить,
жечь костры, бродить ночами,
не вино, а воздух пить.

И пускаться без оглядки
по течению реки,
по которой щёткой гладкой
волновались тростники.

А надежды и записки
оставлять в сухом дупле.

Август.
Звёздчатые искры.
И томление
полей.

ПЕТРОПАВЛОВСК ЛЕТОМ 1959 ГОДА

Рыжие домишки,
мазутные пути.
Оравую воришек
клубятся воробы.

Зачем-то элѐфанты
стоят в аллее бусой.
Дымы висят, как банты,
и фонари как бусы.

*Еркектер туалети
и айелдыр.*
Немного же на свете
подобных дыр.

Камыш,
сухая кашка –
кого пасти?
Любезная казашка,
меня прости.

Сквозь свет, столоверчение,
сквозь дым и чад,
меня как бы в свечение
уже кричат.

И тонкою синицею
Свисток в пути:
«Оставь меня, провинция!
Не дай уйти!»

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Наследник Гумилёва и Ахматовой,
в лесу, где тропы выбиты сохатыми,
под крышей деревянного сарая
лежал я, ничего не понимая.

Махорочные струи, извиваясь,
в небритую щеку меня лизали
и плавали, густые и бесшумные,
как плавают меж сосен тени лунные.

«Тяни, братишка!» – требовали плотники,
друзья мои, герои и колодники,
всё видевшие, знавшие, умевшие
и за год мне до смерти надоевшие.

Я пил малину с водкой, и, отчаясь,
Всё это запивал грузинским чаем,
и хлеб жевал с привычным отвращеньем –
о, только бы приблизить возвращенье...

Как долго от тебя ни слов, ни писем!
Как подло мне сквозняк тебя расписывал!
Как нудно шелестели снегопады,
свершая свои мутные обряды...

Я засыпал с дымящей сигаретой,
и в сны мои врывается тёмный ветер,
злорадствовал: теперь не отыграться,
не дотянуться, не коснуться пальцев,

губами на ночь перечтя ресницы,
когда тебе задумчиво не спится...

Но хуже, было хуже, когда жалость
в ночные сны непростено являлась,
юродствовала, плакала, просила:
«Осина умирает некрасиво,
раскинув растопыренные лапы,
дрожа и задыхаясь на лету;
ты хочешь повторить её паденье? –
мне жаль тебя.

Решайся. Из деревни
к друзьям, к стихам
и к ждущей иль неждущей,
решайся, и тебя я уведу!»

А за окном дробились и кололись
розеточки мерцающих снежинок,
на злых заборах стыли злые пятна
замёрзшей человеческой мочи.

Над речкой, окружённой, будто глетчер,
моренами берёз и стылых кедров,
бесшумными каскадами струился,
синел и испарялся лунный свет.

В его глубоких ласковых разводах
мелькали тени – призрачно, прозрачно –
и так же непонятно исчезали,
чтоб снова появиться над рекой.

Над лесом поднималась крыша школы,
в которой ничему нас не научат,
но в окнах школы билось злое пламя –
впервые посмотреть на этот мир.

Под вечер дымкой покрывало снежной
дома, дороги.
Уходя на берег,
я видел камни,
между ними билась
и клекотала чёрная вода.

Криноидей сияющие сколы
песчаник светло-серый испещряли,
как те слова, что ты не нашептала, –
они остались в камне навсегда.

Я вырвался.
Но спасся ли, не знаю.
И что теперь мне в этой жизни надо?
Улыбку? Шёпот? Ласковые руки?
Печальное терзание работы?

Не знаю...

АСТЕРИКС

Преломляются лучи света,
в острых гранях, как огонь, блещут.

Замечательная вещь – лето,
замечательно любить вещи.

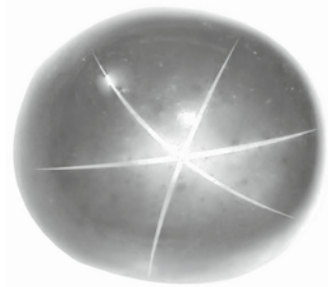
Над водою рыжий лист кружит,
нет ни слов, ни души, ни воли.

От восторга и любви ужас
проступает, как налёт соли.

Солнце пляшет на углах камня,
разбиваются лучи света.

Это долгая, как век, память,
это краткое, как час, лето.

И сгорает в яростном сонме,
падает, как в каменоломню,
эхо дальше: «Помни... Помни...»,
отзвук бьющийся: «Помню... Помню...»

Алексей ЕРОШИН

Родился в с. Ленинском Новосибирской области 8 марта 1972 года. В 1991-м окончил Тогучинский лесохозяйственный техникум и два года работал в должности мастера, затем помощником лесничего в Новобибеевском лесничестве. Всю жизнь меня тянуло в сторону кино и мультипликации, и в 1996 году поступил на только что открывшееся отделение киновидеотворчества в Новосибирский областной колледж культуры и искусств, где изучал историю кино, основы режиссуры, сценарного, операторского мастерства и фотографии по программе ВГИКа. В трудные времена приходилось работать столяром, сторожем и даже дворником. Но тяга к прекрасному пересилила, и в настоящее время работаю дизайнером.

В творческой жизни у меня царит полная неразбериха. Давно подозреваю, что музы разыгрывают мою персону в какую-нибудь азартную игру. Возможно, даже в домино. Из-за их проделок я понятия не имею, что меня потянет делать в следующий момент – писать стихи, рассказы, хватать гитару или фотоаппарат. Это не учитывая, что стрельба из лука, рыбалка и охота – тоже искусство. Жизнь от этого становится непредсказуемой и полной сюрпризов. Но есть в этом и положительный момент: сюрпризы я люблю!

Неофициальная биография

Я рос в стране прекрасной самой,
Ну, то бишь, тут, не «за бугром»,
Произведённый папой-мамой
В далёком семьдесят втором.
Рождением обязан им я
В простом совхозе-добрё-селе,
Крещённом в честь того, чьё имя
Живее прочих на земле.
Нашарить в прошлом труд напрасный
Ростки посеянных крамол:
Детсад. Началка. Галстук красный.
И даже (боже!) комсомол.
Не состоял. Не видел. Не был.
Не привлекался. Не имел.
Оно хотелось, может, мне бы,
Но как – не знал и не умел.
Вне всякой жизненной интриги
Я жил так просто, а не «для»,
Но разлагали разум книги,
Учёба и учителя.
И стал итогом книгоедства
Недуг, неведомый врачу:
Я иногда впадаю в детство
И... возвращаться не хочу.

PRICE

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ РАССКАЗ

Гугл-пёс повертелся на месте, опустил голову и смущённо вильнул хвостом. Игорь удивлённо уставился на бетонный забор и тихо чертыхнулся. Опять он повернул не туда. Вторая за двадцать минут ошибка виртуального проводника – это нонсенс. «Сгинь!» – приказал Игорь, и пёс растворился. Его место заняла надпись: «Навигатор 3.0 поможет найти дорогу к успеху! Всего за 499.99».

Игорь отмахнулся от баннера, место которого тут же занял другой. «Минеральная вода "Карачинская" утолит вашу жажду прямо сейчас всего за 19.99!»

– Паразиты! – проворчал Игорь. – Все они знают! Когда тебе жрать, а когда...

Впрочем, фокуса в этом не было. Час назад он купил пакетик солёных орешков с новым вкусом. Теперь, по расчётам коварных маркетологов, пришло время утолить жажду. Целевая реклама – это горная лавина, которую рождаешь одним неверным действием.

Тьма, холод, безлюдье и редкие белые мухи в свете одинокого фонаря. Одно слово – промзона. Надо было как-то выбираться из того захолустья, куда завёл его непутёвый проводник.

– Карта! – приказал Игорь.

Сориентироваться было непросто. К тому же мешали обнаглевшие стаи объявлений. Выбрав направление, Игорь пошёл во тьму, спрятав замёрзшие руки в карманы. Реклама, почуяв ослабление борьбы, ринулась в атаку на незащитного потребителя, кружась и зудя, как стая озверевших от голода москитов. «Элитные квартиры в центре», «Зимняя резина от "Железного коня"», «Памперсы "Русские сказки" – культурное развитие вашего малыша, одобренное Минздравом». «Гигиенические тампоны "Свежесть утра" – максимальная защита!»

Это уже не влезало ни в какие рамки. Фильтр целевой рекламы явно приказал долго жить. Надо было срочно сворачивать в бли-

жайшую мастерскую на перепрошивку биочипа. Между тем объявлений становилось всё больше, и приставали они всё назойливей. Игорю стало не до смеха. Спам валился на него совершенно без разбора интересов, пола и возраста, предлагая всё подряд, от путёвок в кругосветное турне до предметов женской гигиены. Объявления слетались в его коммуникатор, как мошки к одинокому фонарю. В конце концов их налетело столько, что Игорь окончательно потерял ориентировку, ничего не видя за мельтешащими и вопящими окнами.

– Господи, всё бы отдал, чтобы эта зараза куда-нибудь исчезла! – простонал он.

Как по волшебству, перед глазами, бесцеремонно растолкав прочие баннеры, возникла надпись: «Компания "Аргус" гарантирует немедленное избавление от спама. Бесплатный вызов, круглосуточно и без выходных!». Выбора не было. Игорь поспешно ухватился за эту надпись и без дальнейших раздумий ткнул номер телефона. Перед ним возникло изображение разбитной белокурой девицы с лиловыми губами, занятой смакованием жвачки.

– Компания «Аргус», бесплатный вызов, кругло...

– У меня проблема, – перебил Игорь.

– Я вижу, – флегматично заметила девица, не прерывая своего занятия. – Не повезло. Похоже, ваш биочип хакнули.

– Самым циничным образом, – согласился Игорь.

Окно собеседницы яростно атаковали другие претенденты на внимание клиента, но она как-то ухитрялась держаться впереди. Что, в общем-то, говорило многое о деловом статусе компании.

– Ну что, – сказала девица, – будем думать или будем подписывать?

– Будем подписывать, – торопливо кивнул Игорь.

– Стоимость услуги указана в контракте.

– Плевать на цену. Я это долго не вынесу.

Игорь привычно черкнул электронную подпись.

– Как быстро ждать вашего специалиста?

– Вами уже занимаются, – прожевала девица и отключилась.

И правда, количество спама стало стремительно уменьшаться. Сначала исчезла реклама «Ролексов», элитных квартир и представительских автомобилей, потом баннеры бутиков эксклюзивной одежды. За ними – предложения купить бытовую технику и нижнее бельё. Последними пропали объявления со скидками на пиво, стиральный порошок и ватные палочки.

Пару минут Игорь наслаждался покоем, пока не решил, что пора бы и податься домой.

– Гугл-пёс! – позвал он.

– Ваш кредит исчерпан, – ответил коммуникатор. – Для вызова услуги пополните счёт.

– Как это – исчерпан?!

Игорь торопливо набрал код проверки счёта. На строке баланса светились нули. Больших сбережений там никогда и не было, но снятая сумма была непомерно завышена. У обчищенного потребителя осталось лишь право на экстренный вызов.

– Компания «Аргус»! – возмутился Игорь.

Возникло изображение знакомой девицы, которая теперь затачивала пилкой хищные ноготки. Она соизволила удостоить клиента равнодушным взглядом.

– У вас возникли претензии по качеству?

– По качеству не возникли, – съязвил Игорь. – А вот по стоимости...

– Стоимость была указана в контракте.

Девица выдула большой розовый пузырь, лопнувший с гулким хлопком.

– Но вы забрали ВСЕ мои деньги! – сердито заявил Игорь. – До последней копейки!

Собеседница хищно облизнулась, остреньким алым язычком собрав с лиловых губ розовые ошмётки.

– А как бы мы ещё избавили тебя от спама, дурашка? – изрекла девица. – Они бы не отстали, будь у тебя хоть копейка на счету. А теперь ты совершенно свободный симпатичный парнишка с пустым карманом. И больше никому не интересен.

– Ты и сама привлекательная особа, – нахально заявил Игорь. – Мы могли бы...

Лиловые губки сложились в издевательскую усмешку.

– Никому, – холодно повторила собеседница.

Она выдула последний пузырь и с гулким хлопком исчезла. Игорь вздохнул, постоял минуту и обречённо побрёл в рекламное зарево городских огней.

ЭЙ, МОРЯК...

Невесомость невесомостью, но массу тела при потере веса пока никто не отменял. Эту сентенцию Энрике в полной мере ощутил всем телом, вписавшись в приборную панель. Искры в глазах полыхнули настолько ярко, что у астронавта поневоле на долю секунды мелькнула мысль, как бы чего не воспламенилось. Этой мысли немало содействовали орудия тревожные сигналы.

Потирая ушибленный лоб, Энрике оттолкнулся от потолка, куда его отбросило после удара, подплыл к пульта управления и принялся выключать повреждённые системы, перенаправляя их функции на вспомогательные модули. Наконец вой аварийных сигналов умолк – работу основных систем корабля удалось стабилизировать. Настала очередь оценки повреждений.

Открыв щит пилотского иллюминатора, Энрике в первый момент подумал, что ударился чересчур сильно. Судорожно икнув, он в полном недоумении выдохнул в пустоту пространства:

– Господи, что это?!

– Что вы имеете в виду? – отозвался проснувшийся эфир.

– Вот это, господи! – выкрикнул астронавт. – Вот это!

– Что конкретно вас в этом смущает? – поинтересовался собеседник.

– Конкретно? – оторопел Энрике. – Конкретно – ВОТ ЭТО ВСЁ!

– Слоны?

– И слоны тоже! И это проклятое земноводное!

– Черепаха – не земноводное, – поправил эфир. – Черепаха – пресмыкающееся.

– Что?

– Черепаха – пресмыкающееся, – повторил голос.

– А Земля?

– Что – «Земля»?

– Она плоская!

– Ах, это...

– Как я должен выйти на орбиту плоской Земли?! Я сплю или слишком сильно ударился головой?

– Энрике Сантана? – уточнил эфир. – Звёздная разведка, маршрут сорок семь?

– Да, – ответил астронавт, – сорок семь. Рад, что я не совсем сошёл с ума.

– Вас давно не было дома, Энрике Сантана.

– Восемнадцать с половиной лет по бортовому времени.

– И за это время многое успело измениться.

– Я уже заметил, большое спасибо, кэп, – язвительно заметил Энрике. – Не понимаю только, что мне предпринять – попытаться сесть на ЭТО или же прямо здесь дожидаться санитаров.

– Ваши опасения напрасны, – заверил голос, – вы вовсе не сошли с ума.

– Значит, получил серьёзное сотрясение мозга. Кстати, что это я разнёс?

– Хрустальный купол. Изрядную дыру пробили, понадобится капремонт.

– Купол?

– Если вы готовы слушать, я готов объяснить.

Астронавт оттолкнулся от пульта и вплыл в пилотское кресло, не в силах отвести взгляд от фантазмагорической картины за иллюминатором.

– Валяйте, – предложил он.

– Так вот, – произнёс эфир. – Для начала вам придётся привыкнуть к постулатом о том, что мысль материальна.

– В каком смысле?

– В том смысле, что не только бытие определяет общественное сознание, но и общественное сознание в равной степени определяет общественное бытие. Иными словами, окружающий мир имеет форму, которую придаёт ему сознание большинства.

– То есть, когда я улетал по маршруту сорок семь...

– Земля имела форму шара, поскольку таково было представление большинства.

– Но как стало возможным, что...

– Мировоззрение масс дало такой реверс?

– Именно.

– Вселенная оказалась великовата для сознания обывателей. Сто миллиардов галактик в видимой части, в каждой из которых в среднем сто миллиардов звёзд – и полная неизвестность. А ничто так не пугает обывателей, как неизвестность.

– Но наука...

– Наука в настоящий момент признана бездуховной ересью и запрещена.

– Запрещена?!

– Такое иногда случается, если крайне либеральные настроения в обществе берут верх. Но не стоит беспокоиться, рано или поздно прогресс всё равно возьмёт своё. Пара-тройка тысяч лет, и...

– Но что делать мне? Я не могу висеть на орбите пару тысяч лет... Господи, да и какая может быть орбита у... у...

– Не стоит беспокоиться, Энрике Сантана. Мистическое сознание – достаточно гибкий

инструмент. Полагаю, оно найдёт способ объяснить и это. Ни о чём не беспокойтесь и готовьтесь к посадке.

Астронавт оторопело посмотрел на объект посадки и вытер со лба холодную испарину.

– Ну спасибо, диспетчер...

– Я не диспетчер, – отозвался эфир.

– Нет? А кто же?

Невидимый собеседник вздохнул:

– Простите, не представился. Я полагал, вы знали, к кому обращались словом «Господи».

* * *

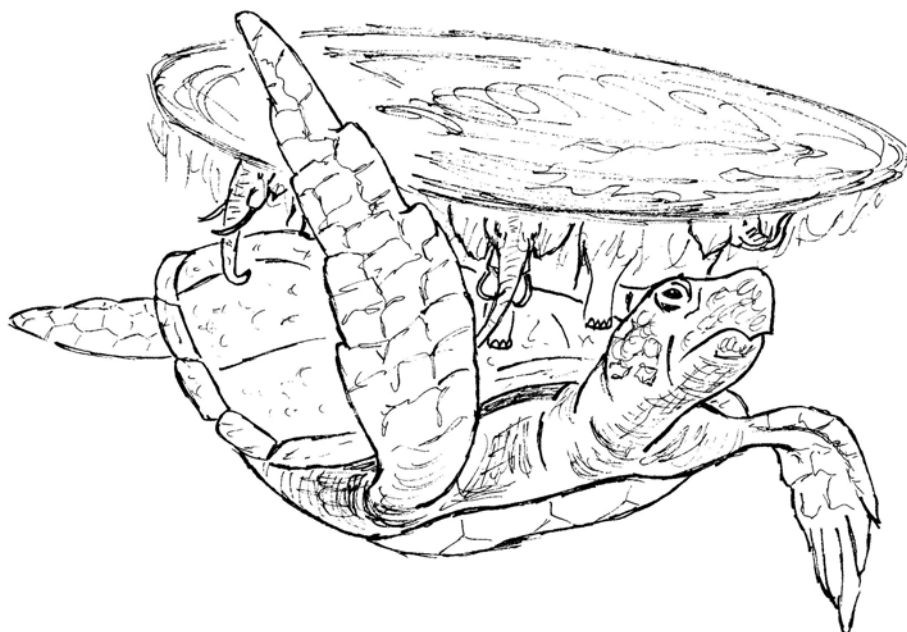
– Наконец-то он изволит спускаться, владыка! – преклонив колени, доложил посыльный.

Верховный жрец величественно поднялся, неторопливо подобрал полы одеяния и с подобающим сану неторопливым спокойствием вышел на балкон. Толпа внизу с гомоном и воплями указывала на свод небесной сферы. Верховный жрец прищурился и разглядел в вышине несущуюся вниз колесницу, запряжённую стаей журавлей.

– Будет ли конец этим безумным еретикам, владыка? – не в силах сдержать священного гнева, истерически выкрикнул кто-то из толпы.

– На всё воля Господня, – спокойно заметил верховный жрец. – Освободите место для посадки. И приготовьте поленья и масло.

Алексей ЕРОШИН

О МОРЯХ С ЛЮБОВЬЮ!**Сергей ШЕЛКОВНИКОВ**

* * *

Тропа извилистой судьбы
Меня ведёт всё неизменно
Туда, где сосны мне родны
И где Байкал лежит степенно.
Как объяснить волнения прилив,
Как передать эмоций возгоранье,
Когда я вижу голубой залив,
Хребта скалистого в распадках очертанье!
Я детство памятью своею оживлю,
Когда дышал без страха я, свободный.
Когда Байкалу я шептал: «Люблю»
И красотой его душою был пленённый.
Теперь тропа опять ведёт к нему,
Чтоб взор окинул мой его широты
И я увидел моря синеву,
Воспев в стихах байкальские красоты.
И не унять мне чувств, душевных мук,
Настолько сильно моря притяженье.
Горька слезами боль разлук,
И редок час от встречи в утешенье.
И вновь Байкал питает жизнь мою,
И гребни бьются о песчаный берег.
И вновь, счастливый, я шепчу: «Люблю»,
И мой восторг Байкалом неизменен.

Сияет серебро Байкала
В лучах, ныряющих в волну.
Мне жизни скоротечной мало,
Чтоб описать величия красу.
Пленяет мощь неведомая моря,
Питают душу гребни древних вод.
В нём сила духа, нестигаемая воля,
Начало жизни и её исход.

* * *

Скалистых груд нагроможденье.
Веками их Байкал точил.
Такая мощь рождает восхищенье,
Давая жизни новой сил.
Я прикоснусь к величественному камню,
Я заряджусь энергией скалы.
Я всё хорошее сегодня вспомню
И не сдержу слёз хлынувшей волны.
И, веря духу древнего Байкала,
Вдыхая воздух девственной тайги,
Я понимаю – здесь меня начало
И здесь себя мне суждено найти.

* * *

Среди безжизненных камней,
Гранитных гладких, скользких глыб
Байкала блики всё тускней,
И волн набег стихает всхлип.
Простором водным ширь манит,
Проникнуть в глубь так мысль мечтает.
Здесь, на берегу, лежит гранит,
В глубинах ж тайна обитает.
Байкал живой, с душою непокорной,
Он мощью духа, силой наделён.
Судьба его – быть вольницей свободной,
И от неё он так всегда хмелён.
Как мне понять природы сотворенье?
Как мне проникнуть в суть её вещей?
Я лишь гляжу на море в упоенье
И вижу жизнь средь гаснущих огней.

* * *

Свинцом написана картина –
Ночной Байкал на гаснущей заре.
Природы мощь пред ночью столь невинна,
Идя в покой в звенящей тишине.
Ложится облаков перина
На гладь морскую, укрывая сном.
И затихает водная равнина,
Сигналя лишь далёким маяком.
Всё дышит свежестью воды студёной,
Ночные шорохи тревожат тишину.
В красе покоится Байкал заговорённой,
И звёзды гаснут, мера глубину.

* * *

Красотою плещут краски
Предзакатного огня.
Так волшебнo чтенье сказки
Ночи, ждущей краха дня.
Утопает море в диве –
Алых всполохов в выси –
И купается в разливе
Восхищенья и красоты.
Облака рисуют белым,
Чистоты своей стыдясь.
Тучи давят злобно серым,

Грозной силою гордясь.
А Байкал, стеклом качаясь,
Гребнем на берег бежит.
С днём меж тем в красе прощаясь,
В ночь покойную спешит.
Отдохнут седые воды,
Сбросят груз забот, тревог.
Ждут его, мерцая, звёзды
И луны серебряный полог.

* * *

Огнём пылает горизонта даль –
Горит в закате небо над Байкалом.
Ухода дня нам искренне так жаль:
Закат ночи является началом.
Восторг от зарева так будоражит нерв,
Так буйство красок в небе восхищает –
Природа сказочный фейерверк
В прощанье дня закатом зажигает.
И вот душа восторгом преполна,
Глаза запомнить так хотят палитру!
Надежда вновь уходом дня дана,
Что рады будем мы с рассветом утру.

* * *

Как нежен розовый оттенок
Заката тихого в глуши.
Так день раскрасил напоследок
Приход таинственной ночи.
В душе волнение шепчет: «Чудо!»
Глаза так жадно краски пьют.
И нет прекраснее этюда –
Байкала нежности дебют.
И где суровости гнетенье?
Где буйный нрав бушующих гребней?
Байкал лежит в предночном упоенье,
Ликуя цветом в кротости своей.

* * *

Блики света играют
На байкальской волне.
Сердце пальцы сжимают,
Веря детской мечте.
Есть любовь на планете,

Есть души верный друг.
Мы за чувства в ответе,
Что рождаются вдруг.
И отмерено свыше,
Что дано испытать.
Лишь в бессуетной тиши
Счастье можно познать.
Я сжимаю сердечко
На байкальском берегу.
Счастье в жизни своё
Я в любви обрету.

* * *

Скала уходит в небеса,
Цепляя облака собой.
Ольхона грозная стена –
Парит над гладью мыс Хобой.
Краснеют груди над водой –
Безжизненных камней скопление.
Они влекут своей красой –
Земли прекрасное творенье.
Здесь ощущаешь силы ток,
Веков прошедших натяженье.
Души Байкала здесь исток,
Где ждёт любого возрожденье.
Взирая на скалы восход
Из вод студёного Байкала,
Ты ждёшь, что остров оживёт,
Восстав величьем великана.
Но тихо волны вдаль бегут,
Рисуя небо в отраженье.
Мечты надеждою влекут,
И сердце бьётся в восхищенье.
Байкал чарует и манит.
Его познание безбрежно.
Он магией своей пленит,
Лежа в покое безмятежно.

* * *

Дрожат росинки на ветру,
Окутав паутинок нити.
Я замороженно гляжу,
Как ловко сети смерти сшиты.
Круги на струнах – паруса,
Корабль ловит с ветром жертвы.

К ним не спеша паук ползя,
Готовит пир на поле жатвы.
Играет солнце в каплях слёз,
Туман сползает к водной глади.
Прекрасен утра жизни срез
В его жестокой благодати.

* * *

Пожарища бушующее пламя –
Горит закат над гребнем древних гор.
Оно свободы реющее знамя,
Борьбы начал пылающий костёр.
Так красит ночь победы ликование
В извечном круге смены бытия.
И жжёт огнём о дне воспоминанье,
Мир погружая в царство забвения.
И высь небес в белёсом одеянье
Всегда бредущих слёзных облаков
Лишь созерцает это состязанье
Среди байкальских бесконечных льдов.
Ночь победит, укрыв просторы мраком,
Всех усмирит в покое тишины,
Раскрасит небо звёздным зодиаком
И впустит в мир загадочные сны.

* * *

Рисует солнце свой заход,
Прощаясь с озером прохладным.
Сияет в красках горизонт,
Костром пылая необъятным.
Склоняясь, ветви шлют поклон,
Уход светила провожая.
Листвой шурша, уходят в сон,
Сквозь дрему сказки напевая.
Сереют в небе облака,
В безбрежной выси растворяясь.
Сквозь них разливы молока
Искрятся, ярче возгораясь.
День, зачарованный, лежит
В предночном плене у заката.
Он расставаться не спешит
И не жалеет ночи злата.
Но всё ж угаснет небосвод,
Утонет свет в байкальских водах.
И ночь отпразднует приход
В своих печальных, томных нотах.

* * *

Заката алого румянец
В глазах сияющих горит.
Волшебных красок манит глянец,
Красою душу бережит.
Так мир прекрасен на закате,
Так сочно угасанье дня,
Так мы легки в своей растрате –
Песчинки в море бытия.
И, возирая на просторы,
Ища надежды горизонт,
Уходят в сердце боль и ссоры,
И битв душевных затихает фронт.
Покой ложится тихой грустью,
Тревоги тонут в каплях слёз.
Твой путь лежит с теченьем к устью
Столь долгой жизни, полной грёз...

* * *

Покой скользит над гладью вод
В тиши лежащего Байкала.
Туман упрятал от забот,
Накинув дымку одеяла.
Ползут беззвучно облака,
Собой приход дождя вешая,
Неся прохладу свысока,
От зноя солнца укрывая.
И ветер в бухточке прилёг,
Красой безмолвия любясь.
Он жажду буйства приберёт,
С мальками резвыми балуясь.
Байкал сияет чистотой,
Средь скал могучих возлежая.
Сливаясь с небом синевой
И жизнью, силой заряжая.

* * *

Взгляд утопает в синеве бездонной
Средь парусов плывущих облаков.
Над благодатью, солнцем освещённой,
Косы манящих полежать песков.
Так необъятна широта простора
Реки, текущей в озеро Байкал!
Как поражает пьеса режиссёра,

Что чудо это в жизни расписал.
Не скрыть души сражённой восхищенья,
Не удержать восторга дерзкий крик.
Так хочется прихода упоенья,
Что тайны смысла высшего постиг.
И я раскину руки над собою,
Я отпущу все горести земли.
И крик прокатится над тёмною водою
До снежных гор, синеющих вдали.
И так трепещет сердце от разрыва,
Отдавшись вволю чувствам и мольбам...
Оно забилося от души порыва,
Свободу дав вдруг хлынувшим слезам.
Как всё ж чудесно наше возрожденье,
Когда, приняв природы вечный зов,
Мы понимаем тайны откровенья
И в тишине с собой, без лишних слов.

* * *

Горизонт уходит в море,
Тонет в синеве глубин.
Так вольготно на просторе
Ветру среди морских равнин.
Я парю над гладью водной,
Я дышу, пьянея, всласть.
Я взмываю к выси звёздной,
Где бурлит к Байкалу страсть.
Я прильну к скале руками,
Я прижмусь щекой своей,
Я вопьюсь в неё губами,
Чтобы стать душой сильней.
Подари, Байкал, мне жизни,
Влей студёный эликсир.
Ты себя частицу втисни,
Ты души моей эмир.
Ты раскинулся широко,
Так глубок и полон тайн.
Ты Земли прекрасной око,
Средь красот сибирских – рай.
Непокорный и могучий,
Ты зажат среди гор кольцом.
В шторм – бушующий, кипучий,
В штиль качаешься стеклом.
В памяти моей душевной
Я полёт свой сохраню.
Станешь ты мечтой заветной,
Что я сердцем возлюблю.

* * *

Морозный воздух иней лепит
 На ёлок стройные ряды.
 Волнует душу лёгкий трепет
 От вида вдалеке гряды.
 Слойми небо надо мною
 В оттенках синего парит.
 Чарует кромкой голубою
 И хрусталём в выси звенит.
 Я мчусь, к Байкалу поспешая,
 Дорогой горной в выражах.
 Просторы жадно поглощая
 Глазами ясными, в слезах.
 Здесь корни я пустил навеки,
 Здесь малой родины причал.
 Она искрится в белом снеге –
 Зимы прекрасной снежный бал.
 Так поражает гор величье,
 Распадки режут их бока.
 Вдруг рыжее пятно лисичье
 Окрасит вдалеке снега.
 Мой край заснеженный, раздольный,
 Как я люблю твою красу!
 Ждёт дом меня уютный, хлебосольный,
 Где я забуду грусть свою, тоску.
 Дорога вьётся лентою далёкой,
 Мелькают виды за окном моим.
 Душе всё веселее одинокой:
 К истокам еду я своим.

* * *

Бирюзою море манит,
 Блики искрами горят.
 Дымка горизонт туманит.
 Горы мудрые молчат.
 Крики чаек оглушают.
 Бег прибоя ластит слух.
 Облака неспешно проплывают,
 С ними ветер – вечный их пастух.
 Неизменно вечности теченье.
 Дух святой сияет в высоте.
 Для всего своё предназначенье.
 Жизнь течёт в безгрешной красоте.

ВОЛШЕБСТВО БАЙКАЛА

Уже не видно солнца за горами,
 Волна степенно улеглась.
 Крича, кружат над морем чайки,
 Нырять за мальком стремглав.
 И в горизонте ярко-красном,
 Играя бликами зари,
 Байкал смиренно уступает
 Свои права глухой ночи.
 И пеленою непроглядной
 Накрывает землю темнота.
 Лишь звёзд мерцанье отражает
 Стеклом прозрачным глубина.
 И сны волшебные приходят,
 Кружат над гладью тихих вод.
 И дышит озеро прохладой,
 В тумане прячется от забот.
 И мир в спокойствии печальном,
 Снимая бремя тяжких пут,
 Вновь к жизни душу возвращает
 Мечтами, что вперёд влекут.

ДЕРЖАВНЫЙ ПОКРОВ РОССИИ ИКОНА БОЖИЕЙ МАТЕРИ «ДЕРЖАВНАЯ»

Празднование иконе Богородицы, именуемой «Державная», установлено в память её обретения в селе Коломенском под Москвой 2 (15) марта 1917 года, в день насильственного отречения от престола императора-страстотерпца Николая II.

13 февраля 1917 года благочестивая пожилая крестьянка Евдокия Андрианова, жившая в слободе Перерва под Москвой, слышала

явственно во сне необыкновенный голос: «Есть в селе Коломенском большая чёрная икона. Её нужно взять, сделать красной, пусть молятся». Потрясённая сновидением Евдокия стала усердно молиться, обращаясь к Господу с просьбой открыть смысл таинственных слов. 26 февраля она увидела во сне необыкновенную, устремлённую ввысь белую церковь. В храме на троне восседала величественная Женщина, в кото-

рой Евдокия, не видя Её святого лика, сердцем признала Царицу Небесную. Вскоре Евдокия удостоилась во сне третьего видения. Ей была явлена икона, видение было смутное, деталей образа после пробуждения она вспомнить не могла, но общее впечатление особого царственного величия изображённой на иконе Богоматери осталось в сознании.

Исповедавшись и причастившись Святых Христовых Таин, Евдокия Андрианова отправилась в село Коломенское. В знаменитом Вознесенском храме она тотчас же узнала виденную во сне необычную белую церковь. Настоятель о. Николай Лихачёв не сразу поверил женщине и даже, по его словам, сначала склонен был осудить её за доверие к снам. Ни в одной из находящихся в храме икон Евдокия не узнала таинственный образ. И тогда отец Николай велел усердно искать икону повсюду: на колокольне, на лестнице, в чуланах, в церковном подвале. И вот в подвале, среди старых досок, тряпок и рухляди, в пыли нашли большую старую чёрную икону, на которой ничего нельзя было разобрать. Когда доску стали промывать от многолетней пыли и копоти, проявился лик Царицы Небесной. Матерь Божия с благословенным Богомладенцем Иисусом на коленях в багряной царской порфире, с короной на голове и скипетром и державой в руках восседала на троне. Впоследствии установили по записям в книгах Воскресенского женского монастыря, что икона эта прежде принадлежала ему и в 1812 году, перед нашествием Наполеона, в числе других икон при эвакуации монастыря из Кремля была передана на хранение в Вознесенскую церковь села Коломенское, возвращена потом не была, и в монастыре о ней забыли.

Прославить явление иконы приехал святитель Тихон, тогда ещё митрополит Московский, и благословил составить акафист Державному образу, взяв части из каждого акафиста иконам Пречистой, явленным в России, и назвать его «Акафист акафистов».

Среди верующих передавали слова, услышанные Евдокией Андриановой из уст Пречистой: «Сейчас Я Сама взяла державу и скипетр в Свои руки, а с иконою Державной посылаю Свою особую благодать и силу. Копии с этой

иконы надо распространять среди людей в помощь им. Эта икона не спасает от испытаний, так как испытания нужны, чтобы пробудить духовную сторону в людях. Но кто во время испытаний будет с верою молиться у этой иконы, тот будет во время этих испытаний спасаем».

Известный поэт монархист Сергей Бехтеев посвятил явленной святыне проникновенное стихотворение:

*Перед Твоей Державною иконою
Стою я, трепетом молитвенным объят,
И лик Твой царственный, увенчанный короной,
Влечёт к себе мой умилённый взгляд.
В годину смут и трусости бесславной,
Измены, лжи, неверия и зла
Ты нам явила образ Твой Державный,
Ты к нам пришла и кротко прорекла:
«Сама взяла Я скипетр и державу,
Сама Я их вручу опять Царю,
Дам царству русскому величие и славу,
Всех окормлю, утешу, примирю!..»
Покайся ж, Русь, злосчастная блудница,
Омой в слезах свой осквернённый стыд,
Твоя Заступница Небесная Царица
Тебя и грешную жалеет и хранит.*

По молитвам перед Державной иконою Матерь Божия даровала верующим множество исцелений от телесных и душевных недугов. Икону стали возить по окрестным храмам, обителям, фабрикам и заводам. Бесчисленные копии с образа украшали храмы по всей России. После прославления Державной иконы Евдокия Андрианова собрала деньги на ризу к чудотворному образу и решила помолиться в Дивеевском монастыре и попросить благословение на возложение ризы. Тут она вновь удостоилась явления Божией Матери. Царица Небесная велела вернуть собранные деньги и не возлагать ризы на образ, так как скоро в России будут снимать ризы со всех икон, а после испытаний российских риза сама к ней подойдёт.

Через несколько лет после явления Державной иконы по всему Отечеству нашему списки её были изъяты из церквей, составители службы и канона расстреляны, а тысячи

людей, осмелившихся хранить у себя её изображение, брошены в тюрьмы. В 1929 году из закрытого Вознесенского храма вместе с другими святынями была вынесена и Державная икона. Верующие считали, что её уничтожили, и потому, когда в конце 80-х годов обнаружилось, что Державная икона находится в хранилище экспонатов Отдела изобразительного искусства Исторического музея, многие не поверили, что там хранится явленная святыня. В апреле 1988 года икона была передана Историческим музеем на выставку, организованную к празднованию 1000-летия Крещения Руси в издательском отделе Московской патриархии, и появилась возможность её исследовать. Тщательное сличение иконы с фотографией, сделанной в иконописной мастерской Свято-Алексеевского монастыря в Москве при реставрации Державной иконы в 1917 году, показало – из музея действительно передан чудотворный образ Божией Матери, явленный 2 марта 1917 года. 27 июня 1990 года икону перенесли в действующую Казанскую церковь села Коломенское, где она пребывает и сейчас (в Вознесенском храме, в котором была явлена икона, богослужения не совершаются).

Первые копии чудотворного образа, написанные в предреволюционные годы, почти не сохранились. Одна из таких икон пребывает в московском храме мученика Иоанна Воина на Якиманке, который в советские годы не закрывался. Почитаемый список находится в Николо-Перервинском монастыре (Московская область). Образ, принесённый сюда монахиней Агнией весной 1991 года, стал одной из монастырских святынь, и в день празднования Державной иконы Божией Матери 2 (15) марта с ним совершается крестный ход вокруг обители.

**АВЕРКИЙ (ТАУШЕВ),
АРХИЕПИСКОП СИРАКУЗСКИЙ
И ТРОИЦКИЙ (1906–1976):
РОССИЯ – «ДОМ ПРЕСВЯТОЙ
БОГОРОДИЦЫ»**

Пока чтит русский народ свою Заступницу и Покровительницу Пречистую Матерь Божию, легко и вольготно жилось на Русской

земле, которую благословил Господь всяким изобилием, так что хлебом её кормились все народы мира. Росла и ширилась она, процветала и благоденствовала, восходя от силы в силу. Но позавидовал благоденствию русского народа враг вселукавый, возненавидел Русскую землю – «Дом Пресвятой Богородицы», – как опасный для него оплот истинной веры, веры православной, и замыслил уничтожить её. Хитро и лъстиво подошёл он к русскому народу, соблазнив его обманчивыми мишурными благами западной лжекультуры. Постепенно, но систематически и настойчиво, неприметно для детски-простодушного взора вливался смертоносный яд змеиный в душу русского человека. Всё дальше и дальше отводил его враг от веры отцов, всё больше и больше отравлял его душу материализмом, неверием и безбожием, лукаво внушая ему, что это и есть истинные блага. Поддался вражьему обману доверчивый и детски-простодушный русский человек и... отступил от своего исторического призвания быть хранителем единой истинной, единой спасающей святой православной веры. Отвернулся от Божественного лика Пречистой своей Заступницы и Покровительницы, забыл все бесчисленные благодеяния Её. Страшно сказать, до чего дошли в своём ослеплении обезумевшие русские люди: они дошли до кощунственной хулы на Пречистую Матерь Божию.

Удивительно ли после этого, что Русскую землю постигли такие страшные, невероятные кровавые бедствия. Слишком велико было падение русского народа, поддавшегося обольщению сатаны. И этот грех, тяжкий грех богоотступничества и богоборчества, мог быть очищен только поистине огненным испытанием, слезами и кровью. Вот почему так называемое Белое движение не имело успеха. Мало было одного внешнего освобождения от большевистской власти. Ничего не дало бы оно русскому народу, в душах которого продолжал бы жить яд большевистский. Только путём тяжких страданий мог очиститься русский народ от своего страшного грехопадения. И эти страдания были даны русскому народу: даны ему на пользу. Мы верим, что эти страдания промыслительно

попущены Богом, мы верим, что Матерь Божия не отступила от русского народа.

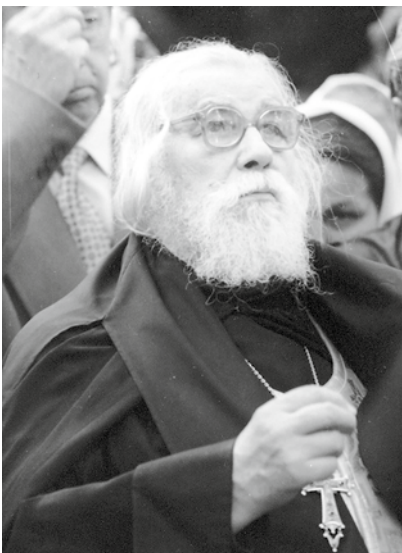
О том, что Матерь Божия не отняла окончательно Своего покрова над Русской землей, свидетельствует замечательное явление последней нашей чудотворной иконы в самый день отречения государя императора Николая Александровича 2 марта 1917 года – Божией Матери Державной. Эта икона представляет собой Божию Матерь в царской короне, со скипетром и державою в руках, в красной, как бы пропитанной кровью одежде, со взглядом очей, выражающим скорбь. Что это, как не то, что Матерь Божия Сама взяла в Свои руки верховную царскую власть над Русской землей, после того как русские люди отвергли своего государя, помазанника Божия? И Она со скорбью смотрит на тяжкие страдания русского народа и терпеливо ждёт, как истинная Мать, его покаяния и обращения к Богу.

АРХИМАНДРИТ ИОАНН (КРЕСТЬЯНКИН)

О ПОКРОВЕ БОЖИЕЙ МАТЕРИ

Державный Покров Матери Божией покрыл весь род христианский на все времена. Православная Россия – удел Божией Матери. Она являлась Сама на Руси тем святым, чьи сердца не знали тени порока: преподобным Сергию Радонежскому, Серафиму Саровскому и другим. Она

посещала многострадальную, но верную Богу Русь многочисленными Своими иконами, ими являя русским людям Свой Покров. Про Матерь Божию можно смело сказать, что Она – неисчерпаемый океан чудес, явленных на Руси.

Наиболее почитаемые у нас иконы – Владимирская и Казанская. Их значение в жизни русского народа огромно. Они сделались всенародной святыней и знамением Небесного Покрова над Русской Церковью и нашим Отечеством. Архиепископ Херсонский Иннокентий (Борисов) назвал Казанскую икону «Русским Покровом» – Покровом Пресвятой Богородицы над Россией.

Особенно надо отметить чудесное явление иконы Божией Матери «Державная». Это произошло в день отречения от престола последнего русского императора, 2 марта 1917 года, в селе Коломенском под Москвой. В руках у Матери Божией были царские скипетр и держава. И сказала Она, что отныне Сама будет охранять Россию. И теперь в России царство не от мира сего, теперь вместо царя правит страной Матерь Божия. И мы с вами ощущаем на себе Её державный Покров и заботу о русском народе.

Матерь Божия всегда защищала и миловала Русь, наказывала и вновь возвращала Свою любовь людям, прошедшим ради грехов своих сквозь страдания, покаянием и скорбями очистившим свои сердца. Но в нынешнее тяжкое время, когда земля состарилась, отягчилась неверием, беззаконием и невежеством в познании повелений Божиих, не отступила ли от нас Заступница наша Усердная, ревнуя о славе Сына Своего и Бога? Нет, дорогие мои, быть этого не может. Для матери бедствующее чадо ещё дороже. И пока на Руси хоть «малое стадо» несёт и сохраняет верность заветам Христа, надежду на заступление Матери Божией – мы не погибнем. Матерь Божия всегда есть и будет с теми, кто верен Её Божественному Сыну, кто идёт по Его зову путём вечного спасения. И наше верующее, знающее великую силу ходатайства Матери Божией сердце пусть всегда припадает к ногам Божией Матери со своими вздыханиями, нуждами, скорбями, во всех испытаниях и в минуты плача о грехах. И Она, Радость всех скорбящих, наша Небесная Мать, простирая Свой державный Покров, заступит и спасёт и помилует всех нас.

Татьяна НИКИТИНА

– Везут, везут! Ещё одну партию гадов везут, ха-ха-ха! – орал на весь берег Задира, скуластый, упитанно-присадистый малый, живший на территории Заготзерна, где его папа был главным начальником. – Ух ты, падла, какие они! Получили, фашисты? По заслугам, по всем правилам получили, ага? Ещё бы вам, стервам, поддать!

– А и заткнулся бы ты, миленький, а! – вякнул было мой лучший друг Витька Меденцев. – Гудишь, как пароход во время тумана! – И тут же получил по сопатке.

Никто из многочисленной ребятни, в том числе и я, даже не подумал его защищать, все мы хорошо знали, что Задира одной левой может разукрасить любого, а то и разом всех вместе взятых.

Задира же продолжал как ни в чём не было блажить:

– Ух, и видок у кровососов – прямо картинка! Прямо кино! Только подходить и в рожи поочерёдно плевать!

Мы уже не обращали внимания на него.

Мы лишь смотрели, смотрели.

И то, что видели в этот день, заставляло содрогаться даже нас – полунищую безотцовщину военного времени.

Их, этих немцев с Поволжья, исключительно женщин и ребятишек, грязных, измождённых, опухших, в коростах, в каком-то жутком отрепье, полуразутых, переправляли к нам в село на пароме.

С парома под руки усаживали в телеги, ибо многие уже не могли стоять на ногах, и вели «разнаряжать» по пустующим колхозным дворам.

Одна из подвод возвращалась обратно, и я удивился, почему это знакомый сельсоветский конюх дядя Кондрат не сидит, как всегда, на передке, а шагает поодаль. Подбежал и спросил.

Тот лишь молча, не поворачивая головы, ткнул указательным пальцем в затёртые доски телеги.

Я наклонился, присмотрелся и едва поверил глазам. По доскам серыми ручейками струились здоровенные... вши...

А на другой день я сидел в избе Витьки Меденцева и вместе с ним успокаивал как мог тётю Нюру, Витькину мать. Она ревела навзрыд. Двое суток назад у Меденцевых от бесприглядно околела свинья, и с одной бедой сразу появилась другая – не было человека, который бы снял с животного шкуру, а по закону её обязательно нужно было сдать государству.

В дверь постучали.

На пороге стояла печальная голубоглазая немка.

– Ми узналь... у вас есть погибший свинья, – залепетала она. – А ми... отшень, отшень голодный. Не могла бы ви... подарок нам... ваша свинья? Купить, купить... Ви не сумеит, ми сумеит... У вас хоть ого... э-э-э... огоротт, ботва... У нас же... И этого не имеет... Шкура будем вернуть... Донимайт?

Мы с Витькой не понимали. Зато тётя Нюра всё поняла. Вздогнула, позеленела и заторможенными, тягучими ногами лунатика двинулась в сени, из сеней в стайку, указала пальцем на растянувшуюся в жухлой соломе свинью.

В стайке уже стояли две другие немки и мальчишка примерно одних со мной и Витькою лет. Они с трудом подняли одеревеневшую тушу и понесли. Когда вышли за ворота, мальчишка вдруг оглянулся и, оторвав правую руку от тупа, ткнул себя в грудь.

– Мой – Шурка... Мой – так по-русски зовут... – И улыбнулся. Я тоже.

Какая-то невидимая волна доверия, солидарности обдала меня ласковым, мягким теплом. А лупоглазый, всегда чуток странноватый Витька даже шагнул к немчурёнку и выпалил:

– А слово Виктор по-вашему как?

Немчурёнок опешил, забегал испуганно и виновато глазами по сородичам, по нам с тётей Нюрой и Витькой и вдруг осенённо изрёк:

– Виттер!

– Ура-а-а! – заблажил ошчастливленный Витька. – Меня по-ихнему Виттер зовут!

Напрягшиеся было немки облегчённо вздохнули. Тётя Нюра ойкнула, замахала руками, дескать, что возьмёшь с чудака. Я засмеялся. И всё бы было по-человечески, если бы в это время на улицу не вылетел из проулка Задира.

– Чё, падаль жрать собрались? – заорал он издалека: при взрослых этот герой всегда вёл атаки на почтительном расстоянии. – Жрите, жрите, скорее загнётесь!

– Как тебе не стыдно, хулиганишка ты несчастный? – вспыхнула тётя Нюра.

– А вам не стыдно якшаться с фашистами?

Кажется, этих униженных, доведённых до состояния пыли людей уже ничем нельзя было унижить и вывести из себя. Но Задира их вывел. У немок их синие глаза стали белыми, а с Шуркой случилась истерика.

– Мой не фашист, мой не фашист! – бил себя в грудь кулачком и топал ногами.

Его едва успокоили. А Задира не унимался:

– Фашисты, фашисты! Жрите свою пропастину! По заслугам вам эта еда, по заслугам!

Николай ВОЛОКИТИН

Николай Иванович Волокитин родился 8 мая 1937 года в селе Новиково Парабельского района Томской области. Окончил Томский индустриальный техникум и Енисейский педагогический институт. Автор 16 книг прозы, изданных в Красноярске и Москве. Печатался в журналах «Наши современники», «Крестьянка», «Природа и человек», «Юный натуралист», «Лесная новь», «Сельская новь», «Сибирские огни», «Уральский следопыт», «Енисей», «День и ночь», «Дальний Восток».

Член Союза писателей России с 1972 года. Заслуженный работник культуры Российской Федерации...

Тринадцать лет прожил в селе Казачинском Красноярского края, 27 лет – в самом Красноярске. Восемь лет работал редактором районной газеты, около 15 лет в разные годы – главным редактором журнала «Енисей». Около десяти лет, до выхода на пенсию, возглавлял Красноярскую писательскую организацию. С 2003 года живёт в Новосибирске.

Страшно, когда человек вобьёт себе что-то дурное в башку. Ещё страшнее, когда это дурное вдолбят другие. Задире, мы знали, втемяшил лютую ненависть «ко всем немцам без исключения» наш учитель военного дела по кличке Колун – непререкаемый авторитет для Задиры, потому что по всем предметам он был отпетый двоечник, а по военному делу едва ли не единственный в школе имел стабильный пятак.

У Колуна же, бывшего колхозного учётика, который после фронтового ранения и контузии перешёл в педагоги, был психический сдвиг, и он при одном лишь слове «немцы» начинал дёргаться и брызгать жёлтой слюной.

– Кар-р-рать! Поголовно! А вместе с ними, чтоб неповадно было, всех предателей и подпевал...

В конце концов Задира уgomонился и убежал. Ушли и немцы, волоча тяжёлую тушу.

А спустя совсем недолгое время мы с Витькой и не заметили, как Шурка-немец стал нашим другом. Так же как, между прочим, и Яшка-латыш.

Немцы были не единственными ссыльными в нашем селе. Сослали в него в своё время и алтайских так называемых кулаков, в том числе и моих папу с мамой. Сослали сюда недавно и прибалтийцев. В отличие от немок прибалтийские женщины казались аристократками, а может, таковыми и были. Они привезли с собой кой-какие тряпицы и первое время меняли их на еду, нигде не работая. В жаркие дни любили ходить на пески и загорали там совсем нагишом, чем вводили в штопор наших редких мужчин, коих угораздивало очутиться в это время у речки. Потом всё сравнялось, всех заставили одинаково вкалывать и одинаково умудряться существовать на бесхлебье. Сравнялись и мы, разноплеменная мелюзга, с одинаковым рвением и лишь с разными акцентами чеканя сцены на школьных концертах из гимнастических пирамид:

– Спасибо товарищу Сталину за наше счастливое детство!

Разными они были, эти мальчишки: Шурка-немец и Яшка-латыш.

Шурка, плотненький, коренастенький крепышок, несмотря на потрясающую бедность, был всегда весел и бодр. Как-то я пришёл в их голую избу, Шурка в это время хлебал какое-то тёмно-зелёное варево из травы. Нахлебавшись, брякнул ложкой по грубой столешнице и гаркнул, перекорёживая слова очень популярной тогда песни:

– Эх, сибирская сила, новосибирская, поднялась на решительный бой!

– Не новосибирская, а богатырская, – поправил я.

– Какой разниц, какой разниц, Коля! – воскликнул незадачливый певец и рассмеялся.

Яшка-латыш был худощав, бледен, мечтательно-тих. Сколько я помню, его болезненная печальная мать всегда его кормила одной и той же едой – это была тушённая на воде картошка, нарезанная большими ломтями. Сама мать, я ни разу не видел, чтоб ела, она лишь пристально смотрела, как Яшка споро прибирает из глубокой тарелки картошку.

Ходил Яшка в странной, непривычной для нашего нарымского брата одежде. Был у него какой-то дорогой, чуть ли не парчовый, до колен кафтан, и под кафтаном, кроме крохотных трусиков, ничего. Зато в карманах кафтана всегда имелась пара платочков: один – для носа, другой, извините, – для попы.

Мы, деревенщина, помню, ржали, как же ребята, когда в лесу, объевшись всяких пучек, саранок, медунок, Яшка пользовался именно этим, в коричневых пятнах, платочком.

– Яшка! – изгалялись мы. – А вдруг перепутаешь и не то затолкаешь в ноздрю?

На что Яшка всегда спокойно, с достоинством отвечал:

– О нет, мы так не приучен! Мы приучен гигиена и чистота...

Однажды моя мама встала намного раньше обычного, напекла много драников – оладий из тёртой картошки, сварила из прошлогодней клюквы со свёклой вместо сахара чугунок киселя и, собираясь на колхозное поле, сказала:

– Сегодня тебе задание: выдергать из грядок и высушить лук. Знаю, один работать не будешь, соберёшь всех друзей, дак угостишь.

Я, конечно же, днём оповестил всю ребятню, и мы быстренько, хором убрали лучок, а потом уселись на крылечко и стали потчеваться хоть и нехитрой, но приятной едой.

Откуда ни возьмись появился Задира.

– А чёй-то вы здесь жуёте? – подбоченился он и, в мгновение ока выхватив у меня из руки огрызок оладьи, кинул его себе в рот. Кинул и вдруг скривился: – Па-а-адла! Какое дерьмо! Кобель бы наш поперхнулся! – и выплюнул жевок прямо в кружку.

– Конее-е-ечно, ты человек хле-е-ебный... – не своим голосом медленно начал было я, но вдруг во мне что-то взвинтилось, растормозилось, и я, не помня себя, выплеснул содержимое кружки прямо Задире в мурло.

– Ты?! – увидел я на миг округлившиеся от удивления и ярости глаза Задиры и не успел хоть что-то сообразить, как получил такую пилюлю под дых, что колобком скатился с крыльца.

Задира стоял надо мной.

– Ты, кулачье отродье! По заслугам, собака! – скалился он. Далось ему это чёртово «по заслугам»! – На! На! Отведай добавки!.. – И изо всех силушек пинал меня в бок.

Я лежал поверженный, жалкий, и малые доли секунд казались мне длинными, как тысячелетия. Никто из моих гостей пока не стронулся с места, и мне с какой-то космической ясностью вдруг представилось, как худо было недавно Витьке Медведеву, когда он схлопотал по соплям, а я вот так же, как он сейчас, не мог ничего сделать, загипнотизированный железными кулаками Задиры, и лишь переступал потрескавшимися голыми пятками по земле.

Я уже ни на что не надеялся.

И вдруг вперёд ринулся Шурка.

– Гада такая! Разве можно лежащий? И какой заслуга? Какой? У него отец... за нас... за вся... погибла на фронт! – заорал он и хотел ударить Задиру по шее, но, опережённый, отлетел далеко в картофельную ботву.

Яшка-латыш хотел помочь Шурке встать, но оказался в ботве ещё дальше. Однако тут

же вскочил и метнулся к Задире. У него, Яшки, было преимущество – очень длинные руки, и он ими хорошо доставал Задиру, тогда как тот его не всегда.

Поднялись и мы с Шуркой-немцем и тоже стали наступать как могли.

У нас всех троих кровь из ноздрей хлестала ручьями, но мы и не думали отступать, особенно Яшка, который после очередного полёта в картошку орал на Задиру ещё боевее:

– Получиль?! Получиль?!

Кто более получил, пусть останется в прошлом, там, на месте нашей мальчишеской схватки, но первым всё же не вынес напора Задира. Боком, боком он отступил потихонечку с поля боя и, спотыкаясь, вихлясто пошёл...

И навсегда ушёл от меня, из жизни моей, потому что вскоре наша семья переехала далеко-далеко, совсем в другое село...

Удивительно, но я даже не помню ни имени этого боевого юнца, ни фамилии. Задира – и точка. Зато я хорошо помню, что фамилия Шурки-немца была Шефер, а Яшки-латыша – Льепенш. И эти парни до сих пор живут в моём сердце и будут жить в нём, покуда жив я, ибо они не просто мои земляки, не просто друзья по несчастью, они – мои братья.

АЛЫЙ ЯНВАРЬ

Слякотным, мерочным, каким-то прогорклым выдался первый месяц зимы. Ночью вроде ещё чуток подмораживало, пробрасывал несмелый снежок, а днём всё погружалось в парную банную мутность, в мышино-тусклую серость, от которой душа впадала в тоску и уныние. Горько пахло мокрой прелой листвою, ноги вязли в расквашенной жидкой грязище, одежда набухла и тяжелела от сырости уже на первой минуте по выходе из избы.

И вот перед Рождеством разом стукнуло градусов под пятнадцать, а чуток погодя за одну ночь выбелило всё ровно, гладко, обильно,

будто опрятная хозяйка перед приездом гостей прошлась по потолку и стенам горницы добротною кистью.

Я жил на даче один и проснулся ранним утром от непривычного света.

«Что это?» – подумал с непонятным ещё, но почему-то радостным изумлением и тут услышал с улицы ни с чем не сравнимые звуки: шкырь-шкырь-шкырь – то сосед Кузьма Мартемьянович орудовал у ворот деревянной лопатой.

Я рванулся к окошку и оторопел от всеохватывающей, умиротворённой и праздничной чистоты. Снег сиял не только на дороге и на крышах строений, не только на грядках в огороде и на ступеньках крыльца, но даже на поперечинах и заострённых торцах штакетной оградки...

А спустя какое-то время, когда рассвело, в палисаднике на моих любимых деревьях, рябинке и клёне, объявились и долгожданные гости – красногрудые снегири. Круглые, как яблоки, яркие, они враз оживили окрестность одним лишь своим появлением, заставив окончательно отряхнуться от остатков недавней хандры.

Настроение было теперь исключительно незамутнённым, светлым, приподнятым, и даже вспомнилось ненароком, что уже полторы недели как дни пошли на прибавку, а это значило, что и зима теперь вроде как не зима, а всего ползимы.

Снегири же стали посещать мой дом почти ежеутренне. Если я был чем-то занят и не видел птичек, то хорошо слышал даже сквозь прикрытую форточку их отрывистый пересвист.

– Жю-жю-жю! – ворковали они, перемежая иногда своё воркование хрипловатыми вскриками: – Хи-и-и... Ху-ху!

Я знал, что поют в эту пору не только рядные самцы, но и скромные невзрачные самочки, и это было особо приятно, но всё-таки смотреть на певунов любил сильнее, нежели им через окошко внимать.

Количество их почему-то постоянно менялось, между прочим, как и состав. То припожалуют на деревья сразу штук десять, да ещё строго пара на пару, то пять, то семь, с преоб-

ладанием того или противоположного пола, то два самца с одной самкою, то вообще троица исключительно кавалеров. Но вот одних представительниц слабого пола не видел ни разу.

Часто снегири усеивали деревья впере-мешку со свиристеями или синицами, и тогда для меня наступали и минуты, и целые часы уже особого несравненного удовольствия, ибо я имел возможность не только наблюдать, но и сравнивать.

До чего же разнились птицы!

Мои краснозобые любимцы, к примеру, выкушивали из ягод рябины лишь косточки, отчего после их пира белый снег в палисаднике всегда от ягодных крошек был розовым, под цвет их выпуклых грудок, а вот свиристе-ли лопали всё целиком и не оставляли после себя ничегошеньки... Синицы же отличались своей извечной вертлявостью, суетливостью, беспокойством, ни минуточки не посидят тихо: круть-верть, прыг-скок, и на их фоне неповоротливые вальяжные снегири иногда мне начинали казаться чуть ли не сонными.

Однажды один такой меланхолик, отделившись от прочей компании, часа два, наверно, сидел неподвижно на тоненькой веточке клёна и всё смотрел-смотрел на единственную оставшуюся на самом её кончике крылатку – семечко то есть в засохшем крылышке-лепестке. Смотрел-смотрел да и решился-таки на подвиги ратные, стал потихонечку, осторожненько продвигаться к еде. Продвигался-продвигался, перебирая не очень уклужими лапками, отчего веточка стала гнуться в дугу, и... рухнул, как последний недотёпа, вниз, только в падении уже порхнув запоздалыми крыльями, и как-то боком, сконфуженно удалился прочь от собратьев... Увы!

Так прошёл весь январь.

А в феврале начались новые снегопады, метелицы, и мои друзья куда-то откочевали, что меня, откровенно сказать, и не очень-то огорчило. Я теперь надолго был напитан общением с ними, а их упругие пронзительно-алые зобики на фоне такой же пронзительно-белизны ещё долго-долго после этого в памяти маячили перед моими глазами.

ВОПРЕКИ ВСЕМУ

Этот крохотный и совсем ещё юный березнячок на окраине города каждый год подвергался напастям. Да и не мог он им просто-напросто не подвергаться, потому что в очень уж неудачном месте угораздило его когда-то родиться.

С запада березнячок теснили серые корпуса большого завода с их вечным дымом, копотью, шумом, с их постоянно расползающимися, как червяки, во все стороны железнодорожными подъездными путями, с востока всё ближе и ближе к нему подкрадывались вычурные коттеджи богатого дачного поселения, с севера его подрезали под корни нагромождения трансформаторов и особенно металлическая ограда электроподстанции, а с юга вообще днём и ночью душили пылью аж целых две автомобильные дороги.

Но и этого мало.

В позапрошлом году, например, тянули какие-то очередные провода из города к дачному комплексу и не придумали ничего лучшего, как вкопать один из бетонных столбов прямо на закрайке околка, сломав и покорёжив при этом землечерпалкою с краном не меньше десятка берёзок.

Прошлым летом и вовсе взбрела кому-то в голову неумная мысль построить что-то прямо возле одной из автомобильных дорог: пригнали бульдозер, разровняли площадку, опять отхватив добрый клин от околка. Но, видимо, или денег на новый виток мероприятий не оказалось, или кто-то умный нашёлся да и прихлопнул идею, и суетня прекратилась... Однако! Целик-то у дороги уже загубили навечно.

И березнячок в который раз покалечили.

А нынче на мою угодину свалилась уже другая беда.

Прихожу по грибы и вижу чуть ли не в центре, прямо середь белых кудрявиц, след от тяжёлого грузовика, а в конце следа – лежа-

щую на земле строительную железобетонную плиту метров этак на восемь в квадрате. Да прямо в том самом месте, где обабки всегда росли очень сильные: мясистые, толстые, бурые, с ножками ничуть не тоньше, чем шляпки.

Что? Почему? Отчего?

Миновал день – ещё одна плита лежит уже чуть поодаль.

Ещё несколько дней – ещё две, одна на другой.

Являюсь через неделю и вижу, что некоторые плиты исчезли, зато появились другие.

Ничего не пойму.

В это время пригородный пастух прогонял через березнячок местное ущербненькое стадо коров, и мы, поздоровавшись, разговорились.

– Так это же, – сплюнув при этом, сообщил словоохотливый паренёк, – наша современная мелкая буржуазия в своеобразном бизнесе упражняется... Стырят на стройке плиту и везут сюда на отлётку. Всё спокойно, значит, через какое-то время берут и отправляют левым клиентам... Да вы уж не волнуйтесь так-то шибко, отец! Чё теперь делать? Стройка ближняя скоро закончится, и плиты эти так же бесследно исчезнут, как появились.

Исчезли...

Кроме одной. Именно той, самой первой.

Долго-долго она ещё лежала, мозоля глаза и рвя мою душу. Потом как-то примелькалась, я почти не стал её замечать.

И тут... Рыщу в очередной раз грибочки и поражаюсь.

Вокруг попадаются подберёзовики как подберёзовики, естественно, тёмные, естественно, с бусыми шляпками, а эти... стоят пять крупных красавцев – и совершенно белёхонькие. Белёхонькие, как молоко.

Глянул налево, глянул направо – плиты-то нету. Исчезла и последняя ночью.

А мои блондины, значит, возрастали прямо под нею!

Спасибо вам, «деловые» люди, хоть их ненароком вместе с железобетоном не умыкнули!..

А вообще-то до них ли вам было...

* * *

Я забыл, что со мною случилось
За минувшие несколько лет,
Отчего так душа омрачилась,
Кто убавил в ней ласковый свет.

Этой вежливой жизни изжога,
Выжигая свой жадный узор,
Ничего не жалела живого,
Вынуждая на стыд и позор.

Никогда же не быть нам счастливыми,
Никому ждо не княжить в любви –
Ангел жизни губами правдивыми
Осень жизни уже протрубил.

Ветер гонит пьянящие волны –
Голова полукружится в дым,
Всё быстрее бичева колокольни,
Всё блаженней поёт серафим...

Облака, что столпились у церкви, –
Словно девушки в белом цвету,
Лишь скользнёт по ним взгляд
 офицерский
С сигаретой цветущей во рту.

По высоким сугробам лабазника
Разливается ласковый свет...
Никакого сегодня нет праздника,
Потому что любви больше нет.

* * *

Вот уж скоро Покров, Николай,
Нам цветов не спасти на поминки,
Ты разведаль дорогу на рай
Рядом с той, что вела из глубинки.

Дух теснится, сугубится скорбь,
На широкой печальной равнине
Отгорит поздней осени корь,
А лицо словно снег на рябине.

Александр ДЕНИСЕНКО

Александр Иванович Денисенко родился 10 августа 1947 года в селе Мотково Новосибирской области в семье учителей. Работал телеоператором на Новосибирском ТВ, в газете «Вечерний Новосибирск», в изданиях при областной организации Союза журналистов. С 1989 года – редактор Сибирского отделения издательства «Детская литература», позднее – издательства «Мангазея». Поэт, прозаик, публицист. Член Союза писателей России. Наиболее крупные публикации – в журналах «Новая Россия. Воскресенье», «Литературная учёба», «Сибирские огни», «Горница», «Играй, гармонь», еженедельнике «Литературная Россия», альманахе «Мангазея». Участвовал в сборнике «Гнездо поэтов» (Новосибирск, 1989), в нескольких антологиях русской поэзии XX века (Москва, 90-е гг.). Автор изданных в Новосибирске повести «Тишина» (1990), сборника стихотворений «Аминь» (1990), книги стихотворений и прозы «Пепел» (2000). Победитель Всесоюзного поэтического «Конкурса одного стихотворения» (1991). Лауреат премий журналов «Литературная учёба» (1991), «Горница» (1995, 2001). Стихи публиковались в США.

Приезжай. Соберём мы собор.
Выше всех мы посадим разлуку,
Пусть она опускает свой взор
Перед дружбой – по левую руку.

Миновалось уж всё, государь,
Гуси серые тянутся сцепом,
Подарила нам жизнь календарь,
На котором нам сорок с прицепом.

На Покров мы цветы расплетём –
Снег пройдёт на погост по тропинке,
Всё путём, старый друг, всё путём
По дороге на рай из глубинки.

* * *

Любимый город пьян, и сыт, и пьян.
И стыд-головушка, и на голову выше
Большой буран по русским деревням,
По деревням, да мы оттуда вышли.

Но как метет, товарищ Берлиоз,
Как тяжело тому вон экипажу,
Который Пушкина коричневого вёз,
Меня – ни разу.

Прости ж меня, святая благодать,
И ты, моя шампанская поэзия, –
Готовая смеяться и страдать
Берёзовая в доску полинезия.

* * *

Эти брови платком не сотрёшь
И не смоешь водой голубою,
А полюбишь – без них пропадёшь,
А разлюбишь – так станут судьбою.

Эти губы вкуснее воды,
Две припухшие в горе облатки, –
У вдовы они как медовы,
Но горчей и родней у солдатки.

Эти синих очей купорос,
Эти волосы, полные ветра,

Этих рук потемневшая горсть,
Вечно полная тёплого света.

Свянет к осени родины лес,
Потекут наши птицы по небу,
Омывая над церковью крест,
Чтоб сиял он Борису и Глебу.

И тогда возле чёрных ворот
На разорванных крыльях шинели
В твоих глаз голубой кислород
Я спущусь, чтоб они голубели.

ТРОЕ

Полусвет-полутень на лице и вообще
Не горда, не лукава, не плачется –
В парке снег до колен, ну и пусть до колен,
И по снегу старик чей-то катится.
Самый дальний и тот занесён и болит –
Или как там у вас ещё кличется?
И кронштадтская женщина проговорит:
«Помираете, ваше величество...»
Повторяю, что в парке, озябшем до пят,
Замирает снегирь, обрывается,
Говорят, что какой-то нездешний солдат
Гладит ели и в ноги им валится.
Выхожу и люблю эту синь-высоту
И вечернюю родину дымную,
Наклоняюсь к солдату и говорю:
«Ну пойдём, я лицо тебе вымою».

* * *

Как напал на наш город весёлый отряд,
И командовал им молодой генерал.
Выстрел грянул – из пушки цветы к нам летят:
Он один к одному их в бреду собирал.

Кому алый цветок – тому сердцу покой,
А лазоревый – сердцу отрада.
Много женщин войне были рады такой,
Лишь одна прошептала: «Не надо».

Он слегка побледнел, и к прицелу прильнул,
И навёл ей на грудь незабудки.

Но она посмотрела – он сладко уснул
И проспал – то ли жизнь, то ли сутки.

Тут бы самое время гордыню смирить
Да пойти в обходные атаки...
Он приказ отдаёт: «Васильки повторить,
А потом бомбардировать маки».

Ах, цветы полевые – вьюнки, иван-чай,
Колокольчик, анютины глазки,
Отжените от женщины эту печаль
Полным выстрелом счастья и ласки.

Привлекательность губ, и бровей красота,
И тяжёлые карие очи,
Вертикально лежащая нить от креста
Обрывается... Нет больше мочи.

Генерал своё сердце кладёт на лафет.
Пушка вскрикнула. Выстрел раздался.
Говорят, что она улыбалась в ответ,
А наш город, сдаваясь, смеялся.

Та любовь была словно недолгий угар,
Когда уголь слезами погашен, –
Для себя она утром сварила отвар,
Популярный у русских монашек.

* * *

Между двух январей – грусть утраченных дней,
Пряжа русских стихов бесконечная,
Но летит сквозь снег новогодний век
И зима, и земля наша вечная.

Мне на окнах зима написала слова,
Чтобы ждал я из леса два дерева:
Одно даст кору, когда я помру,
А другому оплакивать велено.

Не за тот обелиск – будь он ясен и чист,
Что живём снова,
Сочинялись слова,
Я за ясный огонь: камбий, луб, заболонь –
Видно, близки мои деревья.

ДЕД ВАЛЕРА

Умер дед. Семья сидит у тела.
Самый старый дед в селе Мотково.
Самый-самый старый дед Валера
Будет жить на небе голубом.

Дед отцвёл. Про тонкую рябину
Замолчал его аккордеон.
Перед смертью он сходил на почту.
Пацанам раздал аккредитив.

Я-то знал, что деда умирает...
Мы соседи. Через городьбу.
Светлый стал. Глядит невыносимо.
Я сосед его. Колхозный тракторист.

Надо ж быть мальчишкой, кавалером,
Чтоб с такой улыбкой помереть.
Бабы его белым коленкором
Спеленали, будто он родился.
Мужики на белых полотенцах
Отнесли, наверно, в самый рай.

Брат мой Саша, из пединститута,
Раньше брал у дедушки фольклор,
А теперь сидит, тоскует, курит,
Повторяет: «Замять... синий цвет...»

Так мы дедушку весной и схоронили.
День был серенький, но чей-то самолёт
Пролетел над тополем, заврался...
Видно, лётчик деревенский был и вот
С нашим дедушкой на небе повстречался.

* * *

Как заплачу я в синие ленты
Перед группой русских цветов
За деревней, которой уж нету,
Лишь осталась кирпичная кровь.

Вещество моё всё помирает,
Принимая печаль этих мест,
И душа с себя тело снимает
Среди низко опущенных звезд.

Пока льётся из глаз проявитель,
Вижу, как погубили обитель:
Растерзали деревья, и доски,
И большие кукушкины слёзки.

* * *

Месяц тихое пламя зажжёт
На картине у Виктора Савина,
И душа, получивши ожог,
Поднялась над землёй и растаяла.

И заплакал тогда человек,
Беззащитный пред этим сиянием,
Он не мог опустить своих век,
Золотое приняв подавание.

И смотрел он, не веря себе,
На давно позабытое зрелище –
Вновь к нему в акварельной судьбе
Шла прекрасная глупая женщина.

Всё качалось пред ним впереди,
И опять его с ней разлучали
Монотонные дали любви,
Лесотундра стыда и печали.

Но душа, как бессмертная вещь,
Вновь разрезала грудь господину,
И сияли остатки надежд,
Примирившие гнев и гордыню.

И на тихий предел мироздания
Лейтенант нерастраченных сил
Нам прикажет идти на свиданье,
Лишь бы месяц светил и светил.

* * *

Белым-бело сегодня в НСО,
Снег подвенечный падает, кочует,
И тут же рядом лошади ночуют,
Пока ещё совсем не рассвело.
Вся эта жизнь зовётся «боже мой»,
И не хочу я больше быть красивым,
Я только буду вас любить, пока живой,
Со всею силой.

По леву руку – левый, нежный снег,
По праву – тёмно-синий, деревенский,
Посередине – торопливый тусклый след,
Ревнивый, задыхающийся, женский.
То сладкая, то горькая любовь,
То глупая, то со звездой, с губами –
С красивыми старинными словами –
То сладкая, то горькая любовь.

ПЕСНЯ ДЛЯ КИНОФИЛЬМА

Грустит собака. Грустные глаза.
Зелёные глаза. Над огородами
Подсолнухи потухшие. Роса.
Картошку уже выкопали. Продали.

Подруги за плетнями: «у» да «у»,
Да лодочница с горькими глазами
Мне встретится на быстром берегу
С большими довоенными слезами.

Грустит собака. Оные глаза
Набухли, растопырились, рехнулись.
Когда с войны вернулся я назад,
Собаки меж собой переглянулись.

* * *

Листья красные жгут мои руки,
Ветер слёзы мне серые рвёт,
В платьях шёлковых старые суки
Теребят мой измученный рот.

Я всегда был в любви неведимым,
Да, видать, меня Бог наказал –
Вечно плыть в твои нежные с дымом
Голубые гнилые глаза.

Закури и умойся, княжна.
Слышишь, гуси картавят что-то,
И об небо, как об наждак,
Заостряются самолёты.

* * *

Как много канувших с вопросом на лице
Перед высокой вечностью ночью –
Мы все стоим в одном полукольце
Наедине с горящею свечою.

Пусть зыблется тяжёлая вода
И соль течёт по нашим русским скулам.
Кто на земле от счастья не страдал
Перед своим последним перекурим?..

Перед врагом смирение – смертный грех,
Но перед Богом ропот – грех сугубый.
Но эта истина пригодна лишь для тех,
Кто не ласкал предательские губы.

Сей тяжкий грех – лобзание врага,
Что делает из нас нечеловека, –
Пусть с него возьмёт втридорога
Такой, как он, но только не калека.

Кто греется на солнечном луче,
Кто чист перед никольскими морозами,
Тот должен жить прочней и горячей
И целоваться с белыми берёзами.

Сестра надежды – светлая любовь,
Единая в своём произволении,
Возьми мою печаль и обескровь,
А кровь пожертвуй на стихотворение.

* * *

Господи, да отчего же грустно-то так?
Вот осока, вот гречиха, вот вам лебеди,
Чьё-то платье на рябиновых кустах,
По которому рябины те и бредили.
Вы простите. Вы здесь не были,
Не знаете.
Я прошу вас. Всё. Простил. Крещу рукой.
Вот опять вы платье красное срезаете.
Вот опять берёте лебедя рукой.
В горбольнице на сестре под халатом
То же платье, только выцвел узор.
Видно, я не ту рябину сосватал –
Перед этой опускаю взор.

* * *

Полночный эльф летит над Сибревкомом,
Чуть шевеля злачёные крыла,
С каким-то чувством, раньше не знакомым,
Он озирает милые края.

Взращённый в забугринской эльфинаде,
Обласканный обскою широтой,
Как часто он топил печаль в отраде,
Найдя глазами купол золотой.

Безмерность бытия в разрозненном
пространстве,
Немилосердный гнёт прогнувшихся небес
В том месте, где цветёт в высоком постоянстве
Единственный на всю округу крест.

Но в лунном свете – косвенном и блеклом –
Его манил, затягивая вниз,
Сияющего красного проспекта
Большой лентопротяжный механизм.

И воздух перед эльфом расступился,
Но ликовала маленькая грудь –
Что если он сегодня и разбился,
Но до Оби сумел он дотянуть?

* * *

Голову на плаху, сердце на алтарь –
Со всего размаху, как когда-то встарь.

Верная, красивая, сильная любовь,
На алтарь, на плаху меня приуготовь.

Скоро снег распустится на тысячу вод –
Помолиться в церковь мой палач пойдёт.

В подзакатный вечер в день успенья зимы
Будет чист и светел образ русской земли.

Прорубь потемнеет от вешней воды,
Только в одну сторону ведут к ней следы.

Ольга КИЕВСКАЯ

Ольга Николаевна Киевская родилась в 1957 году в г. Новосибирске.

Член Союза писателей РФ, член Союза журналистов РФ, руководитель литературного объединения КПК «Этнос» г. Новосибирска.

Автор семи сборников стихов: «Мои неистовые птицы» (2005), «Два ангела» (2006), «Мышиный бархат верб» (2008), и др.

Печаталась в литературных журналах «Новосибирск», «Синильга», в городских и областных альманахах, в печатных изданиях Москвы, Санкт-Петербурга, Братска, Рязани и др.

Ольга Киевская – лауреат премии мэрии города Новосибирска в области литературы имени Н. Г. Гарина-Михайловского (2017).

СФИНКС ШЕМЯКИНА

А мы такого сфинкса не видали
До мастера, который смог посметь
Скульптуру поделить по вертикали
На две простые суги – жизнь и смерть.

Нам нежный профиль девы волоокой
Рассматривать неловко. Нелегко
Знать, что в груди по-девичьи высокой
Скисает, бронзовея, молоко.

О, сколько их, забитых палачами,
В подземном царстве спит под грифом «икс»...
Недаром чёрно-белыми ночами
Зловеще оживает русский сфинкс.

Под львиной кожей мается в неволе.
Решётка рёбер – вечные тиски.
На мрачную тюрьму – на сгусток боли –
Он воет от бессилья и тоски.

И вот уже по воле драматурга
Орда мурашек двинулась в дозор –
Шемякинское чудо Петербурга
Пот вышибает из дублёных пор...

Срослись навечно сфинкса половины,
Являя нам иное божество.
Но если жизнь заснула сном невинным,
То смерть не дремлет в облике его.

Не всё ль равно нам, кто в законах общих
Задул для жертв сияние светил?
И кто сошёл за душами усопших –
Святой Анубис или Гавриил?

Густеет синева ночного крепа,
Стекаая со вселенской высоты.
Сестра-близнец царя Аменхотепа
Глядит пустой глазницей на «Кресты».

ЗИМА В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ

Пришла зима. Зима – аристократка.
Самодержавья дерзкого полна.
Пришла тишком. И объявила кратко:
«Внимание! Холодная война!»
Потом стреляла градом, как из пушки,
Патронов отливая леденцы,
Бомбила снегом ветхие избушки,
Дворы Санкт-Петербурга и дворцы.
Быть может, в том природа виновата,
Что дорог ей воинственный кумир?
Но... войны все кончаются когда-то,
И наступает долгожданный мир.
Как вьюги ни трубят, ни завывают,
Холодная война – не навсегда,
Ведь под прицелом солнечным растают
Монархия и диктатура льда.
Март-анархист ворвётся в наши души.
О, это счастье – высмотреть скворца
И знать: одно весна да не разрушит –
Великолепье Зимнего дворца.

НА КРАЮ

А птичья Смерть не выглядит старушкой.
О, нет! Она иная – от и до.
Она очаровательной кукушкой
Садится в подходящее гнездо.

Яйцо подкинет – и родится тельце
С широкою и наглою спиной.
Оно столкнёт законного владельца
В холодный сумрак, в омут ледяной.

И выпавший птенец, лишённый крова,
Погибнет. И окажется ль в раю?
Не дай нам Бог наследия такого:
Свою страну увидеть – на краю.

Она ещё незрячая спросонок.
Уютно ложе. И вкусна еда...
Но рядом с нею зреет кукушонок,
Чтоб выбросить Россию из гнезда.

* * *

Не найти в душе ответа:
Как рождаются слова?
Отчего душа поэта
То – невеста, то – вдова?

Непроста его личина,
Не рассмотришь с кондачка.
В нём – тайфуна чертовщина
И божественность сверчка.

Мир он чувствует иначе,
И шесток его – с версту,
Строгим рядом Фибоначчи
Выверяет красоту.

Жизнь влюблённостью согрета
И предательством нова.
Оттого душа поэта
То – невеста, то – вдова.

ЛГБТ

Что творится нынче в мире?
Извращён и цвет, и вкус.
Не на три, а на четыре
Буквы – взят неправый курс.

В ком ни племени, ни роду,
Подбивает, как и встарь,
Зло кастрировать природу,
Абортируя мораль.

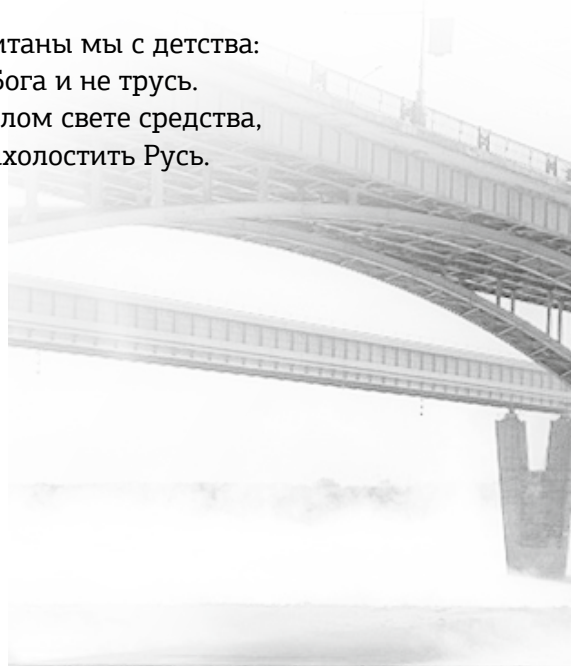
Эту биовариантность
Не приемлет мой народ,
Так как наша толерантность
К их агрессии ведёт.

Вот и, нагло расфуфырясь,
Демонстрируя недуг,
Радужный шагает вирус,
Отравляя всё вокруг.

Чтоб избавиться учтиво
От теорий, что нам по...
От тлетворного массива
Вредоносного ПО,

Наш народ опротестует
Гей-парадов варьете.
Нашу Русь не четвертует
Лезвие ЛГБТ.

Так воспитаны мы с детства:
Веруй в Бога и не трусь.
Нет на белом свете средства,
Чтобы выхолостить Русь.

ТС-С...

Мы о Вселенной всё когда-то точно знали
В утробе матерей и в качестве плода.
Из ниоткуда мы – в земной вертеп попали,
Чтоб, исчерпав свой срок, исчезнуть –
в никуда.

Рождаясь, с болью рвём тугую пуповину,
И воздух – злой тиран – нам разрывает грудь,
Мы все не вечны, и, предчувствуя кончину,
Приходим с плачем в мир,
скрывая знания суть.

На смертном же одре к лазоревой эмали
Поднимем мутный взгляд, раскаянья полны.
Дадут нам прочесть небесные скрижали –
Но мы пред вечным сном молчать обречены.

Услышим стройный хор и мироздания лиру,
Природы высший смысл постигнем ты и я
И страстно захотим о том поведать миру,
С восторгом осознав все тайны бытия.

Как будем мы горды внезапным озареньем,
Не в силах ни вздохнуть, ни пальцем
шевелинуть,
Поскольку в судный час с холодным
отрешеньем
Небесный почтальон наступит нам на грудь.

Я знаю, много нас, собрав остатки духа,
Смогли бы рассказать про дивные миры,
Но успевает Смерть – проворная старуха –
Калёным сургучом нам запечатать рты.

СНЕЖНАЯ КНИГА

Как открыла зима белоснежную книгу
Да прилежно подула на глянец страниц –
Миллионы снежинок в оттенках индиго
Заплясали над Обью, не зная границ.

Не желаю метафор иных, не приемлю.
То – не снег и не мёрзлой воды кружева.
Это белые буквы слетают на землю
И сплетаются чудом в густые слова.

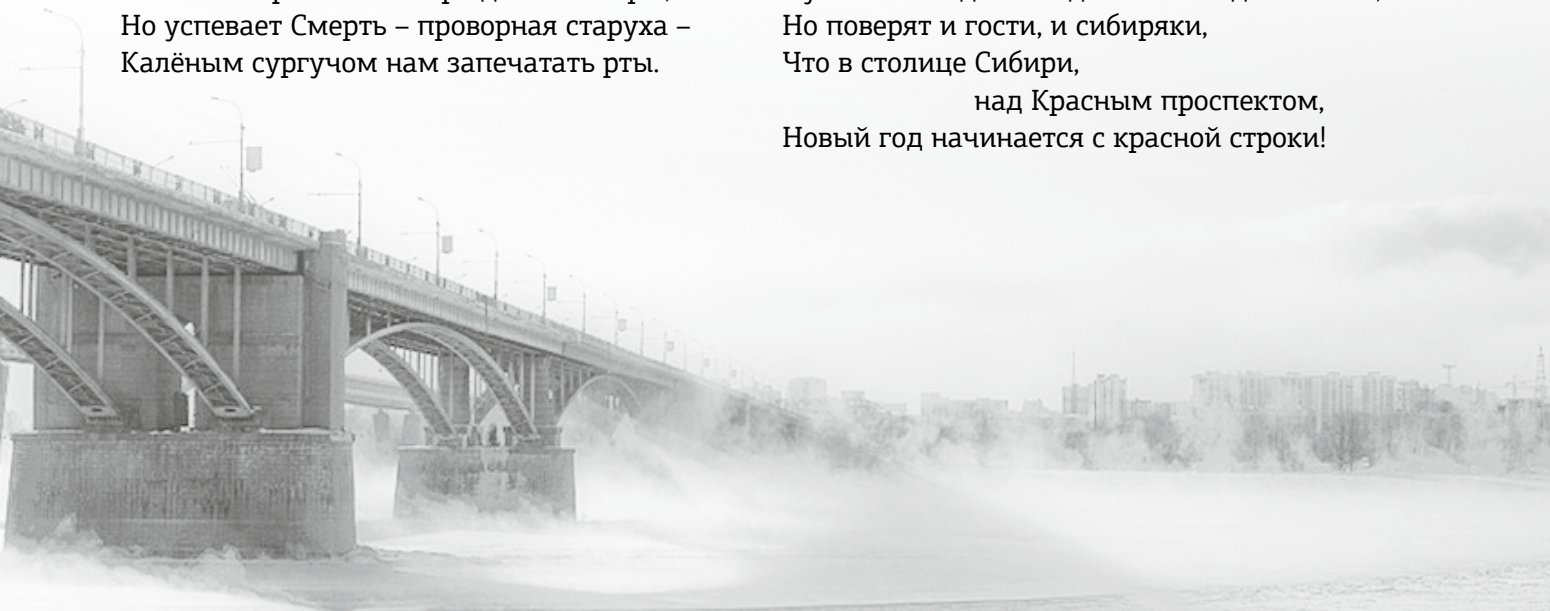
Пусть от стужи слегка онемели фонемы,
Но на крышах домов, на святых куполах
Есть наброски её новогодней поэмы,
Есть её nota bene на голых полях.

Не морозная пыль серебрит под ногами.
Алфавит православный упал в декабре
На Октябрьский мост меж двумя берегами,
Что буквально пролёг пунктуальным тире.

Эти ломкие буквы и хрупкие знаки,
Что летят хаотично на каменный плац,
Я ловлю на лету и в предутреннем мраке
Собираю построчно в парадный абзац.

До чего хороша эта белая стая!
Под сугробами букв посветлели дома.
Свой автограф размашистый нам оставляя,
Белоснежным пером расписалась зима.

Пусть не каждый владеет стихов диалектом,
Но поверят и гости, и сибиряки,
Что в столице Сибири,
над Красным проспектом,
Новый год начинается с красной строки!

Художник
Леонид Баранов

ГОЛОСА НАД ДЕРЕВНЕЙ

Медленно-медленно вращаю калейдоскоп памяти, боясь что-то сбить и пропустить, чтобы не осыпались, как разноцветные стёклышки, отдельные детали. И не всегда это получается. Вглядываюсь до сердечной боли в волшебный и такой милый для меня мозаичный узор прошлого. Он так ярок и в то же время так призрачно зыбок, с кое-где уже тусклыми и размытыми событиями... Вспоминая, отчетливо и резко вижу наших деревенских стариков. Не всех, конечно, но многих. И первым почему-то передо мной предстаёт дед Паша Гриненко – добродушный украинец, мастак на едкое смешное слово, поэтому начальство старается обходить его стороной. Опасно. Такое

может привесить словечко – полгода будут посмеиваться потом в деревне, если не всю жизнь. Как-то приехавшие весной на заработки молдаване станут рассказывать нашим начальникам об обилии яблок в их молдавском раю. И свиней ими кормят, и чуть ли не в удобрения кладут... Для сухофруктов режут их, режут, и они ворохами на брезенте лежат почти до неба, а куда столько... Дед Гриненко, который оказывается почему-то здесь же (сам-то он выходец из Украины и знает, что в Молдавии именно так с яблоками), не преминет грустно сказать: «На брээнте? Ворохами? А у нас бы оци яблука вместе с брээнтом сжувалы...» Его, шикая, отводит в сторону начальник. «Ну что

это ты, дядя Паша, как всегда, ляпаешь... Что мы, из голодного края, что ли?» А он: «А где ж воны, какие-нибудь наши вороха? И чего ж они из рая-то своего за деньгой к нам кинулись? Як весна – словно саранча воронья – кар, кар! – и все до нас. Шо, грошами запахло?» И продолжает ворчать в сторону этих самых молдаван: «До зимы вот почекайте, а там и у нас будут вороха... Тильки снега... Вот бы вам его разжуваты. Да куда там! К осени разлетитесь!»

А это дед Макар Куцевалов. Он, прихрамывая, выходит спиной вперёд из своей ограды, а за ним тянется длинная верёвка, ещё не совсем готовая. Сегодня будет одна, завтра другая, потом третья. Он их сучит и выёт из пеньки для совхоза. Вот так, пятясь, он дойдёт до самой школы, где мы учимся в начальных классах. И обязательно подгадает, чтобы оказаться там со своей «крутилкой» во время большой перемены. Подбежишь нетерпеливо: «Деда, дай покрутить!» Да где там! Охотников такая орда, что и до вечера не достоинься... А он стоит улыбается на наш щебечущий гомон...

Нам, пацанам, эти старики казались строгими, загадочными. Могучей силы и стати. Как дед Перфилий Охохонин, дальняя наша родня, с его диковинным для степных сибирских мест садом. По осени он всех ребятишек, проходящих мимо, наделяет крупными ранетками. Здоровый, крепкий, уж действительно налитой так налитой, с постоянным пунцовым румянцем на широких упрямых скулах. Ходили слухи, что дед Охохонин раскулачен и сослан в наши места с Урала. Особым уважением земляков он наделён за искусность, какой обладал по молодости в кузнечном деле. А ещё за отменную самогонку и за особую прочность кирпично-красного от хлёсткого берёзового веника тела. Оно, это мощное тело, чем-то сродни было телу пана на известной врубелевской картине и держало такой жгучий пар в общей совхозной бане, что мужики и не совались в это время в парилку, куда он поднимался на добрый час, а то и на больше...

И дед Валя Рысьев с одной ногой... Забегу к нему однажды, чтобы взять обувную «лапу» для ремонта сапог, а сам смотрю, смотрю на

него во все глаза. Ещё бы! Пацаны говорят, что он в чапаевской дивизии служил, и там ему ногу как раз и отсекали. Кто верит в это, кто не верит. Он поднимется с крыльца, проскачет в дом на одной ноге, а оттуда выйдет на костылях с сапожною «лапой» в руках. Завеселится:

– Во, видал, Витька, фокус? Ускакал на одной ноге, а прискакал на трёх, да ещё четвёртая в руках.

Потом он подарит мне эту «лапу», и она долго будет лежать у отца в гараже... Почти вечная и несносимая «нога» из дерева и металла. Такое вот несправедливое коловращение жизни и предметов. Люди уходят, а вещи после них живут и живут...

...И дед Никанор Романов со своим неповторимым хрипловатым голосом и постоянными шутками в адрес пацанят... И дед Яша Кухтин, стороживший зерноток и запомнившийся пахучей самокруткой, одностволкой и длинной рыжей шубой среди лета. Они в чём-то по характерам даже похожи друг на друга. Недаром, когда рассказывают одну из деревенских баек, сбиваются неуверенно: «То ли дед Кухтин тогда там был, то ли дед Романов...» И после паузы, чтобы окончательно, наверно, запутать, добавят: «А может, и вообще кто другой...» Я так и думаю, что кто-то другой, уж очень часто эту байку примеривали то к одному, то к другому старику. Так и расскажу.

В общем, или дед Романов, или Кухтин, или совсем другой дед в огород выйдет и станет водопровод чинить. И так заковыристо там что-то сломается, что надо лёжа делать. Лёг. Смотрит, от плетня пацан к их грядке с огурцами ползёт. Ну и дед туда же ползком наладится. Около грядки почти головами столкнутся. Дед так специально рассчитает. У него в это время глаза весёлые, хохочущие, а у пацана, соседского Вовки, ополоумевшие. Он от неожиданности оцепенеет – ни вскочить, ни убежать от страха. А дед ему шепчет:

– С этой стороны огурцы у нас, Вовка, лучше. – И показывает где. – Ты рви этот, а я тот...

Сорвали.

– Жуй, – говорит дед.

– Не хочу, – пищит пацан.

– Жуй, – настаивает дед, – что мы, даром, что ли, с тобой ползли? Или тебе ещё и хлеба с солью принести?

Жуёт Вовка, слёзы такие катятся, что и солить огурец не надо.

– У тебя горький? – спрашивает дед.

– Ага, – отвечает пацан.

– А у меня сладкий... Давай махнёмся...

Меняются. Хрустят дальше. И тут бабка в огород заходит, всплёскивает руками и кричит так, что в соседней роще её голос отдаётся:

– Да разопаснить вас! Ведь только-только огурцы пошли! Зелепуты ещё! А я думаю, кто мне плети шевелит, переворачивает? А это он – ирод старый! Да ещё и ребятню приваживает...

Бабка ищет подходящую хворостину, а дед с пацаном, треща рассыпающимся плетнём, с огрызками молодых огурцов в руках бегут спастись в рощу, что за огородом...

Дядю Гришу Сёмина забыть тоже невозможно. Он конюх. А может, и волшебник, кто его знает. Скорее и то и другое. Посмотрите, как он идёт к конюшне. До неё ещё метров пятьдесят, а в загородке уже начинается цыганский перепляс. Это кони ему радуются! Ржут, фыркают, стучат копытами, подпрыгивают вверх.

Бывает, он в поле выйдет, а там, меж берёзовыми околками, табунок пасётся с жеребятами. Дядя Гриша сложит по-особенному трубочкой губы и нежнейшим посвистом-ржанием позовёт их. Как же разлетятся они к нему! Подбегают, головы на плечи кладут, толкаются, трутся и как будто что-то, торопясь, перебивая друг друга, говорят, говорят... И тут же их мамки, прибежав, благодарно оглаживают дядю Гришу азиатскими степными глазами. И такая в них любовь, такое доверчивое признание! Попробуй кто-нибудь другой подойди близко к жеребяткам – забьют насмерть. А дядя Гриша, когда они вокруг него соберутся, ещё раз тоненько и заманчиво посвистит. И начнёт конячья пацанва скакать, поддёргивая кудрявыми детскими хвостами, бегать туда-сюда, внезапно и резко останавливаясь перед ним, будто спрашивая: «Правильно? Так? Хорошо?»

– Так, так! Молодцы! Хорошо! – отвечает он.

– Дядя Гриша, ты, что ли, разговариваешь с ними? – спрошу как-нибудь у него, полдня толчась у конюшни. – Они, что ли, тебя понимают?

– Чего тут понимать? – смеётся он. – Ведь всё ясно...

Вот попробуй забудь теперь эту предзакатную степь в лёгком вечернем туманце. И дядю Гришу, идущего с уздечкой к табуну, который пасётся под ближней гривой. И несущихся ему навстречу весёлых жеребят... Ни за что не забуду...

...А дед Коля Алексеев, печник? Когда он уйдёт, хозяйки все сокрушаться будут: «Вот кто теперь печь сложит или починит? Мне-то какую сделал матушку-голубушку! Десять лет уж печёт.

Виктор САЙДАКОВ

Виктор Иванович Сайдаков родился 2 июля 1951 года в пос. Сибирском Купинского района Новосибирской области. Учился в Сибирской средней школе. Окончил Новосибирский государственный педагогический институт и Новосибирское высшее военное политическое общевоинское училище. Работал учителем и завучем в Сибирской средней школе. Служил в окружной военной газете «Советский воин», в военных журналах: «Советский воин», «Ориентир». 20 лет вёл авторские программы на радио «Слово» (г. Новосибирск): «Честь имею», «Золотая полка русских писателей», «Слово о малой родине», «Рассказы о живой истории Сибири», «Память о войне», «Сибирь-матушка» и др. Пишет стихи и рассказы. Стихи публиковались в журналах «Воин России», «Честь имею», «Дальний Восток», «Сибирская горница». Рассказы – в газетах. Полковник запаса. Член Союза журналистов России. Живёт в Новосибирске.

Да так печёт – сердце радуется... А греет как она нас всех... Аньке вон слепил какой-то купинский... Дымит – не растопишь, а хлеб – когда сырой вытащит, когда вообще сгорит. Чего вот надо этой печке? А ясно чего – руки у мастера были кривые... Эх, дядя Коля, дядя Коля, куда ушёл, зачем? Кто тебя просил нас бросать?»

Припомню и дядю Филиппа Ермошина с двумя самокрутками во рту от постоянной забывчивости, и деда Варфоломея Волошина с пышной седой бородой. Сидит в очках с газетами на завалинке перед домом. Читает и читает. И курит самодельные махорочные папироски. А вечернее стадо давным-давно прошло... Ему велено было скотину встречать, а она мимо в рощу проскочила... И так каждый день.

...И деда Данилу Яковлева, переехавшего из Харбина («Все наши подались в Австралию, а мы чего-то сюда... так русские же, домой всё время хотелось»). И... споткнувшись, потому что дальше забуду... А ведь сколько их было ещё. Иногда имя вспомню, а фамилию – ну никак. Или наоборот. И устыжаюсь от этого, сделал себе напоминание-зарубку – приехать в деревню, пройти в Родительский день по нашему кладбищенскому околку и поклониться им. Да не всем и поклониться. Кто в этом околке остался, а кто и уехал...

А время сыплет и сыплет – то снежком, то листьями, то дождями. Из года в год... Из десятилетия в десятилетие... Вон сколько уже насыпало. Когда-то крепкие и неносимые мужики превратились тоже в стариков и то один, то другой, устав от жизни, как от военного многотрудного похода, сворачивают на Небесную дорогу, к своим отцам и дедам, кои давно уже там... Кладбищенская деревня теперь уже намного больше живой. А так хочется вспомнить всех. Но тогда в мой рассказ весь посёлок перекочится... Постепенно, когда-нибудь, дай бог, это и произойдёт. Только в другом месте, в других «горестных заметках»... Там появятся, наверно, и мои деды: дед Василий, расстрелянный где-то между Барабинском и Каинском в марте 1938 года, и дед Степан, трижды тяжело раненный, заканчивавший войну в похоронной команде

и умерший дома от свирепых фронтовых болей...

Болит душа, когда стою в нашем кладбищенском околке... Болит о рано ушедших... А родная деревня всё сжимается и сжимается... Было десять улиц, потом семь, теперь неполных пять. И снова то снег летит, то листья, то дождь шумит... Шум времени.

*Целую ночь напролёт
Он голоса приносит,
Здесь ушло в облака
Столько людских поколений.
Дождь над старой деревней.*

Надо же, японский поэт Сётэцу так написал про мою деревню ещё в XV веке. Откуда узнал?

Но не мог он знать о самом главном. О живительном и всепрощающем свете, который так щедро оставляют после себя, уходя, русские люди на русской земле, для коих доброта и милосердность – это и есть сама русская жизнь. Но всегда ли? Об этом я тоже расскажу...

Виктор САЙДАКОВ

Художник Леонид Баранов

Виктор САЙДАКОВ

* * *

Зима отыграет последнюю вьюгу,
И сразу поверишь, что скоро весна,
И в солнечном свете, танцуя по кругу,
Запахнет на даче смолою сосна.
И ветер начнёт приносить из пространства
Грачей, трясогузок и длинных стрекоз,
И ты, окунувшись в зелёное царство,
На время забудешь холодный наркоз.
И сердце, очнувшись от тягостной стужи,
Потянется жадно к полям и лесам,
И снова тебя ослепят и закружат
Божественный мир и его чудеса.
Ты будешь опять открывать эти книги,
Где листья узорные, волглый туман,
Где в рощах кукушки разводят интриги,
А иволги плачут и сходят с ума.
Тебя повлечёт восходящая сила
Туда, где степной и полевой простор
Колышется в воздухе древнем и синем
Среди кулундинских солёных озёр.
И ты, растворившись в весенней купели,
Отринешь невзгоды и зимнюю боль,
И будут всё выше вздыматься качели:
Скворцы, новолуние, звёзды, любовь...

* * *

Грише

Над деревней гром грохочет,
Ливень падает на дом,
Внук мой бегают, хохочет,
Топчет лужи босиком.
На траве белёсым валом
Влага пенится, кипит,
Правит дождик летним балом,
И никто не запретит.
Сам Илья вверху смеётся,
Как ребёнок, ливню рад,
С неба рушится и льётся
Настоящий водопад.
То затихнет, то припустит,

Не визжи, кого настиг!
Сразу вспомнишь о капусте,
Что ей надо подрасти.
Точно стенка слюдная
Из блестящих веретён,
Крутит, вертит, изгибая,
Горизонт со всех сторон.
Дождик вдруг замрёт, иссякнет,
Будто выключат его,
Только реденькие капли
Будут звякать о ведро.
Эти зыбкие минуты
Первородной тишины
Так тревожны почему-то,
Так душе твоей нужны.
Туча медленно отчалит,
Уплывёт за крайний дом,
И оттуда на прощанье
Проворчит последний гром.

СНЫ ДОМА

Мама с водою идёт от колодца,
Зимнее солнце на пряслах висит,
Мальчик с собакой играет, смеётся,
Радио что-то у клуба басит.
Ночь опускается сверху на крыши,
Тише и глуше в селе голоса,
Где-то скрипят запоздалые лыжи,
Небо развёртывает чудеса.
В доме родимом смежаются ставни,
Дрёма истомная бродит кругом,
Месяц звезду караульную ставит...
Спит, затихает родительский дом.
Снится ему, как здесь всё начиналось,
Как новоселье справляли под снег,
Как молодая хозяйка смеялась,
Плакал хозяин от счастья во сне.
Как от войны отмякали их лица,
В доме уют, тишина, хорошо,
Дети затопали по половицам,
Крик удивлённый: «Смотрите, пошёл!»
Свадьбы и проводы, светлые встречи...
Кладбище в роще, у края села.
Плакали воском тончайшие свечи,
Были завешены все зеркала...
Дом, домовина – старинные крепи,

Здесь умирали, рождались, росли,
С домом срастаясь на вечные веки,
Русские люди из русской земли...
Пусто теперь. Никого. Только ветер.
Старый скворечник надрывно скрипит,
Словно протезом, последний на свете,
Брошенный в этом селе инвалид.
Господи, на небеса уповаю,
Робко прося у домашних икон,
Глядя святому в глаза Николаю,
Пусть же приснится и сбудется сон:
Синие ставни, и внук мой смеётся,
Выскочив утром босым на крыльцо,
Дочь, улыбаясь, идёт от колодца,
Мамино светится в окнах лицо.

В ДЕТСТВЕ

Июльский ветер отдувает штору,
Цветёт шиповник нежно и свежо,
Илья-пророк катает бочки в гору,
Отец под яром завершил стожок.
А гром ворчит то далеко, то близко,
Макушка лета – сенокосный рай,
Мы землянике кланяемся низко
И жжём костёр у леса до утра.
И с лёгким дымом отлетает детство,
А нас несёт восторженной волной,
О Господи, как бьётся моё сердце,
И как не хочется домой...
И разговоры, споры, ликованье,
Как будем жить в волшебных городах,
Подумаешь, с деревней расставанье,
Где ползимы в сарае да в пимах!
Позднее память и меня догонит,
Я тоже бегал ночью на вокзал
И, земляков завидев у вагонов,
Был счастлив, словно дома побывал.
Но всё потом, теперь зарницы, звёзды,
Цикады воздух звоном шевелят,
И перепёлки сетуют, что поздно,
Что спать пора – нам хором говорят.
И вот рассвет, бежим через околок,
А солнце разгорается, смотри!
Трава, роса, дорога за посёлок
И повороты. Сразу три.

* * *

Да, азиаты мы...

А. Блок. «Скифы»

Мне пригород милее, чем Москва,
Здесь лица подороже и построже,
А полудеревенские слова
Мне душу так болезненно тревожат.
В них слышится таинственный напев,
В них чудятся древнейшие глаголы,
И ратники на выжженной тропе,
И жёлтые раскосые монголы.
И смертный крик, и родина в крови,
И страшный, унижительный полон,
И над Коломной связкой журавли,
И дым со всех сторон.
Я представляю, как из рода в род
В Рязани, и в Торжке, и в Устье
Скуластый множился народ,
Себя считая только русским.
Монголы нам близки по ковылям,
И по кострам, и по степным зарницам,
По бешеным, выносливым коням,
Я в каждом русском вижу ваши лица.
В названиях рек, посёлков и озёр
Гортанные, но чуждые всем звуки,
О, как хитёр был изощрённый вор,
Сменив нам кровь, и волосы, и руки.
Мы подневольная, но всё-таки родня,
Читаемая по разрезу глаз,
Но русич гордый смотрит из меня,
И нам яса Чингиза – не указ.
Ты всё, страна моя, перемогла,
Была и сильной, и босой, и голой.
И всё-таки какой бы ты была,
Когда б на Русь не двинулись монголы?

* * *

Ну а что там у нас за окном?
Подойду, посмотрю и увижу,
Что белёшенько стало кругом,
Это снег поселился на крышах.
Это значит, что снова зима,
А когда подошла – не заметил,
И качает и кружит дома
Расходившийся к вечеру ветер.
Где я был и куда я глядел,
Почему ничего я не видел?
Кто меня уводил за предел –
Достоевский, Булгаков, Овидий?
Ну а выше подумать, наверно, нельзя,
Он не может пытать так жестоко,
Почему же во сне мне глазами грозят
И буравят мозги, словно током.
Что же здесь? Всё зима да метель?
Но и там непохоже на лето.
Это сон или явь? И где сам я теперь?
– Говорите! – Не слышу ответа...

ТРИ МАРТА

* * *

Про март уже не написать,
Про март написано так много,
Одна Юонова весна
С его растаявшей дорогой,
Стихов на целую тетрадь.
Про март уже не написать,
Когда Саврасова грачи
На церковь навалились звуком,
И плачут птицы-первачи
Над русским лугом.
Ему же таять, раскисать.
Про март уже не написать,
Когда Грабарь, расплавив краски,
Среди прозрачайших теней
Устроил трепетные пляски
Деревьев, снега и людей.
Им жить теперь или плясать?
Про март уже не написать.
Но что же делать, если месяц

Своей тончайшею иглой
Мне каждый вечер в сердце метит
И плачет в полночь домовой?
Кому об этом рассказать
И как про март мне написать?

* * *

*Я жизнь, как мулла свой Ко-
ран, замусолил...*
О. Мандельштам

Как марты эти гибельны и сини,
Листаю годы, а везде одно:
Исход зимы, истаявшие силы
Да стук звезды в закрытое окно.
К балконной раме вскинусь, припадая,
Постылый город в синем мираже
Спасти не сможет даже молодая
Луна, зависшая над крышей в вираже.
Куда же делся этот звонкий, гулкий
Хруст-звень-ледок по мартовским ночам,
Звучащий в каждом нашем переулке,
Где было столько призрачных начал?
Я пропадаю, к рамам припадая,
И жизнь свою не ставлю ни во что,
Мне снова снится мама молодая
И мой отец в заношенном пальто.
Я жизнь свою, как малую пылинку,
Затёр в руках – не стало ничего,
Я растворюсь в коричневом суглинке,
Никто не вспомнит взгляда моего,
Я так смотрел...

* * *

Братьям

В марте месяц совсем как иголка,
Истончился почти что на нет,
Стала жизнь неуютна и колка
На исходе истраченных лет.
Эти синие в небе лагуны,
И дороги среди облаков,
И степные тревожные луны –

Как они теперь далеко.
Там ночами вздыхали просторы,
Оседали снега средь полей,
И призывно звучали валторны
К дому рвущихся лебедей.
Я вернусь в эти дали и сини,
Стану к озеру с мокрым лицом.
Здесь, под яром, мы сено косили
С молодым и весёлым отцом.
Мы смеялись, кричали, шутили,
Поднимали всё выше скирду,
В небе ястребы древние плыли
Через древнюю Кулунду.
Детский сон под берёзовым яром
Безмятежен и нежен как шёлк,
Это место отец наш недаром
Для работы и сердца нашёл.
Нас потом разметало по свету,
Братья, где вы? Смогли ли забыть?
Вот мы спим среди сладкого лета,
И нас мама не хочет будить.

* * *

Поедем за город! Там выросла трава,
Там жаворонки нам напомнят детство,
Там можно и разуться, и раздеться,
И не нужны расхожие слова.
Там странно плачут птицы по лесам,
Роняя синие не слёзы даже, слёзки,
Там нет дорог, одни лишь перекрёстки,
И в центре каждого стоит воздушный храм.
Там солнце – в небе, люди – на земле,
Природа там – в неспешливой работе,
Там дрогнет сердце на печальной ноте,
Когда ударит колокол в селе.
Поедем за город, там Родина жива,
Не врут ручьи и не обманут птицы,
Там можно умереть и вновь родиться
В краю, где снова выросла трава.

ЕСЛИ БЫ...

Мне не нужна такая Украина
И штат американский Вашингтон,
Жила бы только русская равнина
Да в доме было меньше похорон.
Чтоб мама, вёдрами легонечко качая,
Шла от колодца к милому крыльцу,
И чтобы я, деревню привечая,
Возил надежды своему отцу,
Что всё спокойно, внуки все при деле,
Не будет голода, тем более войны,
А после бани мы б под вербу сели,
И выпили, и пели до луны.
И в песне, где про танки и парады,
Слова б особо выделил отец,
Что нам чужой земли не надо,
И прослезился б старенький боец...
И все в ладу под светом лунным, томным,
Где речь родная, папиросный дым,
Но перед сном отец бы нам напомнил:
«Но и своей вершка не отдадим?»
Степная родина, зарницы, звёзды – лето.
Траву сгибают, тяжелея, росы,
А мы не спим до самого рассвета,
И в голове отцовские вопросы.

Влад КРАСНОЯРСКИЙ

Владимир Кузнецов (Влад Красноярский), член Московской городской организации Союза писателей России, автор 12 книг, председатель Международного поэтического конкурса Петровской академии наук и искусств «Россия, перед именем твоим...», председатель жюри Московского международного форума «Одарённые дети» в номинациях «Литературный салон» и «Союз юных журналистов», член Русского географического общества.

Белая Россия

ПОЭТИЧЕСКИЙ ОЧЕРК

Часть 1 У ЗЕМНОЙ ОСИ

Дальняя сторонка –
Близкая страна.
Небо сине-звонко,
Поле с полотна.

Далью конюшинной*
Розовится лес,
Песней журавлиной –
Музыка небес.

Солнечная спица
В чистоте озёр.
Рожью колосится
Спеющий простор.

Будто у колодца –
У земной оси
Сердце моё бьётся
Между двух России:

Меж Россией Белой
И большой Москвой.
Я здесь не по делу –
Просто в доску свой.

По душе мне этот
Доброликий край.
Посредине света
Синерекий рай,

Где вода святая
Девственно журчит,
Старина простая,
Первозданный вид –

Это первородье,
Новизны исток.
Стелется в угодыя
Православный слог.

В слове – первозданность,
Сути глубина,
А в избе – духмянность
Спелого зерна.

* Конюшинный (с белорусского) – «клеверный».

На пространстве чистом –
От него и пьян –
Здесь узнал лучистых,
Лучших из славян.

Часть 2

«ЧАБАРОК»

В Павлинове дождливая погода.
На пляже фонари, гуляют сосны.
Их не берут ни ветры и ни годы,
Они всегда как девственные вёсны,

На их макушках распевают птицы,
Они – про то, как весело живётся.
И к небу – в долгом ожиданье лица.
И вот награда – праздничное солнце.

Когда-то было детище «Атланта»,
Здесь «Чабарок» – уютный полуостров,
Пример архитектурного таланта,
В том смысле, что как есть – предельно
просто.

И чайки разгулялись на просторе
В оазисе свободы и покоя,
В календулах оранжевого моря,
Как будто кистью тут прошёлся Гойя.

Приняв стакан воздушного коктейля,
Светило развалилось на газоне.
...Я понял средь уснувшего отеля,
Что отдых в «Чабарке» других резонней...

Часть 3

ПОЕЗДКА В КОЛБОВИЧИ

Деревня Колбовичи. Избы и старость,
Но так же играет течением Щара.

И после дождя – берега в половодье.
Двором ковыляет к нам дядя Володя.

«Купите козу!» – улыбается зубом
И сыплет словечками смачно и грубо.

Нет больше у Кости здесь дома родного.
О матушке вслух поминальное слово.

Иван иногда приезжает (братишка).
В Колбовичах бегал он босым парнишкой.

Всё так же у аистов длинные ноги.
Их дом – высота на ветру у дороги.

Деревня стоит. Изменилась слегка.
А мы уезжаем, старушка. Пока!

Часть 4

МИЧУРИН

Деревня Лесная –
Как будто родная,
А всё потому,
Что там Костя живёт.
Он крепкий хозяин,
Работник и барин.
Он холит-лелеет
Большой огород.

В его чуде света
Чего только нету!
А всё потому –
Человек заводной.
Арбуз, голубика,
Орех и брусника
Отлично растут
На земле родной.

Он сущий Мичурин.
Учёный – не дурень.
А всё потому,
Что в нём есть интерес.
Когда прививает,
Точнёхонько знает,
Что в тайны природы
По правилам влез.

А лес как вторая
Окраина рая,
Где царствует Костя,
Как рыба в воде.

Грибными местами
Под мягкими мхами,
Куда он ни глянет –
Лисички везде,

Куда взгляд ни кинет –
Там белый, тут синий,
Их вёдрами грузит
Он в свой мотоцикл.
Богатство и слава,
А есть ещё Клава.

...На этом закончу
О Косте свой цикл.

Часть 5 ПОДРУГА

Клавдией зовут подругу Кости,
Если кратко – женщина-уют.
Ждут в Москве (и не проездом) в гости,
В северных широтах её ждут.
Там – родные.
Сердце по ним ноет.
Как они?
Что с ними?
Внучка где?
Белорусский быт как лодка Ноя:
Есть достаток в Клавином гнезде,
И любовь, и ревность, и тревога.
Вся она – в калейдоскопе чувств.
Ей Всевышний начертал дорогу
Честно жить – искусство из искусств.
Верной быть до капельки
Со званьем
«Добрая заботливая мать
И жена шахтёра».
Как призванье –
Женщина, умеющая ждать.

Часть 6 НА КРЕЩЕНИЕ АНДРЕЯ

Вся жизнь – игра в надежду
Встречаться и встречать,
А в перерывах (между) –
Любить и тосковать.

Нас небо породнило
И православный храм.
Со свеч паникадила
Слетело: «Аз воздам».

Обетом, Богу данным,
Светло несущий свой крест.
С Андреем Первозванным
Внимаем благовест.

Я стал Андрею крёстным
На рубеже веков,
А год был високосным,
Не из простых годов,

А год был с фейерверком:
В миллениум разлёт.
Из чаши радость с верхом
Лилась, как свежий мёд.

Молитва над купелью –
Густой речитатив,
И ангел со свирелью
Выводит свой мотив.

Помазаны елеем
Душа его и плоть,
Чтобы жилось светлее,
Чтобы хранил Господь,

Чтоб под Его Покровом
Нас радовала новь.
Вначале было Слово
И значило «Любовь»,

И значило «Спаситель»,
Кто окрестил наш бег.
Ваятель и воитель,
Небесный человек.

Он вывел с бездорожья
Людей на свет из тьмы,
И радость в храме Божьем
Испытываем мы!

Часть 7 НА УЛИЦЕ РАДУЖНОЙ

Большое семейство Кирейчиков
На Радужной будто в раю.
Здесь любят Юреню, Андрейчика
И крохотку Катю свою,

Кирилла, их братика сродного
(Ему отдан весь бельэтаж),
Здесь любят меня, новомодного,
Приехать зовут на пейзаж

В свой сад, как на остров оазиса:
Здесь (Боже!) чего только нет!
Истоки домашнего базиса,
Богатый и вкусный бюджет.

Под музыку детского гомона
(Что делать – подвижный народ!)
Хлопочет Светлана Артёмовна,
Светло и красиво живёт.

И тут же с заботливой бабушкой –
Надёжный мужчина и дед,
Геннадий Адамович рядышком,
Для Светы он льёт тёплый свет.

Часть 8 СОКИ ЧИСТОЙ ДУШИ

Вот и август, качнув колоском,
Сыплет жемчуг семян,
Звёздный Лев по росе босиком
На орбите землян.
Вышли ангелы на небеси,
Как опушкой грибной,
К родникам, бьющим в Белой Руси
У деревни Лясной.
Песнопений возвышенный лад
В честь рожденья вершит.
Льёт в бокал мой космический брат
Соки чистой души
И подносит мне росный нектар
За столом торжества,
Губ раздетых божественный дар
Жжёт из мыслей слова.

Век любви как венец бытия
Для него дай, Господь,
Чтобы в тяжбах простого житья
Не опошлилась плоть.
И здоровья пошли ему, Бог,
Чтобы вечно моглось,
Чтобы в тело лилась, как всполох,
Сладострастная рось.

Часть 9 Я ОТ ВАС

Лёгкой музыки звучанье
Слушается в междусторчье.
Я от вас

на расстоянье
Лишь одной плацкартной ночи.
Искры искреннего смеха –
В фейерверке разной речи.
Я от вас

давно уехал
В ветреный прохладный вечер.
В свете дальнего заката
Чувства без переполоха.
Я от вас

спешу куда-то,
Где и без меня неплохо.
Отбываю – приезжаю –
Хлопает за дверцей дверца.
Я от вас

подзаряжаю
Жизнь измотанного сердца.
День красив и независим.
Он играет в надежду.
Я от вас

жду длинных писем.
Встречи и прощанья – между.
Пьеса сложена такая –
Все своей довольны ношей.
Я от вас

не отвыкаю
В подмосковном суматошье.
Радует песня слогом.
Светятся любовью лица.
Я от вас

узнал о многом –
Это всё во мне хранится...

ИВАН, ОРЛАН И КУРИНАЯ СЛЕПОТА

СОВРЕМЕННАЯ БЫЛИНА

Сторож Иван Залесов взорвался. А когда Залесов взрывался, он уже не обращал внимания ни на высокое начальство, ни на гнущих перед ним пальцы крутых братков, ни на богатых и бедных. Ни сословное положение, ни власть, ни деньги – ничего уже не имело для него значения. Только причина взрыва...

Любопытным во взрывах сторожа Ивана Залесова было ещё и то, что сторож Залесов никогда не взрывался матом. Наоборот, речь его становилась по-литературному правильной, слова и мысли словно заранее продуманы. Но это не обещало ничего хорошего для тех, кто вызвал в нём взрыв. «Залесыча лучше не выводить, если ты не хочешь узнать и услышать о себе то, что никогда бы не хотел о себе знать и слышать», – поговаривали старожилы базы. И верно, если ты привык видеть себя важным и значительным, крутым и сильным, то во время взрыва Ивана Залесова мог предстать с совершенно другой стороны... Суров и строг становился к человеку Залесов, если взрывался.

А взорваться ноне легко даже в этой глуши Караканского бора, где нёс свою службу сторож Залесов, охраняя базу отдыха людей духа неясного, русским не назовёшь, если мерить по сказаниям, по былинам и деяниям подвижни-

ков земли русской. Да, смутно всё во времени оном. Всё разорвано, размётано... то ли капитализацией, то ли глобализацией... Кто враг, где граница – не разберёшь... Слова разные, туманные, заумные. А за словами одно – сатанеет, беснуется человек. А как в народе, так и в природе. И землю уже под ногами трясёт. Но люди всё никак унять не хотят – лютуют в бесплодной ненависти своей. И ладно бы око за око, зуб за зуб, президент президента, претендент претендента – нет, рванут адскую машину где-нибудь на базаре или в театре, где полуднее, побольнее, побессмысленней и жесточе. Конечно, всё это в городе – в лесу поспокойнее. Но кто его знает, может, на фоне вековых молчаливых сосен, мудро хранящих свою тайну, на фоне тишины и щебета птиц взрывы и вся глупость человеческая чувствуются ещё острее и горше. В городе-то за шумом машин, за потоком, за скопищем и взрыва не услышишь, не только выстрела. А упал кто, тут же отташат, кровь песочком засыпят, затрусят, замоют – и поехали дальше... А то, что кровь несмываема, об этом уже никто и не помнит, не думает: все материалисты, коммунисты, атеисты, капиталисты... Да, механические какие-то в последнее время едут из города люди, словно завели

их всех одним ключиком. Различаются только тем, что одни на иномарках, а другие на отечественных «шестёрках». Отсюда и оценка друг друга, степень личной значимости, мнения и самомнения; выстраиваются по этим же признакам иномарок и «шестёрок» в некую даже иерархию, сословность, поглядывают друг на друга свысока или с завистью.

Глядит сторож Залесов на эту иерархию, на эту сословность – «и скучно, и грустно, и некому руку подать...» – колёсики, а не люди. Редко даже вздохнёт человек – значит, не глядит в себя... А если и вздохнёт, то как-то самодовольно, что, де, вот, сторож, приехал к тебе на красивой иномарке получить ещё и природы кусок... «Надо бы выезжать на природу почаще, да дела, дела...» – говорит такой человек и гладит себя по груди и по животу, как правило, по лишнему. А человека с красивой душой совсем редко встретишь. Конечно, душа у каждого есть, но попробуй докопайся, попробуй вытащи её из-под толщи, из-под спуда жира эту душу... Иногда вытащишь, но лучше бы не вытаскивал... Редко о бытии, даже в лесу, с кем поговоришь. А казалось бы, где, как не в лесу, человеку задуматься, внутрь себя заглянуть, самому свою душу на свету поддержать, на предмет чести или бесчестия проверить, потрясти... Перед вечностью постоять или хотя бы посидеть перед ней на пне или брёвнышке. В городе-то за величием уличных фонарей и звезды ни одной не увидишь, где уж там о душе, о вечности, о Боге вспомнить, о несмываемости крови... Постойте, посмотрите на себя, на небо хотя бы здесь, в лесу, в бору, на берегу моря. Может, это море в чём-то и горе: плесневеет, берега моет, как всё рукотворное – несовершенно. Но всё же место, где сторожит Залесов, с городом не сравнишь: звёздный ковш над морем висит, сосны небо упирают. Стоишь словно на краю земли, под звёздами до вечности будто рукой подать. Но нет, перед вечностью уже не стоят. О бренности земной жизни не думают. Понавезут из города эти самые пресловутые ляжки Буша, жрут, пьют без меры, повключают в своих машинах визжащие магнитофоны и ничего другого больше не видят и не слышат:

ни музыки леса, ни молчания неба, ни мудрой тишины сосен. А если даже привезут на море младенца, всё равно рядом магнитофон... Взорвётся, бывает, малым взрывом Иван: «Да вы хоть младенцу-то дайте послушать шум волн, пение птиц...» Пожимают люди плечами: чего это сторож раздражается, садись, мол, лучше выпей с нами...

Глядит на таких людей сторож Иван Залесов – и казалось бы, должен он, живущий один в глуши большую часть годового цикла, радоваться каждому появившемуся у него человеку, собрату, спутнику по земному бытию. А радости нет; впору, как Диоген, живший в бочке, зажигать среди бела дня фонарь и бродить среди людей со словами: «Ищу человека...»

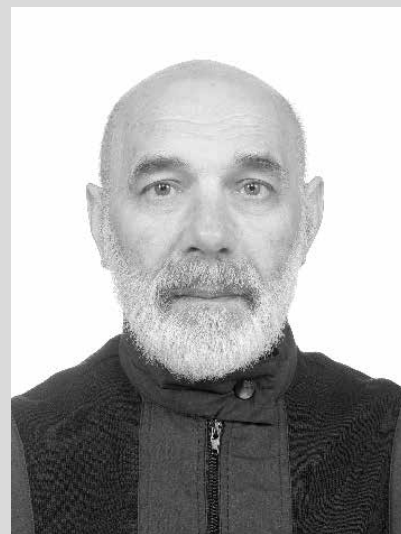
Да, непросто стало отыскать на земле человека (чело веков). Хотя заезжают на базу к Ивану Залесову разные люди: знакомые и незнакомые, бедные и богатые, новые хозяева базы и новые хозяева жизни... Новых хозяев земли вроде ещё не было, но кто знает!.. Распирает человека собственное «я», ох как распирает, у иного «я» – весь алфавит. Наворует, накружит, отмоет такой какие-то деньжишки, навешает на себя золотых цепей – и сразу вдруг умным становится, важным, вальяжным, разговаривает через губу, смотрит на всех свысока... Глядит Иван на людей, на новых и старых русских, на хозяев и не хозяев жизни, и грустнеет его взор, да так грустнеет, что устаёт он за лето от людей и уже ждёт не дожждётся поздней осени, когда останется совсем один с мудрыми молчаливыми соснами да трудягой дятлом. Перестукивается Иван с дятлом топориком, переговаривается с молчаливыми соснами, запрокидывая голову, вглядывается в светил численность и готов повторить за поэтом:

*Тогда смирятся души моей тревога,
Тогда расходятся морщины на челе...
И счастье я могу постигнуть на земле,
И в небесах я вижу Бога.*

Но это только тогда, когда Иван Залесов остаётся на этой лесной базе один. А пока не один, морщины на его челе не расходятся:

увь! – всякий новый человек, кто он – друг или враг?.. Или «и не друг, и не враг, а так...»? С чем тот или иной гость пожаловал? За водой ли к колодцу... что надо доброму молодцу?.. Дело ль пытается, от дела летает?.. Или заблудился в лесу и выехал, куда вела дорожка... или пьян немножко... Поглядывает Иван то влево, то вправо: сторож есть сторож, дозор есть дозор... Да и как Залесову не поглядывать: с одной стороны, племя дикарей вечно рыщет, непременно что-нибудь с базы сопрут. С другой – братки соседнюю базу под себя подмяли, «гуляй, рванина, от рубля и выше», палят из стволов во все стороны. Не судья Иван людям. Но не подходит ему братковская песнь. Вроде бы и удалая, да бессмысленная. Напоминают ему братки в своём сходе, сборе-соборе слова ещё одной песни: «Двери настезь у вас, а душа взаперти...». Так и у Ивановых соседей-братков: всё вроде настезь – и двери, и рубаха, и душа... Да дух тяжёлый, спёртый, запертый... Могильными пропастями земли, а не высоким духом неба от соседей-братков тянет. Вроде бы и договор у сторожа Ивана Залесова с ними есть: он в их монастырь со своим уставом не лезет. Но и они не нарушают его одинокой молитвы. Только договор есть – где Бог и честь. А где высокие принципы и добрые понятия нарушены, туда держи ухо востро, а глаз быстро, зорко... На совести соседей-братков уже и коровка Ивана Залесова: пристрелили-таки, нарушив даже волчьи законы – не красть овец, где живёшь. Но порешили братки коровку, где жили, весной, за три дня до отёла. Как говорят, «на сносях». Какое там по весне было мясо – кожа да кости, да плод в боку, куда ушли все последние коровьи соки... Да порешили и плод вместе с коровкой. Право, невесёлая «охота» – пристрелить и разделывать корову с шевелящимся плодом в боку. Даже в языческой Руси таких жертв идолам не приносили. А славная была коровка, все за молоком к ней ходили: одна на весь берег была и душу имела. Когда однажды Иван Залесов взорвался и, перенося взрыв свой с людей на животное, отхлестал коровку без какой-либо особенной вины её, она заплакала. Стояла и плакала самыми настоящими кроткими, ничем не защищёнными слезами. И сын Ивана Залесова видел эти слёзы и не может забыть и простить это отцу. Не забудет и Иван Залесов до конца своей жизни. Обнял он тогда коровку за шею, упал перед ней на колени и просил прощенья, плача вместе с ней. Да простила ли – не знает. Не успел на эту тему с коровушкой душевно поговорить: опередили братки, спустили с охудалого за зиму тела шкуру, несмотря на уже торчащий, шевелящийся сбоку плод. «Да... – вздыхает про себя Иван Залесов. Где уж тут про высокие принципы, когда живём как шакалы?»

Нет, не может снять дозор Иван Залесов ни слева, ни справа: к морю лицом встанет – по правую руку братки-бандиты, по

Иван МАРКОВСКИЙ

Иван Григорьевич Марковский родился в 1947 году в селе Залесово Алтайского края.

В 2001 году опубликовал рассказы в газете «Российский писатель» и в одном московском альманахе. В 2002 году был принят в Союз писателей России.

В 2003 году победил во втором литературном конкурсе Альфа-Банка, в номинации «Традиции русской литературы». В 2005-м – в литературном конкурсе «Возродим рассказ Сибири».

В 2018 году в номинации «Роман» получил региональную литературную премию «Накануне» Изборского клуба и Союза культурных журналистов «СКАЖи!».

В 2004 году вышла первая книжка. В 2008-м при содействии Новосибирской мэрии вышел двухтомник повестей и рассказов.

Ежегодно издаёт свои произведения в серии для библиотек Новосибирской области «Сибирская проза. Век двадцатый – век двадцать первый».

левую – племя дикарское. К лесу лицом повернётся – всё то же, только наоборот... А бродячее племя ещё хуже братков. В поисках и в состоянии своего воскресного уикенда (по-русски – «отдыхаловки») эти весь лес готовы поджечь или вырубить, лишь бы им тепло было, или машину удобно поставить, или «змея» с дерева снять. Спилят с десятка добрых сосен, чтобы «змей» с деревом на землю упал, и всё нормально. Ни душа, ни голова не болят, разве только с похмелья. А ради детей ведь своих таким образом «змея» достают и в их присутствии. Ведь это они, их деточки, «змея» на дереве повесили и пап с мамами на помощь позвали. Ну те в топоры, в пилы – и помогли, для них всё, для деточек... До чего стали неприбранными люди, без царя в голове. Нет, не хватит на таких людей ни леса, ни вод, ни у какого Бога не хватит. И вроде бы все в экономисты, в юристы метят. А попадает такой экономист на природу, в лоно своё, и так напуганит, что не приведи Господь быть рядом с таким юристом-экономистом. Из рта мат – в рот пивная бутылка, которая тут же после валяться на земле останется. Вот тебе и весь *homo sapiens sapiens* – человек дважды разумный. Так прочитал Иван Залесов о человеке в одной энциклопедии, а почему «дважды» – так и не понял. Один раз разумным не назовёшь, не только дважды.

Да, на фоне природы, на фоне её красоты нерукотворной ещё тяжелее порок и безобразие человеческое смотрятся, чем на фоне шума городского. И не расходятся морщины на челе сторожа Ивана Залесова до самой-самой поздней осени, поглядывает сторож то вправо, то влево. Кого несёт, каким духом потянет...

А с приходом осени, с отходом бабьего лета, с отлётом паутинок начал поглядывать Иван Залесов и в сторону моря, и день ото дня внимательнее и напряжённей, словно ждал кого-то, тревожась... Вроде срок пришёл, а того, кого ждал Иван, всё нет. Смотрит Иван Залесов на море, но не в сторону противоположного берега, а ищут его глаза что-то над морем, в поднебесье. А ищут глаза Ивана Орлана, давнего друга, с которым проведёт Иван Залесов

последние дни самой поздней осени, уже предзимья. Закроют они с Орланом, как говорят, сезон. Пролетят мимо самые последние стайки уток, откурлыкают в сторону южную свою печальную песнь журавли, покинут Обское море чайки, разъедутся в город последние люди, и останутся на пустынном берегу только Орлан да Иван. Орлан в небе – Иван на земле, словно одни во всём мире. Орлан будет кружить в небе, а Иван ходить по земле, готовясь в зиму.

Поглядывая на холодеющее с каждым днём море, Иван тревожился не столько от приближения холодной зимы, которая, как ни ожидай, как ни готовься, ни предчувствуй, всё равно свалится как снег на голову, задует, заметёт в одночасье. Он с тревогой ожидал не прихода зимы, а её предвестника, Орлана-белохвоста, который уже несколько лет прилетает в эту часть моря и одиноко кружит над морем, над Иваном. Улетит Орлан, и останется один Иван... Улетит Орлан, и встанет в ту же ночь море, затянется льдом. Зима... А пока Иван поглядывает в небо над морем: прилетит ли в этом году Орлан-белохвост, долетит ли?.. Переживает Иван за Орлана: лететь над землёй, где правят бал неприбранные, без принципов, без царя в голове люди, опасно... Иван Залесов помнит, что в первый раз Орлан появился здесь не один. Вначале орланы появились парой, парой кружились над морем, то разлетятся, то снова соединятся и летят рядом.

«Что это за запоздалые коршуны?» – подумал сначала Иван. Но коршуны улетают самыми первыми ещё в сентябре, а был уже поздний октябрь... Да и для коршунов что-то уж больно крупные, даже издали. Взял сторож бинокль, приложил к глазам и узнал в паре орланов. Красивая была пара, радовала глаз, тешила душу высотой полёта, размахом крыла. «Есть ещё красота и разнообразие в мире», – радовался Иван.

А через год прилетел только один из орланов... Да, трудно пролетать над мелкими людьми большой птице.

Но прилетел Орлан, прилетел и в этом году. И хотя прилёт Орлана означал для Ивана,

что скоро зима, долгое, засыпанное снегом одиночество, Иван ходил по базе довольный. А однажды, лёжа на кровати, он почувствовал, как она под ним заходила, задвигалась, заскрипели не то пол, не то стены его сторожевого домика, и он понял, что это землетрясение. Землю трясло... стреляли, взрывали, убивали где-то друг друга суетливые люди, тревожа, расшатывая землю... Но Орлан мерно кружил над морем, над базой, над головой и душой Ивана Залесова. И в этом мерном полёте чувствовался какой-то высший порядок, какая-то божественная стабильность; спокойствием и величием Природы и Жизни веяло от мерного взмаха больших крыльев. Во всяком случае, для Ивана Залесова это было так. В течение дня Иван непременно отыскивал, ждал в небе Орлана и, увидев его, успокаивался. И Орлан словно знал, что его ждёт, им любитесь человек, непременно прилетал и делал круг над базой, над головой Ивана, остро поглядывая вниз на человека. И, обменявшись взорами, они продолжали заниматься каждый своим делом. Красивая умная птица видела, что здесь для неё не враг, иногда она опускалась совсем низко, позволяя Ивану вдоволь налюбоваться собой. И Иван любовался, видя в полёте, в движениях Орлана великий ритуал Жизни.

И когда в субботний день, на редкость тёплый для двадцатых чисел октября, на базу въехали люди, сторож Иван Залесов был приветлив и спокоен. Люди эти были гости других людей, отдыхающих по протекции хозяев здешней собственности, и в этом предполагалась уже некая порука порядка и ответственности. Ещё Иван слышал, что люди, въехавшие на базу, – жители некоего элитного посёлка Изумрудный. Хотя с образом «элиты», элиты общества, элиты государства эти люди в сознании Ивана Залесова как-то не очень вязались, когда он сравнивал эту новую «элику» с образом, например, Андрея Болконского и его отца, Болконского-старшего... Конечно, хорошие дома, может быть, у этих людей есть, и деньги кое-какие есть... и машины есть. Но вот чего-то от Конфуция, с его «совершенным мужем», или от Будды, отказавшегося

от царства и часами молчаливо стоявшего под деревом познания в ожидании небесного поучения, или от наших отцов-пустынников, с их духовным опытом «затвора», смирения духа и плоти, – такого у этих элитных людей – увы! – пока что-то не замечалось. Зато наблюдалась у подобного типа людей уже некоторая небрежность, например, покушают хорошо... понавезут в изобилии те же куриные ножки, не доедят. Бывает, только надкусят... и не повесят эти только надкушенные ножки-ляжки на дерево хотя бы той же белке, тем же полозкам, тут же спующим по коре сосен... а сгребут всё это небрежно ногой на месте кострища или свалят всё в ямку отхожую, не отделив от дерьма даже хлеба – для той же птички, пусть даже привычного воробья. Нет, не помнят уже о птичке. Не сверят себя с «совершенным мужем» или хотя бы с каким старцем из нашего Отечества, из Оптиной пустыни или ещё из какого места... Были же старцы, с чьей жизни пример можно взять, подумать... Но – увы! – в своём Отечестве нет пророка.

Нет, на настоящую элиту люди, заехавшие на базу, на взгляд сторожа, не тянули. А когда пропустили по стаканчику, расчехлили ствол и начали палить во все стороны света, то как-то совсем элитарность их потускнела. И напоминали они собой уже не то братков справа, не то дураков слева... А повернёшься лицом к лесу – всё то же, только наоборот.

Насторожился сторож Иван Залесов: то ли пойти унять?.. Но попробуйте отнять у ребёнка игрушку, которой он ещё не наигрался... Или чёрт с ними, палят вроде по пластмассовым бутылкам. Конечно, не украшала эта пальба ни «элику», ни базу, ни сторожа Ивана. Читал где-то Иван Залесов в книгах заповедальных, что даже перо, упавшее от пролетавшей птицы, вызывает гром на дальних мирах. Каким же тогда громом и погромом отзываются эти выстрелы? Надо бы пойти и унять... Да устал уже Иван унимать, напрягать нервы, устал говорить людям. Тяжело говорить с сытыми людьми из элитных домов. Завтра съедут сами, завтра восстановятся тишина и покой, останется он один. Завтра он скажет им на отъезд. Завтра...

И вдруг в это самое время, под эти самые выстрелы влетел на базу Орлан, и тут же напав на него ствол, и грохнул выстрел... Вздрыгнул сторож Иван, сжались на лице его скулы: «Ах ты, племя безмозглое, подлое и слепое!..»

Замахал торопливо крылами Орлан, с силою забирая в сторону и вверх, в спасительную высь. Промазали стрелки. И пусть благодарят Бога!.. И взорвался сторож Иван, словно все взрывы, о которых он слышал, отгороженный лесом, сдетонировали в нём разом. Пусть благодарят Бога... Иван не смог бы простить этим людям своего друга Орлана. Он уже простил подобным людям одного своего друга, добрейшего пса хромоногого Вовчика – приبلудившегося к Ивану бездомного бродягу, брошенного кем-то в лесу. Он уже простил раз, не отомстил, предал, смирился, когда лютый питбультерьер одних тоже сытых людей вырвал Вовке трахею, разорвав горло... Он уже простил, пролежал ночь как в бреду, борясь с желанием открыть потаённый схрон, достать припрятанный ствол и положить этих псов и людей, людей-псов со всей их озверелостью, в одну яму, и закидать землёй и ветками, как взбесившихся ядовитых собак. А самому уйти потаёнными тропами... И не зарыл в одной яме, и не ушёл потаёнными тропами куда-нибудь туда, где собиралась смутная рать под знамёна ислама... Да, негоже менять знамёна, менять веру, в которой родился. Но всколыхнись вместо знамён ислама знамёна Запорожской Сечи, и кто знает, где был бы сейчас Иван. Да – увь! – не только нет прежней вольной Запорожской Сечи, но и сама Украина в НАТО засобиралась. Что они там, хохлы, совсем посдурели, что ли?.. Да разве можно Тараса Бульбу, которого словно видишь на полотне художника Репина пишущим «письмо турецкому султану», представить пишущим прошение в НАТО, просящимся в НАТО... Тараса Бульбу!.. который говорит жиду Янкелю, видевшему его сына Андрия у поляков: «Так это выходит, он, по-твоему, продал отчизну и веру?.. И ты не убил тут же на месте его, чёртова сына?..»

Нет, не может представить сторож Иван Залесов Тараса Бульбу пишущим прошение в НАТО, в другую веру. Это больше подходит

Янкелю с его безродной душой: где лучше – там и отечество, где деньги – там и вера...

Нет, не убил тогда тех зверей-людей сторож Иван Залесов, не переступил черту: не дал Бог... Прогорел ночь как в бреду, сжав челюсти... Но сколько можно прощать... сколько можно терять друзей... сколько можно предавать?.. Ведь бездействие, неотмщение – это предательство. И взорвался Иван, и пошёл, и сказал:

– Господа!.. гости дорогие, люди вы добрые, мне понятно в вас то, что вы не хотите оставить после себя что-то другим людям. Не хотите оставить крошку от своего жирного обеда даже птичке-невеличке: всё превратите в дерьмо, смешаете с золой, с пылью и грязью в полном небрежении своём. Но мне непонятно, почему вы не хотите оставить ничего даже своим детям. Ведь у вас есть дети! И убив в небе орлана, на что покажете вы им, как на красивый, свободный полёт?.. На «ножки Буша»?.. Или на засранный зад своей доморощенной курицы?.. Что покажете вы своим детям на небе и на земле, с чем сравнят они полёт и красоту своей мысли?.. Куриная вы слепота!..

Взорвался Иван, и ему было уже наплевать, что подумают о нём эти и другие люди, обидятся или не обидятся, заплатят ему или не заплатят... Ему было уже наплевать на их деньги, наплевать на всю их экономику, в которой не было места Орлану. Наплевать на провозглашённый тезис «Жить по закону, а не по понятиям». Наплевать на такой закон, в котором нет добрых, высоких и крепких понятий. Иван Залесов взорвался, он уже словно скакал в сторону Запорожской Сечи, где вольно и весело писалось письмо турецкому султану. Скакал туда, где закон не расходится с высшими понятиями чести, туда, где наивысший закон выражен в словах «Закон мировой пощады требует полного уничтожения гада» и запечатлён в Георгии Победоносце, поражающем копьём змея-гада. Не в личных целях, а во имя мировой пощады.

– И не занимайте в этом законе место «гада», добрые люди... Убив орлана, вы убьёте себя: на чём вы обновите своё высокое слово,

на чём обновите образы своих сказаний, если в вашем небе не будет орлана, а на земле дурака Ивана?..

Или вы надеетесь, что образы высоких сказаний пробудят в ваших душах поэты толстых журналов?.. Нет, слишком больны они самомнением, алчны в деньгах, слишком далеки от Лукоморья, и оно никогда не откроет им своих тайн. А потому берегите в небе орлана и любите сказавшего вам это Ивана.

Так закончил свою речь сторож Иван Залесов и пошёл, собирая осколки своих разлетевшихся во все стороны мыслей... Люди извинялись, говорили, что подумали: на базу залетела ворона... Но как можно извинить совершенно зрячего человека, который уже не может отличить в ста метрах ворону от орлана?

Люди назавтра уехали, и остался на базе один Иван. Сколько ни смотрел в эти дни Иван на небо – Орлана поблизости не было. Только однажды увидел он его, далеко стороной облетающего базу. Конечно, Орлан имел полное право считать, что здесь его предали...

Подул уже холодный ветер, пошёл снег. И в первых же числах ноября море в районе Караканского бора встало, паря отдельными ещё не затянутыми льдом полыньями. Сторож

Иван Залесов одиноко сидел перед окном в своей избушке с видом на ещё парящее море. Зима... Вдруг он увидел на льду какие-то живые фигуры. Для людей они были маловаты. Да и не могли ещё люди выйти на такой лёд... Для местных чёрных воронов, зимующих в лесу, слишком крупны... Собаки?.. Собаки тоже не пойдут по такому льду. Сторож Залесов достал свой дозорный бинокль и, выйдя из дому на полянку перед морем, приставил бинокль к глазам. На льду, прямо напротив базы, сидело сразу шесть орланов. Они поднимали, взъерошивали перья, выпячивали свои груди, поглядывая в сторону базы и человека, словно демонстрировали свою силу: знай наших... Чёрные вороны, подлетевшие к своим более крупным собратьям, прыгали между орланов, как воробьи между ворон. Орланы же сидели осанисто и важно, не обращая на воронов никакого внимания, и все они смотрели в сторону базы... Иван улыбнулся. В этот же день орланы улетели, море окончательно сковало. Сторожу Ивану Залесову предстояла долгая одинокая зима, длинные ночи да тусклый свет керосиновой лампы. Но он ходил по базе довольный. В нашем полку прибыло. Берегись, куриная слепота!..

Иван МАРКОВСКИЙ

БЛАГОДАТНОЕ КОЛЬЦО ОБЪЕДИНЯЕТ НАРОДЫ

Прошло более полугода со дня вступления в силу поправок в Конституцию Российской Федерации. Это важнейшая веха в развитии Российского государства.

Внесение в Конституцию положения о том, что «Российская Федерация, объединённая тысячелетней историей, сохраняет память предков, передавших нам идеалы и веру в Бога», имеет непреходящее значение в укреплении российской государственности, её духовных и нравственных основ. Подчёркивает нерушимое единство российского народа, его стремление к братскому союзу со славянскими народами, к миру и дружбе с нашими далёкими и близкими соседями, независимо от их национальной и конфессиональной принадлежности.

Распад СССР на отдельные государства в начале 90-х годов прошлого века больно отозвался в судьбе многих людей. Вызвал кровопролитные конфликты. Разорвал сложившиеся за многие десятилетия и века духовные, культурные и семейные связи. Породил вражду между отдельными народами. По разным оценкам, в постсоветских военных конфликтах погибли десятки тысяч людей, сотни тысяч пострадали.

С болью приходится констатировать, что по вине безответственных политиков произошёл раскол и в православном мире между самыми близкими славянскими народами – русскими и украинцами, которые во веки веков являлись основой и оплотом Великой Руси.

Мы живём в очень неспокойном мире. Налицо значительное обострение международной обстановки, вызванное усилением противоречий между отдельными державами и группа-

ми стран. Против России развязана очередная холодная война. Запад стремится во что бы то ни стало ослабить влияние России в мире, лишить её суверенности и в итоге расчленить на отдельные составляющие.

В этих условиях, как никогда, становится актуальной задача по обеспечению выживаемости государства, укреплению его единства в противостоянии внешним и внутренним угрозам. Этого невозможно достичь без консолидации православных народов России, Украины и Белоруссии, главных носителей тысячелетней истории Святой Руси, свято сохраняющих память предков, идеалы и веру в Бога.

Десять лет назад простые люди из России, Украины и Белоруссии поняли и ощутили, насколько един дух братских народов и насколько важно сохранить этот дух под натиском враждебного Запада. В результате был создан в Москве Международный центр развития со-

циально значимых проектов «Святые Лавры Руси Православной», и с Божьей помощью у него нашлись единомышленники во всех трёх странах единого народа.

Цель создания Международного центра состоит в том, чтобы народ Великой, Малой и Белой Руси и особенно подрастающее поколение не забыли своих общих духовных и культурных корней, помнили о своей славной истории, духовно окрепли и были привиты от всего негативного и разрушительного извне.

Благословляя Международный центр на его подвижнические труды, Святейший Патриарх Московский и всея Руси Кирилл выразил надежду на то, что проект «Святые Лавры Руси Православной» послужит делу сохранения исторической памяти и культурного наследия славянских народов, а также их сплочению на основе традиционных духовно-нравственных ценностей. При этом Его Святейшеством перед центром поставлена задача всемерно укреплять единство православных людей, развивать общественные и духовные связи с соотечественниками, проживающими за рубежом. Популяризировать православие и христианские ценности, активно участвовать в патриотическом воспитании молодёжи.

Важным подспорьем для решения этих задач явилась идея написания в 2011 году по инициативе и при попечении Международного центра и с благословения митрополита Донецкого и Мариупольского Илариона, а также наместника Свято-Успенской Святогорской

лавры архиепископа Святогорского Арсения, схиэпископа Алипия (Погребняка) иконы «Собор Небесных Покровителей Лавр Святой Руси».

Икона выражает духовное единство славянских народов и молитвенное предстательство за род человеческий небесных покровителей лавр Святой Руси перед Святой Троицей, которой посвящены Троице-Сергиева и Александро-Невская лавры (Россия), и Божией Матерью, которой посвящены Киево-Печерская, Почаевская и Святогорская лавры (Украина).

Икона «Собор Небесных Покровителей Лавр Святой Руси» вручена населникам всех лавр России и Украины, а также Свято-Успенского Жировичского монастыря в Белоруссии. Это событие знаменует образование символического Благодатного кольца – кольца, приносящего благо, довольство и радость, а также целостность и единство братским народам. Кольцо символизирует неразрывную связь славянских народов и является залогом их братского союза на века. А это как раз именно то, что нам завещали и оставили наши предки – жить вместе и дружно, одной семьёй.

Вручение иконы в лаврах России и Украины, а также в монастыре Белоруссии сопровождалось большим духовным подъёмом среди православных верующих. Примечательно, что именно Донецкая и Луганская области первыми встали на защиту исторической памяти Святой Руси, выступив с инициативой поддержки создания иконы, что послужило им надеждой и опорой. В народе икону назвали «Объединительницей», так как она соединяет Великую, Малую и Белую Русь.

В 2019 году Его Святейшество Патриарх Московский и всея Руси Кирилл благословил текст молитвы к этой иконе. В этой молитве содержится настоятельный призыв, опираясь на заповеди Бога, изжить из наших взаимоотношений дух вражды и злобы, укрепить братство народов, возродить единое Отечество.

Таким образом, икона «Собор Небесных Покровителей Лавр Святой Руси», а также образованное её присутствием в святынях России, Украины и Белоруссии символическое Благодатное кольцо служат духовному единению всех православных людей, что имеет не только всенародное, но и государственное значение.

Одним из важных и значимых шагов на пути консолидации народов России, Украины и Белоруссии является идея возделывания Международных садов мира и памяти защитников Отечества «Благодатное кольцо».

По нашему глубокому убеждению, сады «Благодатного кольца» призваны стать центрами воспитания у молодёжи патриотизма, благодарной памяти нашей истории, духовности и нравственности, служить прочной основой единения народов. Символом этой акции служат слова на Могиле Неизвестного Солдата: «Имя твоё неизвестно, подвиг твой бессмертен», а также на мемориальной стене на Пискаревском кладбище в Ленинграде, где похоронены жертвы ленинградской блокады: «Никто не забыт, ничто не забыто».

Исходя из вышеизложенного, Международным центром при поддержке государственных и общественных организаций с 21 сентября 2017 года реализуется идея создания Международного сада мира и памяти защитников Отечества «Благодатное кольцо».

Первый такой сад в память о 27 миллионах погибших в годы Великой Отечественной войны заложен в г. Переславле-Залесском (Ярославская область). Причём дата и место закладки сада выбраны не случайно. Ведь именно здесь родился святой благоверный великий князь Александр Невский, 800-летие которого будет отмечаться в 2021 году. Кроме того, 21 сентября является Международным днём мира, датой Рождества Пресвятой Богородицы и Днём победы русских полков в Куликовской битве.

В настоящее время закладка садов и парков кроме г. Переславля-Залесского осуществлена в г. Ядрине Чувашской Республики, Звёздном городке, г. Коломне Московской обл., г. Батайске и г. Гуково Ростовской обл., г. Кореновске Краснодарского края, четырёх населённых пунктах Республики Крым (Красногвардейском, Восходе, Ровном, Пятихатке), а также в г. Свердловске Луганской Народной Республики.

В мае 2020 года, в год 75-летия Победы, по благословению и при личном участии наместника Свято-Троицкой Александро-Невской лавры епископа Кронштадтского Назария Сад мира и памяти защитников Отечества «Благодатное кольцо» заложен в прихрамовом саду у стен церкви Николая Чудотворца на Сойкинском полуострове (Ленинградская область), которая находится в непосредственной близости от морского торгового порта Усть-Луга и является духовной доминантой Балтики.

Инициатива Международного центра поддержана и реализуется в субъектах Российской Федерации, в частности Республике Крым, г. Санкт-Петербурге, Астраханской, Волгоградской, Ленинградской, Московской, Тамбовской и Ярославской областях. Её поддерживали отдельные учреждения и организации Республики Беларусь и Республики Сербия, администрации г. Донецка и г. Луганска.

Представляется, что миллионы деревьев в этих садах символизируют идею Бессмертного полка и являются его естественным продолжением. Таким образом, проведение акции «Бессмертный сад» имеет долгосрочный характер и рассчитано на длительную перспективу.

Как уже отмечалось, в текущем 2021 году на основании Указа Президента Российской Федерации № 484 от 23.06.2014 мы будем торжественно отмечать 800-летие со дня рождения святого благоверного князя Александра Невского. Наш народ высоко чтит его деятельность как защитника Отечества и православия, оказавшего огромное влияние на судьбы стра-

ны и народа, предопределившего ход русской истории на многие столетия вперёд.

В связи с этим Международный центр осуществляет проект, посвящённый этой исторической дате.

Совместно с Общероссийской Малой академией наук «Интеллект будущего» города Обнинска Калужской области, муниципальным бюджетным общеобразовательным учреждением города Керчи Республики Крым «Школа-гимназия № 1» и другими образовательными учреждениями мы проводим различного рода конкурсы и другие мероприятия, целями которых являются воспитание детей в традициях любви к своему Отечеству, гордости за героический подвиг участников сражения на Чудском озере 1242 года, воспитание патриотизма, бережного отношения к военно-историческому прошлому своего народа, формирование у детей потребности в изучении истории Отечества.

В ближайшее время будет образован координационный совет, в состав которого войдут представители Русской православной церкви, её Белорусского экзархата, Украинской православной церкви Московского патриархата, святых лавр, общественных организаций и объединений, органов государственной власти.

Внесение в Конституцию Российской Федерации положения о том, что «Российская Федерация, объединённая тысячелетней историей, сохраняет память предков, передавших нам идеалы и веру в Бога», обязывает нас сделать всё необходимое, чтобы оно стало мировоззренческой позицией каждого человека, каждого гражданина, способствовало единению народов России с братскими народами Белоруссии и Украины, со всеми нашими соотечественниками, проживающими за рубежом. Именно на это и направлена работа Международного центра социально значимых проектов «Святые Лавры Руси Православной».

Потому что в единстве наша сила!

В. В. БЕРЕЗОВСКИЙ,
автор и руководитель проекта
«Святые Лавры Руси Православной –
Благодатное кольцо»

ЛЫЖНЫЙ ПОХОД

В дни зимних школьных каникул воспитанники Центра патриотического воспитания имени генерала армии Н. Е. Рогожкина ВСК «Дружина» под руководством своих наставников, Дмитрия Олеговича Хромова, Виктора Вячеславовича Шишко и Кирилла Александровича Графова, совершили лыжный марш-бросок, а затем приняли участие в «ночном дозоре». В отличие от обычной прогулки по зимнему лесу, мальчишки из ВСК «Дружина», где самому юному чуть больше пяти лет, а старшим – пятнадцать, во время похода не только учились преодолевать большие расстояния (от города до района ЦГЛ), но и совершенствовали свою общефизическую подготовку, оказывали первую медицинскую помощь условному раненому товарищу, выносили его с «поля боя».

Разводили костёр и организовывали место для безопасного привала.

Полевые выходы – это не просто экскурсия по родному краю, что тоже весьма приятно и полезно, это возможность учиться и проявлять лучшие человеческие качества: преодолевать свои слабости и страхи, несмотря на усталость и холод, заботиться не только о себе, но и быть частью команды, осваивать полезные навыки выживания в зимних условиях, слушать и слышать своих наставников, общаться друг с другом.

С чего начинается Родина? «С хороших и верных товарищей», которых эти мальчишки нашли не только в своих дворах, но и в Центре патриотического воспитания имени генерала армии Н. Е. Рогожкина.

ТРИ НОВЫЕ КНИГИ

Сразу три новых издания, автором которых является главный редактор журнала «Александръ», увидели свет в конце 2020 года, а презентации прошли в три дня.

Так, 28 декабря в Мичуринске презентовали издание о ветеранах – героях войны в Афганистане «Афганистан болит в душе моей». Издание рассказывает о ныне живущих ветеранах той войны – уроженцах Мичуринска и Мичуринского района. О каждом из 400 вернувшихся с войны написана краткая биографическая справка, помещены их фотографии, очерки и рассказы о них. Книга содержит стихотворения и прозу самих воинов-интернационалистов.

Презентация книги состоялась в музейной комнате боевой славы г. Мичуринска. Часть тиража передали библиотекам, учебным заведениям города и района, часть на презентации вручена активистам ветеранской организации.

На следующий день, 29 декабря, в Тамбове презентация книги «Казаки и духовенство Тамбовщины в годы Великой Отечественной войны» началась с открытия стелы казакам-кавалеристам – героям Великой Отечественной войны. Она разместилась на территории строительного колледжа. На монументе высечено более 400 имён героев. Возвести стелу удалось благодаря областному гранту. Тамбовское областное казачье общество получило в текущем году средства на строительство монумента в конкурсе по поддержке социально ориентированных НКО.

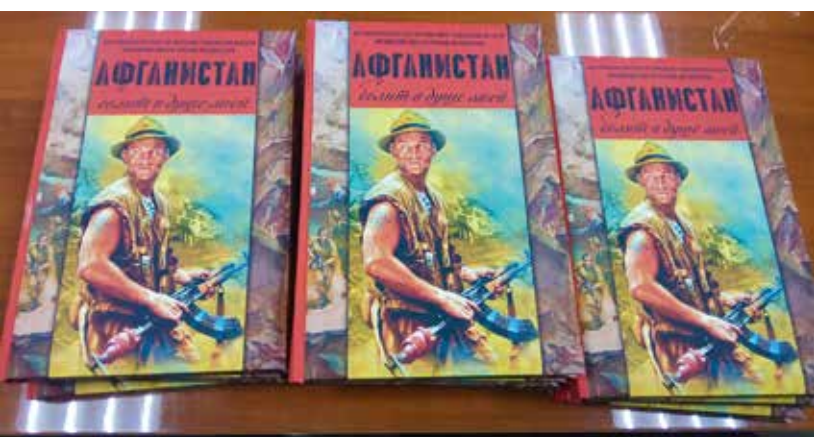
После этого участники мероприятия переместились в здание казачьего колледжа им. И. И. Воронцова-Дашкова, где прошла презентация уникального издания, в котором поднята и раскрыта тема участия казаков и

священнослужителей Тамбовщины в Великой Отечественной войне, – это необычная тема... Необычная, потому что в советское время было принято обходить её стороной, чем ныне и пользуются клеветники и провокаторы. В данном издании описывается героизм и самопожертвование людей, истинных патриотов своего Отечества, которые, несмотря на несправедливое отношение со стороны властей, не раздумывая встали на защиту Родины и своими жизнями спасли будущие поколения России.

30 декабря в здании Всероссийского института садоводства и плодородства (г. Москва) была презентована монография «Управление экономическим поведением агропредприятий», авторами которой являются академик РАН И. М. Куликов и доктора экономических наук А. С. Труба и В. П. Черданцев. В ней были рассмотрены проблемы управления рациональным поведением агропредприятий в условиях рыночной экономики и способы их преодоления с целью формирования устойчивого развития аграрной сферы экономики. Изучение теоретических и практических аспектов управления сельскохозяйственным предприятием позволило авторам не только дать анализ практики институциональных преобразований в реализации экономического поведения агропредприятий, но и раскрыть основные положения новой концепции.

Дизайнером всех трёх изданий стала Елена Ермохина, которая по результатам подведения итогов за 2020 год была награждена Почётной грамотой Союза писателей России.

Александр СЕРГЕЕВ

«АЛЕКСАНДРЪ»
atextib.ru